НАУКА И РЕЛИГИЯ

1991

ISSN 0130-7045

В НОМЕРЕ

Воздух-1.
1989

На 2-й и 3-й страницах обложки картины Ярослава СУХОВА.

О нем читайте на с. 15.

Чаша.
1990

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛЬ — ВСЕСОЮЗНОЕ ОБЩЕСТВО «ЗНАНИЕ»

Зарегистрирован Государственным комитетом СССР по печати за № 732

Издается с сентября 1959 года

в номере

5 Май '91

На нашей обложке картина художника В. СЕРЕБРОВСКОГО.

О ней читайте на с. 14

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

Адрес редакции:
109004, Москва, Товарищеский пер., 8

Телефоны
272-25-57
272-40-91

Сдано в набор 19.03.91.
Подписано к печати 25.04.91.
Формат 60×90/8
Бумага офсетная № 2.
Офсетная печать.
Усл. печ. л. 8,0.
Усл. кр.-отт. 9,75.
Уч.-изд. л. 11,4
Тираж 795 655 экз.
Заказ 01070051
Цена 60 к.

Журнальный комплекс издательства «Радянська Україна». 252146, Киев-146, ул. Героев космоса, 6.

Политика и религия

В. ГАРАДЖА,
доктор философских наук

Заканчивая публикацию статьи В. И. Гараджи, редакция надеется привлечь внимание читателей к обсуждению этой сложной и актуальной темы.

Анализируя острые взаимоотношения религии и политики, нельзя, разумеется, обойти решение этой проблемы в теории научного социализма — в марксизме. Его современные критики одно из прегрешений марксистской концепции видят в провозглашении политики, направленной на искоренение религии, на борьбу с церковью. Такой взгляд, несомненно, имеет свое основание в советском опыте, в недавней практике ряда восточноевропейских стран. Однако было бы ошибкой представлять такой опыт как адекватное выражение марксистской идеи освобождения человека и создания нового общества.

Для Маркса, в отличие от его теоретических предшественников — просветителей, в основе отчуждения человека лежит отнюдь не «религиозная ограниченность», а «мирские путы», которые, как он полагал, коренятся в характере частнособственнических отношений.

Пути освобождения человека от порабощающих его отношений, которые окружены в его глазах «священным ореолом» и требуют религиозного оправдания, опираются на религиозную санкцию — вот вопрос, который, по Марксу, имеет реальное значение. Ликвидация религии не равнозначна установлению разумных и справедливых отношений между людьми. Потому он и не провозглашает задачу борьбы с Богом, а лишь исключает его из своего объяснения мира. Признание человека высшей ценностью, по Марксу, совсем не обязательно должно быть опосредовано отрицанием Бога. Религия интересует Маркса только в перспективе освобождения человека на путях социальной революции и ликвидации обесчеловечивающих условий жизни.

Напомним, что становление буржуазной цивилизации, как правило, сопровождалось резкой критикой религии прежде всего потому, что христианская церковь и теология, как это было, к примеру, во Франции, выступали главной опорой обанкротившегося режима, были враждебны демократическим устремлениям, принципам свободы, равенства, братства. Атеизм в этой ситуации прежде всего сыграл роль политической программы сокрушения светской и духовной власти.

Можно ли в этой связи победу буржуазных революций рассматривать как окончание христианской истории? Конечно, нет. Заканчивалась не христианская история, а период константинизма, когда церковь приспосабливала веру в Бога к служению политическим целям. Христианское же понимание человека и истории, соотношения этики и политики не утратило значения и в Новое время, которое не утвердило «царства разума», а породило новые проблемы в экономике, политике, духовной культуре.

Прежде всего это вопрос о духовной цене, заплаченной за материальный прогресс. Результатом явились нигилизм, политическое насилие и тоталитарное порабощение духа. То есть вновь возникла проблема соотношения этики и политики, но на ином, не сопоставимом с предыдущим, витке истории.

Сегодня стало очевидным, что цивилизация, обратившаяся к науке, а не к религии в надежде достичь материального и духовного прогресса, не обрела искомого совершенства. Знание действительно оказалось силой, но таящей в себе еще бо́льшие угрозы человеку, нежели былая его слабость. Выявилось несоответствие между ростом технической мощи и способностью человека использовать ее во благо, а не во зло себе, прежде всего способностью делать правильный, не только с точки зрения политических, но и нравственных последствий, выбор целей общественного развития и методов их достижения. Кроме того, сложная техника также предъявляет повышенные требования тем, кто с ней работает.

И дело не только в профессиональной компетентности, интеллектуальном уровне, но и не в последнюю очередь в нравственной зрелости, ответственности, профессиональной этике.

Человечество «вырастает» из сложившихся на уже пройденном историческом этапе политических и нравственных представлений, как вырастает ребенок из коротких штанишек. Но одновременно возникает опасность утраты нравственных ценностей, в определенных ситуациях человек сознает себя как бы стоящим по ту сторону добра и зла, когда как бы отмирают целые пласты нравственного сознания, оставляя вместо себя духовный вакуум. В такие периоды добру и злу человек внимает одинаково равнодушно и не может оказать сопротивление торжествующему злу.

И сегодня, если мы хотим дать позитивный ответ на вопрос «быть или не быть», то мы непременно должны понять причины, раскрыть механизмы нравственного кризиса в современном мире и найти пути, ведущие к его преодолению.

Одно из предлагаемых решений — преодоление радикальной «обезбоженности» современного мира. Согласно этой точке зрения, опасно убеждение, что пришло время, когда благодаря науке религия уже изжила себя, стала ненужной и за ненадобностью должна быть отвергнута. Христианские мыслители видят корень зла в атеизме, секуляризме, «земном гуманизме», антропоцентризме, то есть в стремлении человека найти опору в себе самом; в светской, переставшей быть религиозной, этике, которая в человеке видит меру всех вещей и наделяет его способностью различать добро и зло, выносить окончательный приговор всему, как если бы он сам стал Богом.

Конечно, ложное понимание человеком смысла своей жизни не может не оказывать на нее негативного воздействия. Аморальные идеи, возводящие «негуманность» в принцип поведения и оправдывающие взгляд на другого человека как на средство достижения каких-то целей, способствуют ограничению или разрушению человеческих отношений между людьми.

Откуда берутся эти идеи? Очевидно, есть такие обстоятельства нашего современного бытия, которые ограничивают, а порой практически исключают нормальные, подлинно человеческие отношения между людьми. И мы должны спросить, почему стало возможным отношение к людям как к «человеческому материалу», принесение их в жертву каким-либо целям, пусть даже самым возвышенным?

Все более очевидно, что одна из причин духовного упадка коренится в политике, политической организации жизни общества. На определенном этапе его организация начинает осуществляться за счет духовной жизни: когда личности и идеи подпадают под власть государственных институтов и происходит централизация, «огосударствление» общественной жизни, превращающие человека в винтик этого механизма.

В работе «Протестантская этика и дух капитализма» М. Вебер показывает, как универсальная рационализация всей общественной жизни накладывает отпечаток на судьбу западной культуры. Всеми вещами в принципе можно овладеть с помощью тех средств, которые ведут к избранной цели. На определенной стадии прогрессирующая рационализация превращается

Окончание. Начало в № 3, 1991.

в нечто абсурдное, иррациональное. Это происходит, когда государственные институты теряют свою служебную функцию и становятся самоцелью, когда они не служат человеку, а господствуют над ним.

В области политики такие процессы происходят тогда, когда инструменты власти, «аппараты», созданные как средства, приобретают самодовлеющее значение и обращаются против человека. Тотальное управление человеком уничтожает его как личность. Внутренне сдавшийся, несвободный, разобщенный с другими людьми, потерявший свое лицо и лишенный истинно человеческих отношений человек в этих обстоятельствах просто не может быть нравственным и гуманным. Духовная деградация общества не может быть остановлена, если не изменятся обстоятельства, ее вызывающие. Но изменить их могут только люди, сами живущие в этих обстоятельствах.

В нашей стране новое политическое мышление, базирующееся на признании приоритета общечеловеческих ценностей, апеллирует к чувству нравственности и ответственности как тех, кто стоит у кормила власти, так и каждого рядового гражданина. Но вопрос в том, как пробудить новое мышление, как добиться, чтобы его принципы определяли деятельность государств, партий, организаций, поведение людей? И в частности, каковы в этом плане возможности религии с присущим ей механизмом воздействия на политику через этику, с ее традициями, опытом политического участия в общественной жизни, столь неоднозначным?

Христианству есть что сказать современному человеку, отягощенному нелегкими проблемами. Христианская религиозная мысль оказалась весьма чувствительной к болевым точкам на теле общества и сумела выявить их еще тогда, когда они только начали обозначаться. В этом отношении интересна русская религиозная традиция, продолженная в нынешнем веке Н. Бердяевым и П. Флоренским, если упомянуть только самых известных.

История показала несостоятельность тех принципов религии и той деятельности церкви, которые служили политической власти и выполняли охранительные функции к выгоде сильных мира сего. Справедливости ради надо сказать, что критика «огосударствления» христианства, которое приспосабливает веру в Бога к нуждам политики для оправдания ее далеко не всегда гуманных деяний, осуждение константинизма и устранения от борьбы с социальным злом, исходили и изнутри религиозного сознания. Критика «исторического христианства» в чрезвычайно острой форме предпринималась целым рядом религиозных мыслителей в нынешнем веке. И было бы неверно игнорировать тот факт, что эта критика наряду с изменением исторической ситуации имела последствия и привела к существенным переменам в церкви, в религиозном сознании — к повороту к нуждам и заботам современного мира, служению человеку, развитию теологии морали, осуждающей гонку вооружений, милитаризацию, экономическую и политическую несправедливость. И в религиозном сознании отражается и преломляется бытие человеческое в современном мире. Религия в доктрине и деятельности церквей становится более гуманистической: говоря о Боге, теология все чаще говорит о человеке и его сегодняшних проблемах.

О направлении поисков решения «проклятых» вопросов с нетрадиционных религиозных позиций уже на опыте поколений, «смертельно раненых двумя великими бедствиями: мировыми войнами и единоличной тиранией» (Д. Андреев) — можно судить, например, по недавно у нас изданной работе Даниила Андреева «Роза Мира и ее ближайшие задачи»*. Она была написана в конце 50-х годов, то есть в то время, когда нависшая над человечеством опасность неслыханного бедствия — ядерной войны стала уже остро ощущаться. Поскольку эта работа мало известна широкой публике, а затрагиваемые в ней вопросы особенно актуальны сегодня, остановимся на ней подробнее.

Главная для нашей темы мысль этой работы заключается в утверждении необходимости этического контроля над деятельностью государства. Оно много веков претендует на то, чтобы быть единственной силой, объединяющей людей, спасающей их от опасности войны всех против всех, и до сих пор остается единственным испытанным средством против социального хаоса. Но государство цементирует общество на принципе насилия, а уровень нравственного развития, необходимый для того, чтобы цементировать общество на ином принципе, не достигнут и сегодня.

Мир стал неделим и тесен, решение всех насущных проблем может быть действенным лишь при условии всемирных масштабов этого решения, подчеркивает Д. Андреев. Внутренний пафос новейшей истории — в стихийном стремлении ко всемирному. Всемирность перестала быть абстрактной идеей, она сделалась всеобщей потребностью. Чтобы всемирное единство не обернулось своей демонической стороной — физическим уничтожением человечества в войне и духовной его гибелью в результате установления террористического единовластия, недостаточно лишь создания единого общечеловеческого государства или всемирной федерации государств, ибо природа государств внеэтична по своему существу. Опасности будут предотвращены и социальная гармония достигнута не переразвитием государственности, не развитием науки и техники самих по себе, но установлением над этой федерацией особой инстанции — этической, которую можно было бы назвать Лигой преобразования сущности государства. При помощи воспитания она подготовит человечество к замене принуждения — добровольностью, внешнего закона — голосом совести, а государства — братством. Лига должна объединить людей самых различных философских и религиозных убеждений, в числе ее членов могут быть и атеисты. Об устранении угрозы войны, о путях к объединению мира без кровопролития, об ослаблении насилия и возрастании духа братства молятся верующие и мечтают неверующие в наш век, пишет Андреев.

Огромный запас духовных сил необходим для решения этой задачи. Между тем образовавшийся в XX веке вакуум духовности наука не способна заполнить. Что же касается религиозных конфессий, которые раньше всех провозгласили интернациональные идеалы братства, то теперь они оказываются в арьегарде всеобщего устремления ко всемирному. Старые религии не могли добиться существенного уменьшения социального зла, так как не располагали для этого необходимыми материальными средствами, и отсутствие этих средств вызывало их отрицательное отношение ко всем попыткам, считает Д. Андреев. Религия дискредитировала себя своей вековой беспомощностью в этом отношении. И сейчас немало реакционных религий, которым свойственны слишком внешнее понимание нравственных ценностей, приводящее к душевной черствости и ханжеству, узкий догматизм и нетерпимость к инакомыслию. Ни одна религия, исключая средневековый католицизм, не ставила перед собой задачу преобразования социального тела человечества. И потому на старые религии падает в значительной степени ответственность за последующий безрелигиозный этап, за духовную судьбу миллионов душ, которые ради борьбы за справедливое мироустройство противопоставили себя религии вообще и этим вырвали корни своего бытия из лона мировой духовности.

Д. Андреев полагает, что рождается «всечеловеческая интеррелигия», которая поможет достичь наибольшей гармонии между свободой личности и интересами человечества, всесторонне развиться заложенным в человеке творческим способностям и даст духовную основу искомой этической инстанции. Он называет эту интеррелигиозную всечеловеческую церковь новых времен Розой Мира — единым духовным цветком, который соединяет в себе разрозненные лепестки из былого соцветия религий.

Сложность проблемы обусловливает разнообразность попыток ее решения. Однако сегодня, на наш взгляд, особенно важно расстаться с расхожим представлением, будто политика и мораль несовместимы. Проблема будущего — это проблема не только научная, но и политическая, и этическая. Новое политическое мышление предполагает признание политикой нравственных обязательств. Сегодня жизненно необходимо найти возможность утверждения политической деятельности на принципах подлинно гуманистической этики.

Крайне важны взаимопонимание, диалог, сотрудничество всех сил — религиозных и нерелигиозных — в создании духовных основ развития единой человеческой цивилизации, наследующей и развивающей все лучшее, созданное предшествующими поколениями и в материальной, и в духовной сферах.

«СОСТАВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ ОТСУТСТВУЕТ»

МЫ ПУБЛИКУЕМ В ЭТОМ НОМЕРЕ ДВА ДОКУМЕНТА. ОБА ОНИ — О СУДЕБНОМ ПРОЦЕССЕ, СОСТОЯВШЕМСЯ В ПЕТРОГРАДЕ 10 ИЮНЯ — 5 ИЮЛЯ 1922 ГОДА, ПАМЯТНОГО ДЛЯ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫХ ОТНОШЕНИЙ. В ЦЕНТРЕ ПРОЦЕССА — ФИГУРА МИТРОПОЛИТА ПЕТРОГРАДСКОГО И ГДОВСКОГО ВЕНИАМИНА (В. П. КАЗАНСКОГО). ВОСПОМИНАНИЯ СОВРЕМЕННИКА О НЕМ МЫ ПРИВОДИМ ПО КНИГЕ А. Э. ЛЕВИТИНА (КРАСНОВА) И В. ШАВРОВА «ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЦЕРКОВНОЙ СМУТЫ» (ЛЮЦЕРН, 1977). ФАМИЛИЯ АВТОРА ВОСПОМИНАНИЙ В КНИГЕ НЕ УКАЗАНА, ОДНАКО А. ЛЕВИТИН, СОБРАВШИЙ ДЛЯ СВОЕГО ТРУДА МНОЖЕСТВО СВИДЕТЕЛЬСТВ ОЧЕВИДЦЕВ И УЧАСТНИКОВ ОПИСЫВАЕМЫХ СОБЫТИЙ, УВЕРЕН В ПОЛНОМ СООТВЕТСТВИИ РАССКАЗА ПРОИСХОДИВШЕМУ. РЕДАКЦИЯ ПОКА НЕ РАСПОЛАГАЕТ ОФИЦИАЛЬНОЙ СТЕНОГРАММОЙ ПРОЦЕССА, НО УЖЕ СЕГОДНЯ МЫ МОЖЕМ ОЗНАКОМИТЬ ЧИТАТЕЛЯ С ВАЖНЫМ ДОКУМЕНТОМ, КОТОРЫЙ ПОДТВЕРЖДАЕТ ВЫВОДЫ СОВРЕМЕННИКА, ОПИСАВШЕГО «ДЕЛО МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА»,— С ПОСТАНОВЛЕНИЕМ ПРЕЗИДИУМА ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР ОТ 31 ОКТЯБРЯ 1990 ГОДА.

ЗАЧЕМ ПОНАДОБИЛОСЬ ФАБРИКОВАТЬ ЭТО «ДЕЛО» И ОРГАНИЗОВЫВАТЬ СТОЛЬ ШУМНЫЙ ПРОЦЕСС? И НЕ ОДИН. В ТО ЖЕ САМОЕ ВРЕМЯ ШЕЛ СУД НАД ДУХОВЕНСТВОМ И ВЕРУЮЩИМИ В МОСКВЕ. В КАЧЕСТВЕ СВИДЕТЕЛЯ МОСКОВСКИЙ РЕВТРИБУНАЛ ДОПРАШИВАЛ ПАТРИАРХА МОСКОВСКОГО И ВСЕЯ РУСИ ТИХОНА. ПОСЛЕ ДОПРОСА И ПРОТИВ НЕГО БЫЛО ВОЗБУЖДЕНО УГОЛОВНОЕ ДЕЛО. ЕЖЕДНЕВНО ШЛИ МАССОВЫЕ АРЕСТЫ СВЯЩЕННИКОВ И ВЕРУЮЩИХ ВО МНОГИХ ГОРОДАХ И СЕЛАХ РОССИИ, ИХ ПРИГОВАРИВАЛИ К РАССТРЕЛУ И ТЮРЬМАМ.

ГЛАВНОЕ ОБВИНЕНИЕ, ПРЕДЪЯВЛЯВШЕЕСЯ ИМ РЕВТРИБУНАЛАМИ,— ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛНЕНИЮ ПОСТАНОВЛЕНИЯ ВЦИК ОТ 23 ФЕВРАЛЯ 1922 ГОДА ОБ ИЗЪЯТИИ ЦЕРКОВНЫХ ЦЕННОСТЕЙ НА НУЖДЫ ГОЛОДАЮЩИХ. ИЗ РАССКАЗА О МИТРОПОЛИТЕ ВЕНИАМИНЕ СЛЕДУЕТ, ЧТО ЦЕРКОВЬ БЫЛА ГОТОВА ДОБРОВОЛЬНО ОТДАТЬ ВСЕ, КРОМЕ БОГОСЛУЖЕБНЫХ СОСУДОВ, ЧТО БЫЛО БЫ, С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ЦЕРКОВНЫХ КАНОНОВ, СВЯТОТАТСТВОМ. НО ПЛАНЫ ИЗЪЯТИЯ БЫЛИ ЗАРАНЕЕ СОСТАВЛЕНЫ ПО ЗАКОНАМ ВОЙНЫ, И ТЕРРОР ЯВНО ПРЕВОСХОДИЛ СТЕПЕНЬ СОПРОТИВЛЕНИЯ. ПОЗИЦИЮ, СОДЕРЖАЩУЮСЯ В КНИГЕ А. ЛЕВИТИНА, СЕГОДНЯ РАЗДЕЛЯЮТ МНОГИЕ ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ И ЗАРУБЕЖНЫЕ ИССЛЕДОВАТЕЛИ, ОПИРАЯСЬ НА СВИДЕТЕЛЬСТВА ОЧЕВИДЦЕВ, ДОКУМЕНТЫ, СТАВШИЕ ДОСТОЯНИЕМ ГЛАСНОСТИ В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ. СУЩЕСТВУЮТ, ОДНАКО, И ИНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ, ИНЫЕ ОЦЕНКИ ТЕХ ЖЕ СОБЫТИЙ. НО, ДУМАЕТСЯ, В ЛЮБОМ ИССЛЕДОВАНИИ РЕШАЮЩАЯ РОЛЬ ПРИНАДЛЕЖИТ ФАКТАМ. ОНИ И ПОСТАВЛЕНЫ В ЦЕНТР ПРЕДЛАГАЕМОЙ ВАШЕМУ ВНИМАНИЮ ПУБЛИКАЦИИ.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ
Президиума Верховного суда РСФСР

г. Москва **31 октября 1990 года**

ПРЕЗИДИУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РСФСР В СОСТАВЕ:
Председателя Меркушова А. Е.
Членов Президиума:

Верина В. П., Вячеславова В. К.,
Жуйкова В. М., Луканова П. П.,
Лукашова Ю. А., Свиридова Ю. А.,
Сергеевой Н. Ю.

рассмотрел дело по протесту и. о. Генерального прокурора СССР А. Д. Васильева на приговор Петроградского Губернского Революционного трибунала по военному отделению от 10 июня — 5 июля 1922 года, по которому

1. КАЗАНСКИЙ Василий Павлович (он же Вениамин, Митрополит Петроградский и Гдовский), 49 лет, уроженец Олонецкой губернии, Каргопольского уезда, Андреевской волости, дер. Нименский погост, с высшим образованием,

2. КОВШАРОВ Иван Михайлович, 44 года, уроженец г. Одессы, с высшим образованием, несудимый, бывший присяжный поверенный,

3. НОВИЦКИЙ Юрий Петрович, 39 лет, бывший чиновник, уроженец г. Умани Киевской губернии, с высшим образованием, профессор Петроградского университета, несудимый,

4. ЕЛАЧИЧ Николай Александрович, 59 лет, из дворян г. Петрограда, бывший действительный статский советник, с высшим образованием, несудимый,

5. ЧУКОВ Николай Кириллович, 52 года, уроженец Олонецкой губернии, Поневяцкого уезда, Римской волости, дер. Пудожская гора, из крестьян, настоятель Казанского собора,

6. ПЛОТНИКОВ Виктор Васильевич (он же Венедикт, епископ Кронштадтский), 50 лет, уроженец Олонецкой губернии, Петрозаводского уезда, Кондопожской волости, села Лижмы, с высшим образованием, несудимый,

7. ЧЕЛЬЦОВ Михаил Павлович, 52 года, уроженец Рязанской губернии, Ряжского уезда, Караблинской волости, села Кикино, с высшим образованием, настоятель Троицко-Измайловского собора, несудимый,

8. БОГОЯВЛЕНСКИЙ Леонид Константинович, 51 года, уроженец Пензенской губернии, Инсарского уезда, г. Инсаров, с высшим образованием, настоятель Исаакиевского собора, несудимый,

9. ОГНЕВ Дмитрий Фролович, 59 лет, из дворян г. Москвы, бывший профессор Военно-юридической Академии, бывший начальник законодательного отдела 4-й государственной думы и сенатор Временного правительства, несудимый,

10. ШЕЙН Сергей Павлович (он же архимандрит Сергий), 56 лет, уроженец Тульской губернии, Новосельского уезда, Ломинозовской волости, дер.Колпна, член государственной думы, фракции националистов, с высшим образованием, несудимый,—
осуждены по ст.ст. 62 и 119 УК РСФСР к высшей мере наказания — расстрелу, с конфискацией имущества каждый;

11. БЫЧКОВ Сергей Иванович, 49 лет, из мещан г. Старого Оскола, Курской губернии, протоиерей Семеновской церкви, с высшим образованием, несудимый,

12. ПЕТРОВСКИЙ Александр Васильевич, 53 года, уроженец Ярославской губернии и уезда, Николо-Салтыковской волости и села, настоятель церкви Спаса на Сенной, с высшим образованием, профессор Духовной Академии, несудимый,—
осуждены по ст.ст. 62 и 119 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией каждый;

13. ПАРИЙСКИЙ Лев Николаевич, 30 лет, уроженец г. Петрограда, с высшим образованием, помощник секретаря канцелярии митрополита, преподаватель единой трудовой школы, ассистент по кафедре русского языка в 1-м Петроградском Политехникуме, несудимый,—
осужден по ст. 72 УК РСФСР к 5 годам лишения свободы;

14. СОЮЗОВ Михаил Федорович, 53 года, уроженец Новгородской губернии Устюжского уезда, погоста Жерновицы, с высшим образованием, благочинный 9 округа, несудимый,

15. КЕДРИНСКИЙ Павел Антонович, 58 лет, уроженец Череповецкой губернии и уезда Пусторадицкой волости, погоста Пусторадицы, благочинный 4 округа (он же настоятель Владимирской церкви), с высшим образованием, несудимый,

16. АКИМОВ Василий Александрович, 59 лет, уроженец Орловской губернии, Ливнинского уезда Борковской волости, села Борки, с высшим образованием, настоятель церкви Покрова, несудимый,

17. ИВАНОВСКИЙ Константин Васильевич, 56 лет, уроженец г. Ростова Ярославской губернии, с высшим образованием, настоятель церкви Скорбящей Божьей Матери, несудимый,—
осуждены по ст.ст. 119 и 62 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией;

18. НИКОЛЬСКИЙ Николай Васильевич, 50 лет, уроженец Тульской губернии, Каширского уезда, села Никольское, священник церкви Волково Кладбище, несудимый,

19. ФЛЕРОВ Константин Николаевич, 37 лет, уроженец Петрограда, священник Спасо-Колтовской церкви, несудимый,

20. НИКИТАШИН Семен Семенович, 34 года, из крестьян, уроженец Новгородской губернии Валдайского уезда, Ядровской волости, дер. Ядрово, настоятель церкви Скорбящей Божьей Матери, несудимый,

21. ДЬЯКОНОВ Леонид Васильевич, 44 года, уроженец Новгородской губернии Старорусского уезда Воскресенской волости, села Новое, настоятель церкви Покрова, с высшим образованием, несудимый,

22. ВИНОГРАДОВ Павел Павлович, 66 лет, уроженец Ярославской губернии Даниловского уезда, села Хабарово, благочинный (он же настоятель Вознесенской церкви), несудимый,

23. ОРНАДСКИЙ Иван Николаевич, 51 год, из крестьян, уроженец Череповецкой губернии и уезда Петриневской волости, села Новая Ерги, окончил духовную семинарию, несудимый,

24. ЛЕВИЦКИЙ Павел Петрович, 47 лет, уроженец Вологодской губернии Бельского уезда Чадромской волости, дер. Чадрома, настоятель церкви Рождества, с высшим образованием, несудимый,—

осуждены по ст. 73 ч. 2 УК РСФСР к 2 месяцам принудительных работ без содержания под стражей каждый;

25. БОРИСОВ Александр Матвеевич, 56 лет, из мещан, уроженец Ярославской губернии Романов-Борисоглебского уезда Богородской области, дер. Богородск, торговец, несудимый,

26. ПЕШЕЛЬ Василий Васильевич, 53 года, из потомственных почетных граждан Петербурга, без определенных занятий, несудимый,

27. СОКОЛОВ Сергей Евлампиевич, 36 лет, уроженец Виленской губернии, г. Вилейко, доктор медицины, хирург, несудимый,

28. КОРОЛЕВ Петр Александрович, 40 лет, уроженец г. Петрограда, личный дворянин, бывший штабс-капитан, несудимый,—

осуждены по ст. 77 ч. 1 УК РСФСР к 2 годам лишения свободы со строгой изоляцией каждый.

29. СЕНЮШКИН Павел Петрович, 18 лет, из крестьян, уроженец Рязанской губернии, Касимовского уезда Тембукинской волости, дер. Бочкари, без определенных занятий, несудимый,

30. ИЗОТОВ Василий Изотович, 39 лет, из крестьян, уроженец Тверской губернии и уезда Быковской волости, дер. Прокофьево, портной, несудимый,

31. АНТОНОВ Алексей Георгиевич, 22 года, уроженец г. Петрограда, студент института путей сообщения, несудимый,

32. КОЗЕННОВ Никифор Петрович, 36 лет, из крестьян, уроженец Смоленской губернии, Бельского уезда, Холмской волости, дер. Бгдашево, без определенных занятий, несудимый,

33. ВЫСОКООСТРОВСКИЙ Виктор Александрович, 19 лет, уроженец г. Петрограда, студент Петроградского университета, несудимый,

34. КИСЕЛЕВ Василий Федорович, 21 год, уроженец Новгородской губернии и уезда Троицкой волости, дер. Вяжищ, студент, несудимый,

35. КАСАТОЧКИН Николай Иванович, 23 года, из крестьян, уроженец Рязанской губернии Зарайского уезда Алпатьевской волости, того же села, студент, несудимый,

36. ЖАБРОВ Василий Михайлович, 19 лет, из мещан, уроженец Петрограда, с низшим образованием, без определенных занятий, несудимый,

37. ФЕДОРОВ Николай Николаевич, 20 лет, из потомственных граждан Петрограда, студент, несудимый,

38. ГУСАРОВ Яков Иванович, 18 лет, из крестьян, уроженец Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда, Веселовской волости, село Кузлово, безработный, по профессии ученик слесаря, несудимый,

39. АНАНЬЕВ Николай Герасимович, 17 лет, из крестьян, уроженец Смоленской губернии, Сучевского уезда, Спасской волости, дер. Сажино, несудимый,

40. БЕЗЗАБОТКИН Степан Васильевич, 26 лет, уроженец Петроградской губернии, Новоладожского уезда, Масальской волости, села Заречье, пекарь, несудимый,

41. СМИРНОВ Федор Васильевич, 18 лет, уроженец Петрограда, безработный, несудимый,

42. СМИРНОВ Яков Иванович, 49 лет, из крестьян, уроженец Тверской губернии, Весьегонского уезда, Телятинской волости, дер. Ушаково, торговый служащий, несудимый,—

осуждены по ст. 77 ч. 2 УК РСФСР к 6 месяцам лишения свободы каждый;

43. ГУРЬЯНОВ Александр Кузьмич, 18 лет, из крестьян, уроженец Тверской губернии, Старицкого уезда, Тредубской волости, дер. Бесменена, студент, несудимый,

44. ПЕСТОВА Мария Александровна, 29 лет, из мещан, уроженка г. Новгорода, буфетчица, с низшим образованием, несудимая,

45. МАРКИН Владимир Семенович, 23 года, уроженец г. Ташкента, демобилизованный красноармеец, несудимый,

46. ПЕРЕПЕЛКИН Михаил Иванович, 57 лет, из крестьян, уроженец Московской губернии, Коломенского уезда, Апатиевской волости, дер. Жилевы, столяр, окончил начальное училище, несудимый,

47. КУДРЯВЦЕВА Александра Ильинична, 20 лет, из крестьян, уроженка Тверской губернии, Весьегонского уезда, Лопатинской волости, дер. Андрюшино, счетовод, несудимая,

48. КУДРЯВЦЕВА Евгения Ильинична, 26 лет, из крестьян, уроженка Тверской губернии Весьегонского уезда, Апатинской волости, дер. Андрюшино, сестра милосердия, образование низшее, несудимая,—

осуждены по ст. 72 ч. 2 УК РСФСР с применением ст. 36 УК РСФСР к 7 месяцам лишения свободы условно каждый;

49. ДМИТРИЕВ Александр Васильевич, 45 лет, из мещан, уроженец Петрограда, счетовод, образование низшее, несудимый,—

осужден по ст. 73 УК РСФСР, но по болезни от наказания освобожден;

50. ЧЕРНЯЕВА Анастасия Ивановна, 47 лет, уроженка Петрограда, заведующая 29-м убежищем престарелых, несудимая,—

осуждена по ст. 86 ч. 2 УК РСФСР с применением ст. 36 УК РСФСР к 6 месяцам лишения свободы условно;

51. ПЕТРОВА Мария Дмитриевна, 23 года, из крестьян, уроженка Тверской губернии, Вышневолоцкого уезда, Заборовской волости, дер. Федорово, с низшим образованием, несудимая,

52. КОРЧАГИНА Анастасия Ивановна, 52 года, из дворян, уроженка Рязанской губернии, Скопинского уезда, Поленской волости, дер. Микулино, домашняя хозяйка, несудимая,—

осуждены по ст. 219 УК РСФСР к 7 дням принудительных работ без содержания под стражей каждая;

53. ЛИВЕНЦОВ Митрофан Павлович, 57 лет, уроженец Калужской губернии, Мерщевского уезда, Серебренской волости, село Изъялово, священник церкви при больнице Св. Троицкой Общины, образование высшее, несудимый,—

осужден по ст.ст. 69, 86 п. 1 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией;

54. ТОЛСТОПЯТОВ Анатолий Михайлович, 43 года, из дворян, уроженец Москвы, священник церкви при Консерватории и преподаватель физики училища комсостава Флота, бывший капитан второго ранга, несудимый,—

осужден по ст. 119 УК РСФСР к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией;

55. ЛЯПУНОВ Сергей Михайлович, 63 года, из дворян, уроженец Нижегородской губернии, Васильсурского уезда, Аликсаиовской волости, имения Плитиики, с высшим образованием, несудимый,—

осужден по ст. 86 п. 2 УК РСФСР с применением ст. 36 УК РСФСР к 6 месяцам лишения свободы условно;

56. ЯНКОВСКИЙ Петр Станиславович, 47 лет, уроженец г. Новая Ладога, директор института глухонемых, профессор педагогики, несудимый,

57. ЗАЛЬМАН Владимир Карлович, 55 лет, уроженец г. Петрограда, воспитатель Института глухонемых, несудимый,—

осуждены по ст. 180 п. «ж» УК РСФСР к 3 годам лишения свободы со строгой изоляцией каждый;

58. ДУБРОВИЦКИЙ Михаил Степанович, 36 лет, уроженец г. Петрограда, со средним образованием, несудимый,

59. ЕМЕЛЬЯНОВ Владимир Федорович, 40 лет, уроженец Вятской губернии Яранского уезда Сосновской волости, дер. Дервятское, наставник института глухонемых, несудимый,—

осуждены по ст. 100 УК РСФСР к 3 годам принудительных работ без содержания под стражей каждый;

Определением кассационной коллегии Верховного Трибунала ВЦИК от 26 июля 1922 года приговор Петроградского Губернского революционного Трибунала от 5 июля 1922 года оставлен в силе.

Постановлением Президиума Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Совета рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов от 3 августа 1922 года приговор Петроградского Губернского Революционного Трибунала от 10 июня — 5 июля 1922 года изменен. Высшая мера наказания — расстрел осужденным: Плотникову, Огневу, Елачичу, Чельцову, Чукову и Богоявленскому заменена 5 годами лишения свободы.

В протесте ставится вопрос о прекращении дела в отношении всех осужденных за отсутствием в их действиях состава преступления.

Заслушав доклад члена Верховного Суда РСФСР Лукашова Ю. А. и выступление заместителя Прокурора РСФСР Шаклеина Н. И., поддержавшего протест, Президиум Верховного Суда РСФСР

УСТАНОВИЛ:

Казанский, Новицкий, Ковшаров, Богоявленский, Чуков, Елачич, Чельцов, Огнев, Шейн, Плотников, Бычков и Петровский признаны виновными в том, что в период исполнения декрета от 23 февраля 1922 года об изъятии церковных ценностей организовались в преступную контрреволюционную группу, поставившую себе целью борьбу с Советской властью. С этой целью созывали общие собрания членов Правления и других лиц, заслушивали доклады Митрополита Казанского, составляли и выпускали послания по вопросу изъятия церковных ценностей, противодействовали исполнению декрета, в связи с чем среди населения города имели место массовые волнения.

Парийский состоял в должности помощника личного секретаря Митрополита Казанского, заведомо зная, что послания Митрополита преступны, хранил и распространял их среди духовенства.

Кедринский, Союзов, Акимов и Ивановский, заведомо зная о преступном характере воззваний Митрополита, распространяли их среди приходов и верующих.

Никольский, Флеров, Никиташин, Дьяконов, Виноградов, Ориадский и Левицкий признаны виновными в распространении воззваний Митрополита, но без умысла нанести Советской власти вред.

Борисов, Пешель, Королев и Соколов Сергей, находясь в «скопищах» собравшихся около церквей во время изъятия церковных ценностей, подстрекали толпу к неповиновению властям, распространяли ложные сведения о назначении ценностей.

Сенюшкин, Изотов, Антонов, Козенков, Высокоостровский, Киселев, Касаточкин, Жабров, Федоров, Гусаров, Ананьев, Беззаботкин, Смирнов Федор и Смирнов Яков принимали активное участие в толпе, собравшейся противодействовать работе Комиссии по изъятию церковных ценностей.

Гурьянов, Пестова. Маркин, Перепелкин, Кудрявцева Александра и Кудрявцева Евгения принимали участие в толпе, учинявшей беспорядки при изъятии церковных ценностей.

Дмитриев признан виновным в распространении вымышленных слухов по поводу изъятия церковных ценностей.

Черняева признана виновной в оказании сопротивления представителям власти в период, когда происходило изъятие церковных ценностей.

Петрова и Корчагина не подчинились требованиям работников милиции уйти из толпы, собравшейся по поводу изъятия церковных ценностей.

Ливенцов при изъятии церковных ценностей оказал сопротивление комиссии (не отдал ключи), развивал неправильные взгляды по поводу изъятия церковных ценностей.

Толстопятов оказал сопротивление комиссии при изъятии церковных ценностей, возбуждал прихожан своей церкви против законных действий комиссии.

Ляпунов оказал сопротивление комиссии при изъятии церковных ценностей.

Янковский и Зальман признаны виновными в хищении из церкви 15 пудов серебра.

Дубровицкий и Емельянов признаны виновными в том, что помогали Янковскому и Зальману в хищении из церкви серебра.

Президиум Верховного Суда РСФСР находит протест подлежащим удовлетворению, приговор и определение кассационной коллегии — отмене, а уголовное дело — прекращению по следующим основаниям.

Осужденные свою вину не признали, заявив, что никаких контрреволюционных группировок они не создавали и в них не участвовали, борьбу с Советской властью не вели и цели такой не преследовали, посланий и воззваний, направленных на неисполнение декрета об изъятии церковных ценностей, не издавали, агитаций об этом не проводили, сопротивления комиссии по изъятию ценностей не оказывали. Участники массовых беспорядков показали, что в толпе граждан, высказывающих недовольство изъятием церковных ценностей, оказались случайно. Сотрудники института глухонемых заявили, что хищением церковных ценностей не занимались, а перенесли в помещение института из церкви ценности с ведома педагогического Совета и Совета церкви для нужд глухонемых, находящихся в очень тяжелых условиях.

Объяснения осужденных по делу не опровергнуты, а в материалах нет данных, свидетельствовавших о создании контрреволюционной организации и проведении осужденными деятельности, направленной на подрыв Советской власти. Из текста писем митрополита Казанского, адресованных в Комиссию помощи голодающим, а затем в Петроградский губисполком, не усматривается оснований для вывода об их преступном, контрреволюционном характере. В воззвании митрополита к Петроградской православной пастве от 10 апреля 1922 года священнослужители и верующие граждане призывались к пожертвованиям в пользу голодающих, содействию к сдаче церковных ценностей созданным для этих целей комиссиям, пресечению при изъятии ценностей всякого рода эксцессов и т. п. (л. д. 191—192, т. 1, л. д. 466—467, т. 5).

Более того, на совещании в Смольном, на котором обсуждалось письмо Митрополита в «Помгол», между руководством исполкома и Митрополитом Казанским было достигнуто полное взаимопонимание по вопросу изъятия церковных ценностей, а письмо Митрополита было разрешено присутствующему на этом совещании гр-ну Заборовскому огласить на лекции, которую последний прочел в здании Дворянского собрания, где присутствовало несколько тысяч человек (л. д. 135, т. 5).

Из материалов дела не видно, чтобы осужденные церковнослужители и члены правления являлись организаторами массовых волнений граждан, вызванных изъятием церковных ценностей.

Нет в деле данных и о том, что Митрополит Казанский в своих речах, произнесенных в Лавре и Исаакиевском

соборе, призывал присутствующих к неисполнению изданного 23 февраля 1922 года декрета об изъятии церковных ценностей.

Лишь один свидетель Красницкий заявил в судебном заседании, что «...по его глубокому убеждению, в Петроградской губернии вела борьбу кадетская партия, которая пользовалась духовенством, захватила в свои руки приходские Советы и Церковные суммы, заставляла духовенство служить своим интересам» (л. д. 137 т. 5).

Однако эти показания не могут быть признаны достоверными в силу своего предположительного характера и отсутствия других доказательств.

Таким образом, в действиях осужденных: Казанского В. П., Ковшарова И. М., Новицкого Ю. П., Еланчича Н. А., Чукова Н. К., Плотникова В. В., Чельцова М. П., Богоявленского Л. К., Огнева Д. Ф., Шейна С. П., Бычкова С. И., Петровского А. В., Парийского Л. Н., Союзова М. Ф., Кедринского П. А., Акимова В. А., Ивановского К. В., Никольского Н. В., Флерова К. Н., Никиташина С. С., Дьяконова Л. В., Виноградова П. П., Орнадского И. Н., Левицкого П. П., обсуждавших декрет об изъятии церковных ценностей, входивших по этому вопросу с письмами в Комиссию по оказанию помощи голодающим («Помгол») и Петроградский Губисполком, знакомивших с этими письмами священников и верующих граждан, состав преступления отсутствует.

Доводы осужденных: Борисова А. М., Пешель В. В., Сенюшкина П. П., Антонова А. Т., Козеннова Н. П., Высокоостровского В. А., Киселева В. Ф., Касаточкина Н. И., Жаброва В. М., Федорова Н. Н., Гусарова Я. И., Пестовой М. А., Маркина В. С., Перепелкина М. И., Кудрявцевой А. И., Кудрявцевой Е. И. о том, что в собравшейся толпе при изъятии церковных ценностей они оказались случайно, что никакого участия в беспорядках не принимали, в судебном заседании ничем не опровергнуты, следовательно, оснований для привлечения их к уголовной ответственности не имелось.

Не опровергнуты в судебном заседании и доводы осужденных: Черняевой А. И., Петровой М. Д., Корчагиной А. И., категорически отрицавших распространение среди граждан «измышленных слухов», оказания сопротивления, либо неповиновения, представителям власти.

Отказ осужденных Ливенцова М. П., Ляпунова С. М. и Толстопятова А. М. выдать членам Комиссии церковные ценности в отсутствие церковных представителей и ссылка при этом на письмо Митрополита не содержат состава преступления.

Изъятие из церкви, находящейся при институте глухонемых, ценностей (серебра) с ведома педагогического Совета и Совета церкви для нужд глухонемых, находя-

---

ПРОЦЕСС МИТРОПОЛИТА ВЕНИАМИНА

(10 июня — 5 июля 1922 г.)

Воспоминания современника

Митрополит Вениамин пользовался огромной известностью, главным образом, среди рабочих. Простой народ его, действительно, обожал. «Наш батюшка Вениамин», «наш Вениамин» — так звал его народ. Когда при Временном правительстве происходило избрание для замещения петроградской митрополичьей кафедры, высшие слои церковного общества выдвинули кандидатуру епископа Андрея (кн. Ухтомского). Избрание его, казалось, было обеспечено. Но за три дня до срока, назначенного для выборов, неожиданно всплыло имя епископа Вениамина. Он получил большинство голосов. Трудно в простых и ясных словах достаточно сильно передать, что за человек был митрополит Вениамин. Простое, кроткое лицо, тихий свет прекрасных голубых глаз, тихий голос, светлая улыбка, все освещавшая, полная таинственного веселия и вместе — постоянной грусти. Весь его облик так действовал на душу, что невозможно было сопротивляться его

Митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин

обаянию. Митрополит Вениамин не был выдающимся мыслителем. Не был он, кажется, и специалистом по многим тонким сложным вопросам веры, церковной жизни. Но у него была огромная душа, огромная светлая вера и огромное спокойствие. «Страшно, боишься,— говорили те, кто встречался с ним,— подойдешь к владыке, успокоишься, страх и сомнение куда-то ушли». Не был он и организатором, не отличался и красноречием. Говорил коротенько и все как будто простые слова, а на его проповеди собирались тысячи людей. Каждое слово светилось, трепетало, в нем отражалась вся сила духа митрополита, и слушавшие падали к его ногам, целовали края его одежды.

Митрополит обладал выразительной, редкостной, абсолютной аполитичностью. Это не значило, что его не трогало все, совершающееся кругом. Он беззаветно любил Родину, свой народ, но это не колебало его аполитичности. Все слабы, все грешны; большевики, совершающие так много зла, еще более слабы и грешны; их следует особенно пожалеть — так можно, неполно, выразить основное настроение владыки. Доброта, кротость, понимание человеческой души,

По кн. Левитин А., Шавров В. Очерки по истории русской церковной смуты. Люцерн. 1977.

щнхся прн ннституте, не образуют состава хнщения. В этих действиях усматриваются лншь элементы злоупотребления служебным положеннем.

Однако, учитывая, что вииа осужденных в приговоре нзложена некоикретно, общими фразами, в подтверждение нх вины не прнведено никаких доказательств, состав преступления в действнях осужденных Соколова С. Е., Королева П. А., Изотова В. И., Смнрнова Я. И., Дмитриева А. В., Янковского П. С., Зальмана В. К., Дубровнцкого М. С. и Емельянова В. Ф. также отсутствует.

С учетом изложенного, руководствуясь ст. 378 п. 2 УПК РСФСР, Президиум Верховного Суда РСФСР

ПОСТАНОВИЛ:

приговор Петроградского Губернского Революционного Трибунала от 10 июня / 5 июля 1922 года и определения кассационной коллегии Верховного Трибунала ВЦИК от 26 июля 1922 года в отношении (далее перечислены все фамилии осужденных. — Р е д.) отменить и уголовное дело производством прекратить за отсутствием в их действиях состава преступления.

Председатель **А. Е. Меркушов**

Верно: Начальник секретариата Президиума Верховного Суда РСФСР **Т. А. Амелина**

как бы грешна она ни была, принятне ее в самых последних глубннах падення — таков был митрополит Вениамин в отношении к человеку. Он верил в нскру Божию в человеке. Настолько все в нем было необычио, что сейчас иногда кажется, что это было что-то нереальное, какое-то светлое видение другой действительности... прошло, коснулось души н ушло.

Как митрополнт относился к изъятию церковных ценностей? Для него н вопроса тут никакого не было — речь шла о спасении голодающнх — значит нужно отдать все до последней нніточки. То, что средн этнх ценностей были предметы священные,не смущало его. Он любнл священные вещн, образа, был, по-видимому, знатоком и ценнтелем живописи, но отдавал легко, как мать отдает обручальное кольцо для спасения ребенка — легко и радостно. Он полагал, что церковные ценностн должиы быть отданы не в порядке нзъятня, а в порядке жертвы. «Это — Богово, н мы все отдаднм сами. И в этом великое утешенне для верующего».

В деле обращения церковных ценностей на помощь голодающим он требовал контроля духовенства н верующих; требовал не потому, что ие верил, а потому, что считал, что раз верующая масса все отдает в вольном подвиге, то именно верующне н должны сопровождать церковные ценности до последнего момента, когда они превратятся в хлеб для голодающих.

Он жил великой мечтой. Храмы полны народа, возносящего молнтву. С амвона раздается призыв к жертвованию. Народная масса вдохновенно с духовенством, митрополитом, идет на подвиг. Церковь будет нищей, но безмерно прекрасной в своей нищете. Он не знал, что пройдет несколько недель н мечты будут растоптаны.

Возникновение процесса митрополита Вениамнна связано с деятельностью существовавшего в Петрограде «Общества объедннення православных прнходов». «Общество объединенных православных приходов» — легальное, совершенно невинное. Среди членов были люди, глубоко, всегда веровавшие, были и такне, что вновь вернулнсь к вере под влняннем потрясений, былн и просто уставшие жнть. Так велики были страдания, что в общество потянулнсь только для того, чтобы найти возможность отдыха. Была ли в деятельности общества полнтнка? Нет. Заннмалнсь вопросами мелкими — где достать деревянного масла, как регулировать продажу свечей. Несмотря иа мелочность вопросов, общество имело огромное значение — удовлетворяло потребности подышать свежим воздухом хотя какойннбудь общественностн.

Что касается собирательной личностн — народа, массы верующих, то она волновалась, подозрительно относнлась к духовенству, не прощала ему ни одного слова, обвнняла в слишком большой уступчивостн советской власти. Даже мнтрополнта Вениамина не щадили, собнрались демонстративно выразнть ему иеудовольствне. Духовенство скрывалось от массы. Тысячная масса была смела — она чувствовала, что в море людском даже большевнкн не смогут выловить «нежелательный элемент». Духовенство было между молотом н наковальней.

Теперь несколько слов о «властях предержащих» в эпоху, когда разыгрались эти события. В составе Петроградского совета не было людей, имевших влияние. Все, кроме Знновьева, были среднего калибра. Зиновьев же держался в стороне. Петроградский совет искренно и наивно нстолковывал декрет центральной властн об изъятии ценностей, как выраженне желания получить ценности, и только. Он избрал особую комиссню «Помгол» («Помощь голодающнм»). Настроенне было невеселое. Отовсюду шлн известия о беспорядках и бунтах. Население Петрограда волновалось.

Среди верующих нгралн огромную роль рабочне, заявлявшие, что костьми лягут, а церковных ценностей не отдадут. Помгол нскал путей к мирному разрешенню вопроса об изъятни церковных ценностей. На беду «Общества объединенных приходов», кто-то довел до сведения Помгола о существованин общества. Помголу казалось, что общество должно нметь корни среди верующнх, что через него можно добнться мнрного изъятня ценностей. Помгол направнл в общество специального эмиссара. Общество «психологически» почувствовало себя некоторой силой. «Мы сделаем вам, а вы — нам... Распечатайте храмы, разрешнте преподаванне Закона Божия...» Помгол пошел навстречу. 5 марта 1922 года мнтрополит Вениамин, во время служения в Исаакиевском Соборе, получнл приглашенне явиться на заседанне Помгола. Владыку, когда он прибыл, принялн торжественно, предоставили ему слово. Владыка вынул прнготовленное заявление и попроснл позволения его огласнть. «Православная церковь,— говорил он в заключенне,— печалясь о нуждающнхся, готова все отдать для помощи голодающим, но если церковные ценности будут нзыматься насильно, может быть кровопролитие». Да н сам он, как верующий, усматривает в насильном нзъятни ценностей кощунство, никогда его не разрешнт. Председатель Помгола Канатчнк в ответ на заявление владыки сказал теплую речь, смысл которой сводился к тому, что готовность Церквн помочь

голодающим поведет к созданию благожелательного отношения к духовенству со стороны советской власти, что он и в будущем рассчитывает на помощь владыки. Создалось совершенно не «заседальное», теплое настроение. Владыка встал. За ним встали все. Тогда митрополит заговорил. Говорил простые вещи: «Тяжело переживает народ горе — изъятие ценностей, но это лишь одна из тягостей жизни. Гораздо большая тяжесть — существующая политическая рознь и вражда».

Но бывают минуты, когда разделенные души сливаются в порыве любви. Верится, что встреча, происшедшая на заседании Помгола,— прообраз, что будет время, когда сольются воедино русские люди. «Настанет день и час,— закончил митрополит,— и я сам во главе молящихся пойду в храм, сниму ризы с иконы Божией Матери Казанской, сладкими слезами оплачу их и отдам...» Кончив, он широким крестом благословил всех. И большевики — члены Помгола — склонялись перед ним, с непокрытыми головами провожали до подъезда.

В «Обществе православных приходов» в связи с событиями на заседании Помгола создалось радостное настроение: трудности, казалось, уладились. В одной из петроградских газет появился панегирик в честь митрополита Вениамина. Отмечая жертвенность, обнаруженную митрополитом, автор панегирика говорил о том, что народилось подлинное христианство, поднявшее знамя веры, примирившее с собой самые враждебные христианству слои коммунистической партии. Даже в «Известиях» поместили хвалебную статью в честь митрополита. Идиллия длилась несколько дней. Центральные власти не того хотели: Помгол должен был вызвать столкновение и свалить вину на духовенство. Между Москвой и Петроградом начались переговоры. Когда через несколько дней уполномоченные митрополита явились для переговоров, обстановка была уже иная. Их встретили новые люди. «Никаких переговоров, никаких жертв. Все принадлежит власти, и она возьмет свое, когда сочтет нужным. Духовенство должно лишь призвать к спокойной сдаче.» Митрополит, узнав о новом обороте дела, был глубоко возмущен. В своем моральном авторитете он видел опору против провокационного столкновения, а большевики уничтожали эту возможность. Он послал на двух листах заявление Помголу, где, указав все возможные последствия, говорил, что он обратится к верующим с призывом не оказывать сопротивления при изъятии ценностей, но благословить этот акт, как кощунственный, он не может. Прошло несколько дней. Начали описывать церковные ценности, начались беспорядки. Помгол молчал.

24 марта в «Красной Газете» за подписью 12 лиц (среди них священники Красницкий и Введенский) появилось письмо. В письме, написанном очень резко, говорилось, что духовенство вообще, и петроградское в частности, объято контрреволюционными настроениями, что оно, пользуясь удобным моментом, хочет оттянуть сдачу ценностей. Авторы письма требовали немедленной сдачи.

Письмо оправдывало советскую власть. Петроградское духовенство было обескуражено. Обвинение в контрреволюции грозило серьезными последствиями. Состоялось общее собрание духовенства, на котором присутствовало около 500 человек. Введенский нагло защищался, Красницкий лишь язвительно улыбался, поглаживая бороду. Страсти разгорались. В это время приехал митрополит. В своем слове к собранию он говорил, что оценивать письмо сейчас не время. На улицах каждую минуту может начаться кровопролитие. Помгол молчит. Нужно единение. В заключение он предложил послать в Помгол людей, приемлемых для Помгола, священников Введенского и Боярского. Начались переговоры. В советских газетах появилось сообщение о договоре между митрополитом и советской властью: советская власть изымает ценности, а митрополит призывает к спокойствию; советская власть обязуется не допускать никаких кощунств, не чинить издевательств, допустить выкуп деньгами священных предметов и т. д. Настроение было мирное. В это время совершается церковный переворот. Живоцерковники обманным путем захватывают власть. Введенский пытался утвердить власть Высшего Церковного Управления (ВЦУ) в Петрограде. Он явился к митрополиту Вениамину и потребовал от него подчинения ВЦУ.

Кроток был митрополит, но он почувствовал, что он должен, может быть, впервые, сказать властное слово. Он обратился к духовенству и верующим с призывом не признавать ВЦУ, считать участников его похитителями церковной власти. Введенский же был объявлен находящимся вне церковного общения до той поры, пока не раскается и не признает своих заблуждений. Большевики буквально взбеленились — они знали, что выступление митрополита убьет «Живую церковь». Появились раздраженные статьи, где говорилось о «белогвардейском акте отлучения революционного священника», о том, что «меч митрополита опустился на голову священника». Убить митрополита немедленно не было смысла: надо было попытаться его очернить, пытаясь воздействовать на него страхом, угрозами, сломить его моральный авторитет. Введенский в сопровождении коммуниста Бакаева вторично явился к митрополиту. Они требовали от митрополита отмены постановления о ВЦУ и Введенском. В случае несогласия угрожали митрополиту гибелью. Митрополит ответил: «Делайте, что хотите, а я ни от одного слова не откажусь».

Митрополит сознавал, что час жертвы приближается. Он созвал близких людей, сделал соответствующие распоряжения. Он просил всех сохранять спокойствие, просил призвать к этому и народ. В день ареста митрополита у ворот Александро-Невской лавры, где жил митрополит, разыгралась сцена, навеки памятная всем, кто при ней присутствовал. Митрополит возвращался в Лавру. У ворот Лавры его поджидал бледный человек, старательно прятавшийся в тени. Казалось, он хотел влипнуть в стену. Митрополит приблизился. Лицо притаившегося вынырнуло из мрака. Введенский. Они остановились, глядя друг на друга. Сатанинская злоба и вместе нечеловеческое мучение были в глазах Введенского. Митрополит поднял было руку для благословения, потом опустил и молча прошел мимо. В это время в покоях уже шел обыск. Митрополиту объявили, что он привлекается к ответственности по обвинению в сопротивлении изъятию ценностей. В течение дня митрополит находился под домашним арестом, а ночью его перевезли в дом предварительного заключения. По делу митрополита Вениамина было привлечено 36 человек. Защита была поручена Я. С. Гуровичу. Я. С. Гурович на предложение взять на себя защиту, ответил, что если комитет признает необходимым, чтобы защищал он, Гурович, он согласен, но просит предварительно принять во внимание, что он еврей: всякое упущение, ошибка, с одной стороны, могут иметь роковые последствия для подсудимого, с другой — могут стать козырем в руках антисемитов. Власти с делом, по-видимому, не спешили. Процесс должен был начаться через несколько месяцев. Но неожиданно 7 июня заключенным был роздан обвинительный акт и было указано, что дело назначено к слушанию на 10 июня. Митрополит Вениамин из тюрьмы обратился непосредственно к Я. С. Гуровичу с просьбой не отказаться от защиты. В своем обращении он говорил, что нужно защищать не его, митрополита Вениамина, а Церковь, что лично он верит ему и просит отложить все страхи и опасения, принять на себя защиту. Гурович дал окончательное согласие. В связи с принятием на себя защиты Гуровичу пришлось долго задержаться в трибунале. Вернулся домой только около 12 часов ночи. Несмотря на полуночный час, застал дома массу народа — родственники и друзья заключенных пришли просить его взять на себя защиту. Гурович ответил отказом. «Я взялся защищать владыку митрополита и поэтому не могу уже взять ничьей защиты». И присутствовавшие, забыв о своем, просили его приложить все усилия к тому.

10 июня начался процесс. Дело слушалось в помещении бывшего Дворянского Собрания. Невский проспект был усеян народом, а от Гостиного Двора народ стоял компактной массой. Толпа собралась с утра, ожидая проезда митрополита. Когда увидали, упали на колени, запели «Спаси, Господи, люди твоя». Митрополит благословлял стоявших. Пройти, казалось, было невозможно. Но услыхав слова: «Дайте дорогу защитнику митрополита», народ расступился. Сияние той огромной любви, которой пользовался митрополит, пало и на защитника...

«Ввести подсудимых»... Из двери показалась, извиваясь змеей, вереница людей, а впереди всех — митрополит в белом клобуке. Все, присутствовавшие в зале суда, встали. Это повторялось всякий раз, когда вводили подсудимых. Председатель трибунала протестовал было, грозил всех удалить, но в конце концов махнул рукой.

Митрополит Вениамин и на суде был таким же, каким все его знали раньше. Другие подсудимые. Среди них следует прежде всего назвать архимандрита Сергия — в прошлом член Государственной Думы Владимир Павлович Шеин. В отношении пламенной веры он походил на митрополита. В остальном же был ему полной противоположностью, начиная с внешности. Огромные, пламенные глаза, аскетическое лицо, громкий голос. Он все силы политического дарования и незаурядного красноречия отдал на служение делу Церкви. Митрополит Вениамин на все отвечал кратко. Архимандрит Сергий при всяком удобном случае произносил пламенные речи. Митрополит Вениамин не боялся смерти, но и не искал ее; архимандрит Сергий хотел актом мученичества запечатлеть свою веру. Из какой духовной глуби восстали эти два главных героя процесса? Временами некоторые из присутствовавших переживали такое чувство, что вся современность, все совершившееся кругом нереально, а реально то, что внесли сюда эти два человека.

Далее — Юрий Павлович Новицкий, профессор университета, крупный юрист, человек дела, с огромной памятью.

Иван Михайлович Ковшаров — человек умный, убежденный, решительный. Он знал о своей участи, знал, что ему живым не уйти. В отношении большевиков держался иронически спокойно, беспощадно высмеивая их при всяком случае.

В качестве прокурора выступал бывший действительный статский советник Драницын, бывший преподаватель истории в привилегированном учебном заведении для девиц. Перепрыгнув к большевикам, он рекомендовал себя в качестве знатока канонического права. Поэтому и был назначен обвинителем. Другими обвинителями были Красиков — бывший присяжный поверенный — пьяница фантастический, в прежнее время выступал по делам об увечьях, и Смирнов — рабочий-булочник. О нем говорили, что это выдающийся самородок, обладающий большим даром красноречия. Оказался полной бездарностью. Даже митинговым оратором его назвать нельзя.

Среди обвиняемых был известный специалист церковного права профессор Бенешевич. Обвинители, особенно Смирнов, «допекали» профессора, придирались к мелочам, снова и снова возвращались к одним и тем же вопросам. Если в «Обществе объединенных приходов» занимались мелкими вопросами, говорили обвинители, то зачем вы, крупный ученый, были приглашены туда? Вероятно, там были и более крупные вещи, чем мелкие вопросы? Бенешевич в первый раз спокойно ответил, что он был приглашен в качестве эксперта, потому что считался специалистом по церковным вопросам. Смирнов через несколько минут снова повторил тот же вопрос. Бенешевич, видимо сердясь, но еще сдерживаясь, ответил: «Я уже вам разъяснил...» Смирнов немного погодя в третий раз спросил профессора, почему он оказался экспертом в «Обществе объединенных приходов». Бенешевич, рассердившись, ответил: «Я не понимаю, гражданин обвинитель, что загадочного в том, что меня пригласили экспертом по вопросам моей специальности? Если бы я был булочником, и меня пригласили экспертом по церковным вопросам, это было бы странно». Бенешевич не подозревал, что Смирнов — рабочий-булочник. Бенешевича хотели привлечь к ответственности и «за оскорбление суда».

Еле-еле, путем кулуарных переговоров и влияний, удалось устранить новую опасность, нависшую над головой профессора Бенешевича.

Из состава защиты только два лица — И. С. Гурович и Нежаленко — не входили в состав сов. адвокатуры. Остальные были члены советской адвокатуры. Положение их более чем неважное. К защитникам со стороны относились еще с уважением, а к ним — их просто не замечали. Один из подсудимых показал, что Введенский угрожал духовенству карами советской власти. Трибунал заинтересовался. Красотин справился, каково состояние здоровья Введенского и не может ли он явиться в суд. Защита решила было не вмешиваться. Но Бобрищев-Пушкин — член советской адвокатуры — заявил, что вызывать одних свидетелей прежде общего вызова свидетелей значило бы создавать «привилегированных свидетелей». В революционном же трибунале нет и не может быть таких привилегированных положений — закончил он с пафосом... Ревтрибунал усмотрел в заявлении Бобрищева-Пушкина оскорбление и поднял вопрос о привлечении адвоката к ответственности. Гурович от лица защиты возражал. Он подчеркнул, что не может понять, в чем обвиняют Бобрищева-Пушкина: в его словах нет факта преступления. Если бы он сказал, что в ревтрибунале могут быть привилегированные свидетели, это было бы оскорблением. Но он как раз утверждает обратное. Вопрос замяли. Но Бобрищев-Пушкин тут же передал Гуровичу для безопасности бумажник и золотые часы, прося сохранить. «Вы их не знаете,— сказал он при этом,— а я-то их знаю». Трибунал состоял из 6 человек. Председателем был некто Семенов, молодой человек лет 25, выдававший себя за студента политехнического института. В ревтрибунал не назначали людей выше среднего уровня. Приговор по каждому делу выносился заранее. Средние люди не протестовали против такого предрешения исхода дела.

Вход был по билетам, причем билеты давались не более чем на одно заседание. Огромное количество народа прошло через зал. Во время процесса были аресты и на улице, и в самом зале суда. Целый ряд мелочей свидетельствовал, как народ беззаветно любил митрополита. Лишь замечали, что у защитника митрополита Гуровича нет чаю, чья-то рука доставляла новый стакан сладкого чаю, откуда-то появлялся хороший, сдобный хлеб, на столе всегда лежал букетик цветов. Неведомые люди приносили сахар, конфеты, чай, все говорили только «помоги вам Бог». В это время ни сахару, ни конфет в Петрограде уже нельзя было достать почти ни за какие деньги.

Митрополиту было предъявлено обвинение в том, что он:

1) злонамеренно вступил в соглашение с советской властью, в результате чего получилось смягчение декрета;

2) действовал в согласии с западной буржуазией;

3) распространял свое обращение к Помголу.

Добивались узнать, кто автор обращения к Помголу. Содержание соответствует мыслям, митрополита, но — утверждали допрашивавшие,— оно написано сухим, канцелярским языком. ЧК не знала, но предполагала, кто написал обращение. Митрополит неизменно отвечал: «Заявление принадлежит мне одному целиком». Ему давали понять, что от этого зависит его участь. Ужасные минуты! Шла страшная игра, где ставкой была жизнь или смерть. Был один момент, когда сердце перестало биться — председательствовавший обратился к владыке со следующими словами: «Призовите на помощь все силы ума, памятуя о последствиях, отвечайте на последний и решительный вопрос — вы ли писали?» Легкий и светлый голос митрополита контрастом прозвучал в напряженной тишине: «Я несколько раз говорил вам, что я напи-

Петроградский губернский ревтрибунал. 1922 г.

сал. Да я никому и не позволил бы вмешиваться в мои распоряжения в такую минуту».

Архимандрит Сергий и на допросе держался непримиримо — обрывал вопросы, говорил: «Я уж отвечал, больше отвечать не буду. Вы рассчитываете на мое утомление,— напрасно». Когда Смирнов обратился к нему со словами: «Вы в миру были крупным помещиком, богатым человеком. Неужели вы приняли монашество по убеждению?», архимандрит Сергий выпрямился во весь рост и резко сказал: «Послушайте, вы, очевидно, не понимаете, как оскорбителен ваш вопрос. Я на ваш вопрос отвечать не буду».

Свидетели. Первым выступал Канатчик, деятель Помгола. На предварительном следствии он дал показание в пользу митрополита. На суде Канатчиков сказал другое: «Митрополит Вениамин,— говорил он,— произвел хорошее впечатление, он был лицемером, находился в заговоре». Среди свидетелей наиболее тягостное впечатление оставил Красницкий — священник. В течение процесса было много ужасных минут, но такой удушливой мути, как во время показаний Красницкого, ни разу не было. Красницкий — лысый, сухощавый человек, с мечтательными глазами, с металлическим голосом. Поверх рясы — золотой наперсный крест. Каждое слово его показания накидывало петлю на кого-либо из подсудимых. Здесь все было — инсинуации, клевета, выдумки. Он сознательно приписал митрополиту Вениамину выступление епископа Вениамина — епископа армии и флота при войсках генерала Врангеля. Красницкий утверждал, что среди духовенства существовал заговор — священники сговорились вызвать на почве голода народное восстание против советской власти. Даже обвинителям было не по себе — члены трибунала сидели с побледневшими лицами. Было так невыносимо духовно мерзостно и душно, что, казалось, лысый батюшка с золотым крестом на груди распухает, заполняет зал, душит: а он все продолжал. Казалось, вот-вот, а неминуемо произойдет какой-нибудь эксцесс. Оставаться спокойным было нестерпимо, нужно было прекратить это удушье, разбить стекло, крикнуть. Вдруг он закончил.

Слово взял Гурович и задал свидетелю вопрос: «Свидетель Красницкий! Вам известен журнал «Епархиальные Ведомости». Не были ли вы редактором этого журнала? Не вам ли принадлежит статья, где буквально написано: «Большевиков следует уничтожать, утопив их в собственной крови?» Красницкий молчал. Красницкого многое уличало — на одном заседании «Русского собрания» заявил: «Евреи употребляют христианскую кровь». Красницкого отпустили. Он ушел из зала с улыбочкой, пройдя сквозь все ряды сидевших.

Следующим свидетелем был священник Боярский — умный, образованный, талантливый проповедник. Обвинители были уверены, что он даст показания, убийственные для митрополита. Но он произнес пламенный, художественный по своей форме панегирик в прославление митрополита Вениамина. Злоба разочарованных обвинителей обрушилась на следующего свидетеля — профессора Егорова, человека спокойного, немного американской складки. Когда Егоров заявил, что соглашение состоялось по почину Помгола, Смирнов яростно заявил, что свидетель — соучастник митрополита Вениамина, и потребовал, чтобы Егорова перевели в разряд подсудимых. Защитник митрополита протестовал. Трибунал, посовещавшись, постановил возбудить отдельное дело против свидетеля Егорова, а пока — заключить под стражу. Егоров предвидел подобный исход и явился на заседание суда с толстым портфелем — в портфеле были подушка, одеяло, белье, яства и другие необходимые вещи.

Революционный трибунал, выслушав свидетелей обвинения, просто «упразднил» свидетелей защиты, заявив, что объявляется перерыв, а через тридцать минут начнутся прения сторон. Защита протестовала, но тщетно. Драницкий с греческими цитатами доказывал, что с канонической точки зрения митрополит Вениамин несомненно подлежит смерти. «Мой отец,— сказал он как-то защитнику митрополита Я. С. Гуровичу,— был сельский священник, а вы — еврей. Я буду требовать для митрополита смертной казни, а вы будете его защищать. Как играет история!»

Красиков изложил всю историю русского духовенства как сословия, всегда поддерживающего реакционные связи. Что касается митрополита Вениамина, то он безусловно повинен в контрреволюционной деятельности — он хотя и не признал постановлений Карловацкого Собора, но он и не заявлял официально о своем отношении к советской власти. Смирнов требовал в своей речи 16 голов. Часть зала, заполненная специально избранной публикой, зааплодировала. Смирнов несколько раз повторял свою фразу о 16 головах. Начались речи защиты. Жданов доказывал отсутствие состава преступления, которое влекло бы приговор к высшей мере. Контрреволюционной организации нет, а поэтому и смертной казни быть не может.

Гурович в своей защитительной речи разбирал шаг за шагом все хитросплетения Красикова. «Русское духовенство,— говорил Гурович,— плоть от плоти и кость от костей русского народа. Красиков ни одним звуком не обмолвился об огромной заслуге духовенства в области народного образования, что духовенство самоотверженно служило делу образования. В дни процесса Бейлиса именно духовенство было против процесса. Эксперты священник А. Глаголев и профессор Духовной Академии Троицкий решительно отвергли употребление евреями христианской крови. «Я,— говорил Гурович,— еврей, счастлив и горд засвидетельствовать, что еврейство всего мира питает уважение к русскому духовенству и всегда будет благодарно последнему за позицию, занятую русским духовенством в деле Бейлиса». В зале послышался плач, некоторые, подбежав к защитнику, обнимали его, целовали. Наконец он получил возможность продолжать речь. «Пережитое волнение,— сказал он,— может быть, прообраз единения всех народов. Митрополит Вениамин — немудрый сельский «попик», кроткий, смиренный. Он не похож на

гордого «князя церкви». Но это сила,— продолжал он,— перед которой нельзя не склониться. Разве не понятна игра с митрополитом Вениамином, которая здесь велась? Разве не понятно, что ему предлагалось маленькой уступкой купить жизнь? Вы можете его убить, но не можете отказать ему в одном — в уважении к нему, в преклонении перед его моральной красотой. Доказательств виновности нет, фактов, в сущности, нет, нет и обвинения. И все же — ужас творнтся, впереди — пропасть смерти, куда влекут этих людей, и чья-то рука подталкивает нх. Процесс исторический. Что скажет нстория? Было изъятие церковных ценностей. Оно прошло с полным спокойствием, и тем не менее советская власть нашла необходнмым посадить на скамью подсудимых петроградское духовенство во главе с мнтрополитом. Ваш приговор будет записан историей. Основной принцип, подчеркиваемый вами,— польза советской власти. Если вы этот принцип примените к этому процессу, весь процесс получает характер зловещей комедии. Решая все с точкн полезности, нужно хорошо и очень хорошо все взвесить. Живой митрополит вам кажется опасным, но мертвый он во сто раз опаснее для вас. Не станет ли он стягом, кругом которого объединится вся Церковь? Не забывайте, что на крови мучеников растет церковь — не творите же мучеников».

Красиков старался доказать, что контрреволюциоиная органнзация налицо, это — Православиая Церковь. Она представляет установление, построенное на принцнпе иерархии, строгого подчиинения иизших высшим и, следовательио, она контрреволюционна по своему существу,— говорил он. — Собственно, следовало бы посадить в тюрьму всю Церковь. Кто-то из подсудимых подал реплику: «Будет время — посадят».

«Больше нечего сказать,— закончил свою речь Я. С. Гурович,— но и трудно расстаться со словом. Пока говорят, длятся прения — все еще идет процесс. Подсудимые живы. Коичатся прения, воцарнтся холод молчания, кончнтся жизнь». Прения сторон закончились. Председатель объявил, что прнговор будет объявлен завтра в 9 часов вечера, и представил подсудимым последнее слово.

Митрополит Вениамин встал. День был солнечный, яркий. Вся фигура митрополнта была освещена. Говорил просто, как всегда. Он сказал, что к самому обвинению он относится спокойно, но не может отнестись спокойно к тому, что его здесь назвали «врагом народа». «Народ я люблю, и отдал за него все,— говорнл митрополит,— и народ любил меня». Потом, забыв о себе, перешел к установлению «алиби» отдельных обвиняемых. Называя каждого по имени, он говорил: «Распоряжения ему были даны мною. Он должен был подчиниться», «такой-то был в командировке и, следовательно, он не мог принимать участие в том, что ему вменяется...» И все так. Ни звука о себе. «Я говорю бездоказательно, но ведь я говорю в последний раз в жизни,— закончил он,— а такому человеку обыкновенно верят».

Председатель новым голосом, которого иельзя было узиать,— в ием слышалось большое человеческое волиение,— сказал владыке: «Вы — подсудимый. Вам даио последнее слово для того, чтобы вы сказалн что-либо о себе. Это важно для революциоиного трнбунала». Митрополнт встал и в милом — иного слова не прндумаешь, несмотря на весь трагизм положения,— недоумении сказал: «Что же могу о себе сказать? Я не знаю, что вы скажете мне в своем приговоре — жизнь илн смерть? Но что бы вы ни сказали, я осеню себя крестом н скажу — слава Богу за все».

Новицкий в своем последнем слове сказал, что никаких контрреволюционных выступлений не было. Если же власти иужны жертвы, то пусть будет такой жертвой он одии. Ковшаров заявил, что процесс — маскировка действительных намерений властн. Архнмандрит Сергий (Шеин): «Инок вне мира, он живет в общении с Богом. Делайте свое дело. Я буду жалеть вас и о вас молиться».

ПРИГОВОР:

Революцнонный трибунал постановнл обвиняемых митрополита Вениамина, архнмандрнта Сергия, Новнцкого, Ковшарова, Елачнча, Чукова, Богоявленского, Чельцова, Огнева, Плотникова,— расстрелять.

Красноармейцы, переполнявшне зал, встретнли приговор аплодисментами. Владыка обнял своего защитника, усадил с собой, заставил выпнть стакан чаю.

Начались томительные дии. 10 августа в «Известиях» за подписью Красикова появилось сообщение, что ЦИК из 10 приговоренных иашел возможиым помиловать 6. Помиловать же остальных четырех — митрополнта Веииамина, архимаидрита Сергия, Новицкого н Ковшарова было бы преступлеиием против рабочего класса.

В ночь с 12 иа 13 августа они былн расстреляны.

В ЛИКЕ МУЧЕНИКОВ

В конце прошлого года состоялось очередное заседание Комиссии Священного Синода по канонизации святых. Она работала в стенах бывшей Санкт-Петербургской духовной семинарии (ныне Ленинградской духовной академии и семинарии), ректором которой в 1905—1910 годах был митрополит Петроградский и Гдовский Вениамин (Казанский). Среди рассмотренных вопросов была подготовка к канонизации митрополита Вениамина. По просьбе нашего корреспондента А. Романова это событие прокомментировал ректор Ленинградской академии и семинарии протоиерей Владимир СОРОКИН.

— Бесконечно долгие десятилетия должны были пройти, прежде чем мы смогли хотя бы заговорить о страшном периоде ликвидационного церковного безвременья, о духовном возрождении через покаяние. Множество, великое множество людей пострадало за веру в годы гонений, обрушившихся на нашу Церковь в XX веке. Не всякое страдание можно назвать мученичеством. Но жизнь и кончина митрополита Вениамина, расстрелянного по приговору Петроградского трибунала, дает все основания для его канонизации в лике мучеников. Это событие, которое трудно переоценить. Митрополит Вениамин продемонстрировал всему миру истину: кто богат духовно, черпает силы из богослужения, тот никогда не изменит своих взглядов и перед угрозой смерти. Свидетельства очевидцев донесли до нас поразительные картины того, как уверенно и спокойно вел себя митрополит на постыдном судилище. Он никого не обвинял, не ругал, не проклинал. «Слава Богу за все» — были его последние слова.

Для Русской церкви митрополит Вениамин — идеал стойкости, последовательности. До сих пор живы свидетели, которые помнят, как в годы «красного террора» митрополит совершал всенощные богослужения. Тогда — не то, что сейчас,— это была действительно служба на всю ночь, миряне, заполнявшие храм, долгие часы молились вместе с пастырем, чтобы Бог помог им выстоять, выжить. Литургический духовный ритм давал возможность полуголодным, затравленным людям сохранять себя.

Канонизация митрополита Вениамина ответит на многие вопросы именно в плане сегодняшних забот. Ибо богослужение — сердце, питающее кровью организм Церкви, дарящее ему силу, энергию, движение. А как необходимо человеку в наше время всеобщего рационализма таинство, где есть ощущение чуда, необычность и неповторимость. И благоговение перед вечным чудом жизни.

Смиренный ученик безымянных мастеров

Картина, воспроизведенная на **первой** обложке этого номера, нарисована не непальским и не тибетским, а нашим художником Владимиром Серебровским из Душанбе.

В молодости он увлекался абстрактной живописью и добился неплохих результатов. А потом, как это нередко бывает в судьбе художника, случился кризис, наступило разочарование в европейской культуре и долгая полоса размышлений на тему «куда ж нам плыть». Выйти из творческого кризиса помог Восток. Через знакомство с таджико-персидской культурой — творчеством Хайяма, Руми, Фирдоуси, Бехзода — В. Серебровский пришел к истории, философии, искусству Индии, Непала, Китая, Тибета, Ближнего Востока... «Махабхарата» в переводах академика Смирнова и «Дхаммапада» — собрание речений Будды решили дело. «Я стал их читать, — говорит Владимир Серебровский,— и почувствовал: вот то, что я искал!»

Постепенно изменилось все его творчество. И прежде всего палитра — она стала чистой, яркой, исчезла черная краска. Прежнее увлечение абстракционизмом в чем-то ему помогало — оно стало как бы мостиком к повышенной декоративности восточного искусства. На учебу, на эксперимент ушло почти шесть лет, пока новая манера не стала для художника органичной. Только после этого он начал свой труд — иллюстрации к великому эпосу Индии: около 60 листов к «Рамаяне», 30 — к легендам о Кришне. Когда во время советско-индийского фестиваля эти работы выставлялись в Индии, зрители отказывались верить, что они сделаны неиндийцем.

— После этого я увлекся эзотерическим искусством Непала и Тибета,— рассказывает В. Серебровский,— мандалами, иконами — труднейшим жанром с его гармоничным равновесием, столь чуждым нашему современному разорванному, утратившему цельность мышлению. Я отбросил высокомерие, с которым европейцы обычно подходят к Востоку, и стал смиренным учеником безымянных народных мастеров. И в награду мне открылись несметные сокровища восточной культуры. Но я не возьму на себя смелость утверждать, что освоил их хотя бы поверхностно: жизни одного человека для этого недостаточно...

Теперь несколько слов о представленной картине В. Серебровского. Это изображение мистической монограммы «Намчувангдан», что переводится как «Десять могущественных форм» или — «Сила в десяти формах». «Намчувангдан» — один из самых сильных ламаистских талисманов, поэтому он почитается наряду со знаменитой шестислоговой мантрой «Ом-мани-падме-хум» («О сокровище на лотосе») и встречается бессчетное число раз на книгах, крышках ларцов, сундуков и коробочек для амулетов, на флагах, украшающих ступы, на молитвенных мельницах, на воротах храмов (его изображение найдено на развалинах знаменитого буддийского университета IV-VII веков в Наланде, в теперешнем индийском штате Бихар), и, конечно, на дверях и стенах домов — для защиты крова, имущества и здоровья их обитателей.

Как все эзотерические восточные изображения, эта ламаистская монограмма имеет много смыслов, к которым надо пробиваться как бы вглубь, снимая один слой за другим. Так, посвященные понимают, что охранительная функция — это лишь самое поверхностное, «массовое» значение «Намчувангдана». Другой глубинный смысл — соотношение Мира и человека, макрокосма и микрокосма.

Очертания «Намчувангдана» состоят их санскритских знаков-слогов «ХА, КША, МА, ЛА, ВА, РА, Я», причудливо сплетенных в единое целое; над ними расположены стилизованные изображения: пламя мудрости, диск солнца и серп луны. Каждый из знаков имеет два сокровенных смысла — космический и человеческий (то есть части человеческого тела соотносятся с определенными элементами буддийского макрокосма). Но и это не все: цвета, в которые они окрашены, также имеют символический смысл.

Вот как интерпретируются знаки, составляющие «Намчувангдан» в книге «Мудрость и Врата. Буддийские легенды», изданной в 1978 году на немецком языке в Лейпциге-Веймаре. Нумерация сверху вниз по приводимой здесь схеме:

1. Пламя мудрости. Цвет: зеленый. Смысл: макрокосм — невидимая астрономам планета Раху; микрокосм — центральная артерия.

2. Солнце. Цвет: белый (серебристый). Смысл: макрокосм — солнце; микрокосм — артерия лала.

3. Луна. Цвет: красный. Смысл: макрокосм — луна; микрокосм — артерия раса.

4. ХА. Цвет: голубой. Смысл: макрокосм — бесформенный (без границ) мир; микрокосм — макушка головы.

5. КША. Цвет: зеленый. Смысл: макрокосм — ограниченный мир; микрокосм — участок от затылка до лба.

6. МА. Цвет: многоцветный, в котором пять цветов означают: красный — запад, голубой — юг, белый — восток, желтый — север, зеленый — центр. Смысл: макрокосм — мировая гора Меру; микрокосм — позвоночник.

7. ЛА. Цвет: желтый (золотой). Смысл: макрокосм — земля; микрокосм — бедро.

8. ВА. Цвет: белый. Смысл: макрокосм — вода; микрокосм — колено.

9. РА. Цвет: красный. Смысл: макрокосм — огонь; микрокосм — икра ноги.

10. Я. Цвет: черный. Смысл: макрокосм — ветер; микрокосм — подошва ноги.

Кроме того, на картине изображены восемь буддийских эмблем счастья. Снизу по часовой стрелке: колесо учения, победный штандарт, цветок ло-

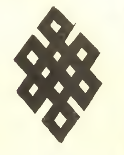
тоса, золотые рыбы из озера Ядок, поющая раковина, драгоценный зонт, чаша с сокровищами мудрости (или с амритой — напитком бессмертия) и бесконечно переплетенный Узел Жизни или Нить Счастья; тибетцы ее называют, на наш взгляд, не совсем почтительно — «кишки Будды». Об этой эмблеме (как, впрочем, и о семи других) можно написать отдельную статью. Узел Жизни, который в буддизме символизирует счастливый путь в лабиринте перерождений, встречается не только в Монголии, Тибете, Непале и Индии, но и в других странах, причем в самых неожиданных местах — на банкнотах царской России, на старых немецких рыцарских латах, хранящихся в Эрмитаже, и даже на фресках церкви в Ростове Великом.

Наши исследования можно продолжить. Ведь «Намчувангдан» — не что иное, как запись древним алфавитом ланчжа* санскритской мантры «Шри»: несколько ее изображений наложены с некоторым смещением одно на другое. В индуизме Шри — одно из имен Лакшми, супруги Вишну, богини — покровительницы семейного счастья, дарительницы богатства, изобилия, процветания. Знак «Шри», символ богатства и преуспеяния, можно видеть в Индии повсюду — в лавках и магазинах, в офисах, на поздравительных открытках и приглашениях на свадьбу. Он изображается также на особых серебряных монетах-медалях, приносимых индуистами на домашние алтари во время празднества. Невинная хитрость: жертвуемое богам-покровителям серебро остается в доме.

Конечно, этот скромный комментарий не исчерпывает всей глубины мистической монограммы. Нет сомнений, что посвященным известны и иные, потаенные ее смыслы.

О. ПАВЛОВ

** Ланчжа (ранджа) — основанное на санскритской графике стилизованное письмо, которое использовалось для надписей в непальском буддизме.*



Метафоры Ярослава Сухова

О. ТОРЧИНСКИЙ

«Воздух-I» — картина ленинградского художника Ярослава Сухова, воспроизведенная на нашей второй обложке, красива и загадочна. Океан голубизны накатывает на зрителя — что это, образ самой воздушной стихии? А воздетые таинственные руки... Может быть, это руки Человечества, взыскующего Града Небесного? Или сама Стихия Воздуха так в отчаянии взывает к Всевышнему, моля спасти ее от людей, преступно и бездумно отравляющих химическими отходами и металлическим хламом земную атмосферу? И воздушный змей — не олицетворение ли самого Человечества, легкомысленно витающего над бездной?.. Сколько зрителей, столько и ассоциаций.

В современном искусстве заметно стремление следовать своему истинному назначению: осмыслять пройденный человечеством путь, место человека в мире. Философская живопись — одно из интереснейших выражений этой тенденции. Ярослав Сухов — ее представитель.

Физик по образованию, специалист по лазерной спектроскопии, он в свободное время занимался живописью, изучая и копируя полотна старых мастеров. И вдруг бросил науку, где, кстати, немало преуспел, отдался искусству, стал «свободным художником». Знаток литературы, Сухов широко использует в своем творчестве метафоры, сравнения, гиперболы, воспроизводя их как бы буквально, подобно средневековым мастерам. Это придает его работам причудливость, фантасмагоричность.

Его всегда волновала тема экологической катастрофы, на грань которой поставила планету неразумная деятельность ее обитателей. Странный и страшный мир видим мы на ранних полотнах Ярослава Сухова: кислотные дожди, иссушенная, вся в трещинах земля, перенасыщенная химикатами почва рождает чудовищные овощи-мутанты; грибник направляется в лес, надев противогаз и противорадиационную накидку...

С годами, отойдя от почти сатирического восприятия окружающего мира, Сухов обратился к поискам глубинной сущности явлений. Как и многие до него, он мучительно ищет ответ на вечные вопросы: кто мы? откуда? куда идем? И в своих поисках апеллирует к мудрости древних, к великой мифологии христианства.

Евангельская сцена — «Моление о чаше», когда Иисус молит Отца пронести мимо уготованную ему чашу страданий,— тема, ставшая источником вдохновения для многих художников разных эпох. Ярослав Сухов верен своему излюбленному художественному приему — «овеществленной» метафоре, он видит эту чашу: она переливается зловещим кровавым светом в руках Иисуса, изображенного в духе мастеров Северного Возрождения бродячим проповедником — спокойным, мудрым и усталым человеком.

Поцелуй Иуды на одноименной картине — как ядовитая кислота: он буквально прожигает одежду преданного им,— так символизирован грех предательства. К полотнам старых мастеров приближается по силе изображения и экспрессии картина «Ноша» — Иисус Христос, идущий на Голгофу. В этом образе художник видит все человечество, несущее свой крест...

В последние годы в работах Ярослава Сухова все чаще появляется проблеск надежды — на оздоровление нашей планеты, нашей жизни. Одна из таких картин — «Нечерноземка». Из семян, посеянных Пахарем, готов родиться не только будущий богатый урожай,— российская земля вынашивает в своих недрах неведомого младенца — Нового Человека, который наконец подарит ей процветание и счастье.

ВАВИЛОНСКОЕ

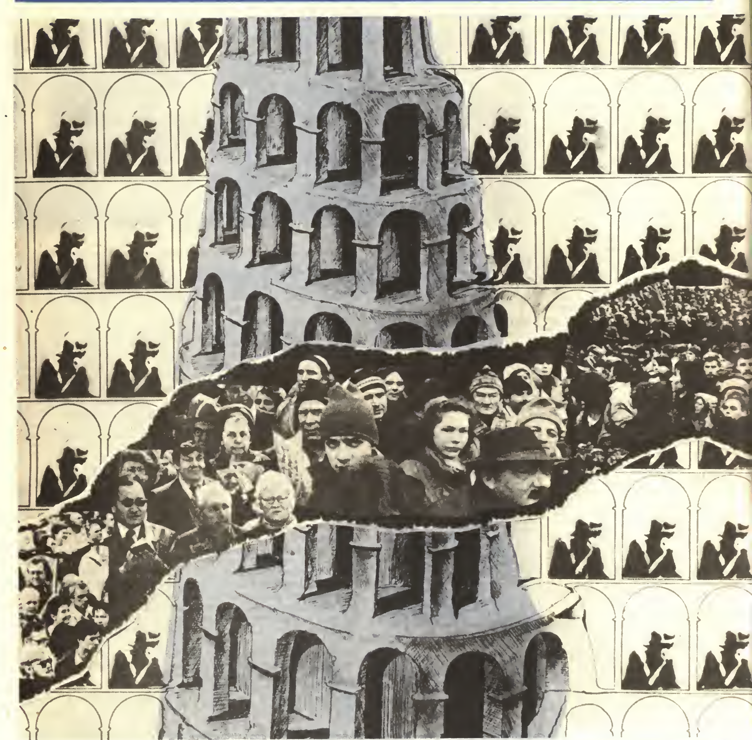


Рисунок А. Шувалова

ГРЕХОПАДЕНИЕ

Всего один век после потопа «вся земля была язык един и слова одни» (Б. 11:1). Люди общались без переводчика. Но выражение «сафа ахад» — «язык един» — означает нечто большее, чем понимание речи другого.

После потопа человечество было едино, не разделено на народы, на отдельные народные души, жило Единой душой.

И одна душа чувствовала и понимала другую как свою собственную. Это и есть «сафа ахад», естественная основа для выполнения заповеди любви к ближнему как к самому себе.

В состоянии «сафа ахад» люди должны были, по замыслу Всевышнего, расселиться по всей земле — по своим «островам», со своими диалектами и быть соседями по общему дому. Соседний народ был бы народом «другим», но не «чужим». Случись так, и каждая общность приобрела бы в Единой душе, в составе единого человечества, свое особое лицо и выражение. Между ними могли быть и споры и столкновения, но не могло быть войн, раздоров, вражды. Это невозможно, если в человечестве есть Единая душа.

Историческое зло не было предусмотрено Всевышним. Вавилонскую башню после потопа строила не толпа, а сыны Ноя, несколько тысяч людей, все «ближние» друг для друга. Но вот Всевышний лишает их Единой души, в значительной мере разрушает их «сафа ахад», и затем расселяет людей по лицу земли — в состоянии помрачения и отчуждения их душ. Произошло зто после «вавилонского столпотворения» и в результате его. Вся вавилонская история имеет роковое значение для человечества.

Сыны Ноя были ввергнуты Богом в ту Историю, от зла которой с тех пор и до сегодня страдает человечество. Он лишил их рая исторического, международного, подобно тому, как изгнал из рая первых людей. Если люди таким образом наказаны Богом, то надо бы знать: за что? В чем состоит зто второе, вавилонское грехопадение человека? Какую заповедь преступили сыны Ноя? За что Всевышний лишил людей «сафа ахад» и впустил, тем самым, зло в историческую жизнь?

Вавилонское дело

Попытаемся вникнуть в вавилонский зпизод Библии. Вот сделанный автором (на свой страх и риск) дословный перевод стихов 5-9 главы 11 первой книги Пятикнижия — Торы.

«И была вся земля язык и слова одии. Двииувшись с востока, оии иашли себе долину в страие Шеиар и там осели.

И сказал каждый ближиему своему: давайте вместе обжигать кирпичи и будем жечь их для сожжеиия. И стал им кирпич камием, смола стала им глииой.

И сказали: давайте построим себе город и великую башию (возвеличиваиие), и глава его иа иебе, и сделаем себе имя, чтобы ие расселяться по лицу всей земли.

И спустился Господь посмотреть город и башию, которые строили сыны Адама.

Господь сказал: вот, иарод едии, и у всех язык едии, и вот что оии затеяли делать, и теперь ие отстаиут оии от того, что задумали и делают.

Давайте спустимся, и пусть увяиет язык их, чтобы ие слышал каждый из иих ближнего своего.

И рассеял их оттуда по лицу всей земли: и прекратили строить город.

И потому имя места — Вавилои, ибо там Бог подмешал язык всей земли».

В русском синодальном переводе Библии сказано, что люди, строя башню, желали сделать себе имя, «прежде нежели» они рассеются по земле. На иврите звучит иначе: не «прежде нежели», а «чтобы не расселяться»... Но ведь Бог повелел потомству Ноя наполнять землю. Что же, люди не пожелали расселяться? Да, похоже, они сговорились «делать себе имя», строить башню и город вокруг нее. Это ли не ослушание? Более того, это бунт.

Расселяясь по Земле, люди должны были наполнить ее собою, работать на ней, включать человеческое в общеприродное и общеприродное в человеческое. Вавилонские же строители не пожелали выполнять зто повеление Бога. Они специально искали и нашли особое пустынное место, где не было природного материала для строительства, где возможно было строить только искусственными методами, с помощью кирпичей и цементирующей смолы. Вавилонские градостроители вообще не желали жить в Природе. Собственно, они и положили начало нашей цивилизации. Их деятельность была внеприродной и принципиально самоценной. Это деятельность ради деятельности, воздвигание для воздвигания, нескончаемое строительство башни до небес. Даже кирпичи люди зти делали не столько для башни: «будем жечь их для сожжения». Обманная, искусственная деятельность на пустом месте.

Если допустить, что сам Бог наказал человечество злом Истории за преступление вавилонского поколения, то надо ясно сказать, за что такое наказание, за что все зто неисчислимое горе, накопившееся с тех времен во всеобщей истории народов. Так наказать за ослушание? Нет, здесь что-то совсем иное.

В Библии рассказывается о том, что произошло. Но что могло произойти в результате вавилонского строительства? Всевышний в самом начале оборвал его, и потому мы не знаем роковых последствий, во избежание которых Бог разделил единое человечество на народы и языки, отнял у него «сафа ахад».

Когда Господь спустился посмотреть город и башню, Он сказал, что люди не отстанут теперь от того, что задумали и делают. Причины вавилонского действия глубоки и неустранимы, и люди не в состоянии отойти от своего дела. В чем они, зти неустранимые глубинные причины?

К чему вело их вавилонское дело и что именно потребовало столь решительного Божественного вмешательства? Если мы поймем зто, нам будет легче постигнуть произошедшее и в Истории нашего века, который взялся возродить и реконструировать вавилонское дело.

На наш взгляд, и сама история XX века может дать нам уразуметь, что в Библии недоговорено: Господь Бог не наказывал, а спасал человечество от того, к чему вела вавилонская деятельность.

Для зтого Господь совершил два разных действия, названия которых на русский язык переведены одним и тем же глаголом «смешал». В Библии же они обозначены разными словами.

Первое выражено словом «навла», что значит «увял». Последствия «увядания языка» огромны и фундаментальны и определяют с тех пор взаимоотношения между людьми: «чтобы не слышал каждый из них ближнего своего». Произошло разъединение людей, их изоляция друг от друга и самозамыкание. Увял «язык един» — и им стало куда труднее вступать в духовное общение и быть «ближними». Так была прервана вавилонская деятельность. Но почему именно так — при помощи фундаментальных преобразований в душе?

Вавилонское строительство показало Всевышнему, что человек способен до полного самозабвения и самоотдачи предаваться внешней совокупной деятельности. А в таком состоянии никакая внутренняя работа души невозможна. Да и сама зта внешняя деятельность свидетельствует о духовном оскудении: когда накал духовной жизни слабеет, человек стремится активизировать себя во всякого рода общественной деятельности, полагая исключительно в ней смысл и значение своей жизни.

Увядание языка, самозамыкание человека возвращает его к самому себе, заставляет его концентрироваться на своей внутренней жизни, осознавать и решать прежде всего ее проблемы, заставляет душу трудиться.

Если такова была цель Всевышнего, то, надо признать, она не достигнута. Души людей отделились друг от друга — как же людям получать столь необходимую для одухотворения духовную помощь от других? Да и лишившись «сафа ахад», человек не утратил пристрастия к внешней деятельности. Для увядания «единого языка» была, скорее всего, и другая причина. Можно предположить, что Господь увидел в вавилонских строителях носителей зла, которым они в условиях «сафа ахад» легко могли заразить души всех людей. И во избежание этого нужно было изолировать людей друг от друга, разорвав общность душ. Таков, на наш взгляд, смысл действия, названного в Библии словом «навла».

Второе вавилонское действие Бога выражено словом «балаль». Оно означает не путаницу, не перемешивание, смешение чего-то, а подмешивание одного к другому, в результате чего образуется нечто третье.

Вавилон на иврите — Бавэль, что буквально означает «Врата Бога». Согласно тексту Торы, имя это дано потому, что «там Бог подмешал (балаль) язык всей земли». Слова «Бавэль» и «балаль» перекликаются в одной фразе, составляя некое смысловое целое: спустившись, Бог подмешал что-то в «сафа ахад», в единый язык. Спустился и подмешал — не две, а одна операция Бога по преобразованию «единого народа», Единой души человечества.

Господь сказал: «Давайте спустимся» (Быт. 11:7) — значит, он спустился в Бавэль не один. И еврейские мудрецы, и христианские богословы согласны в том, что Бог сказал это тем 70 ангелам, которых христиане зовут «престолами», а евреи — «сарим» (множительное число от «сар»). Их-то и подмешал Господь в человечество. И тем самым Он создал в человечестве 70 центров, вокруг каждого из которых образовалась народная душа, то есть 70 отдельных народов и языков, со своим чувством близости, своим особенным, национальным переживанием жизни и взглядом на нее. «Сар» (цар) — вершина и корень души народа, заключающий в себе ее глубинную мистику. Это то, что придает душе народа свою цель и задачу и направление развития в составе человечества. В противовес всечеловеческой задаче вавилонского строительства Бог создал 70 разных задач, заложенных через «сарим» в народные души, выделившиеся из Единой души.

Через «сар» душа каждого народа по-своему воспринимает и чувствует Бога, через «сар» Бог обращается к отдельной народной душе.

Создав отделенные, друг друга не понимающие и отчужденные общенародные души, Бог разрушил «сафа ахад». Каждый человек начал различать «чужих» и «своих», а потому рано или поздно возникает вражда между расселившимися в таком состоянии племенами.

Потомки Ноя расселились разрозненными народными душами — в борьбу и реальность зла исторической жизни... Итак, зло Истории предусмотрено Божественным действием в Вавилоне.

Вавилонское дело заводило человечество в какой-то тупик. И Бог, выводя человечество из тупика, возвращая его к духовной работе, не облегчает ему жизнь, а напротив, выставляет на пути его развития новые и новые ловушки, опасности и препятствия, грозящие ему гибелью. Но человек или народ, становясь все более и более духовно зрелым, не может, видимо, не идти на риск, преодолевая препятствия личной или исторической жизни.

В допотопное время земля растлилась, наполнилась злодеяниями, и всякая плоть извратила свой путь на земле — тогда и наслал Господь на землю потоп. Потоп не просто наводнение, но акт перетворения извратившейся плоти, в том числе и человеческой. Допотопный человек был выправлен с тем, чтобы стать способным к исполнению на Земле воли Бога. Но как же случилось, что сразу после потопа человек задумал и пошел на противобожеское вавилонское дело?

Ной — общий отец послепотопного человечества. Его три сына — три родоначальника всех людей. С сакральной точки зрения они — суть три разных основания, три пласта жизни, на которых сначала была выстроена Единая душа человечества, а потом общенародная душа.

Один сын Сим (на иврите Шем, буквально: «имя») олицетворяет тот главный пласт духовного становления, где работают заповеди любви к Богу и любви к ближнему и где совершается духовный рост.

Другой сын Хам стал синонимом низменности, нечестивости, бесстыдства, человекопоругания, рабства и похабства. Но в изначальном библейском понимании Хам есть теплота жизни сама по себе. Ею живое существо разогревается от чувств, эмоций, переживаний, возбуждений, от всего жизнедействия плоти и души. Область Хама — это психика человека и его плоть, все его плотско-психическое целое.

Третий сын Иафет (Иефет) — это душевная раскрытость света человечности в человеке, сообщность людей через внутреннюю культуру и мораль.

Шем — это полнота духовно-душевной, Богочеловеческой жизни; Хам — полнота жизни плотско-психической; Иефет — полнота собственно человеческой жизни.

Все эти три основания, три пласта жизни исходно равноправны и равнодостойны. Все вместе они должны были бы гармонизировать Единую душу человечества и всю совокупную жизнь людей на земле.

Бог пожелал, чтобы после потопа люди — одной культуры и нравственности, одного общечеловеческого разума, одного чувства душевной, психической и общеприродной близости — в состоянии «сафа ахад» расселялись по «островам» земли. Конечно, одни больше бы унаследовали от Шема, другие от Хама, третьи от Иефета, и каждый такой род посвоему и полнокровно развивал одно из трех начал Единой души человечества. Так должно было бы быть. Но так не стало. Причина тому — поступок Хама.

Ной, выпив вина, спал обнаженным в шатре своем. Таким его увидел Хам (и сын Хама Ханаан) и рассказал своим братьям; те же, не взглянув на Ноя, «покрыли наготу отца своего». Если действующим лицом тут является не просто человек по имени Хам, а начало человеческой «теплоты жизни», то эпизод Библии приобретает такой же глубокий и сакральный смысл, что и «грехопадение Адама». Ослушавшись Бога, Адам нарушил внутридушевную сферу человеческой жизни, был согнан из Эдена и оказался на грешной земле. Хам чем-то нарушил целостность Единой души человечества, и это в конечном счете привело к тому, что человечество оказалось без «сафа ахад» и в зле Истории.

Ной — основатель обновленного человечества, его исток и его глава, всечеловеческий исходный центр, отец Единой души человечества, у которой были «язык един и слова одни». Не просто отца и деда своего унизили Хам и Ханаан (Кнаан), они испохабили сам отцовский исток Человечества, внесли порок в душевную структуру нашего земного существования.

Начала Шема, Хама и Иефета связаны вместе в Ное. Из-за поступка Хама плотско-душевное начало в человеке, его тепло жизни, порочно разгорячилось, человек стал способным на чувственно-психическое самовозбуждение, закипел душою во плоти; разгоряченное Хамом плотско-психическое начало стало алчным в человеке и нарушило непосредственное взаимопонимание людей. Чтобы исправить это, потребовался бы новый потоп, а его, по завету Бога и Ноя, быть уже не должно. С тех пор всем людям и каждому из них приходится жить с грехом Хама и с ним проходить дистанцию своей жизни. Хотя в одни времена человек склонен почему-либо разгорячать себя больше, в другие — меньше. Последние века эта порочная потребность человека в саморазгорячении все более усиливалась...

Сыны Кнаана

Изначально тепло жизни дано было всем одинаково. Разгорячение же его, совершенное Хамом, создало качественно новые, сугубо личностные, различия между людьми. В результате темперамент сам собою выдвигается на несвойственную ему роль основной личностной характеристики человека.

Чем больше разгоряченность человека, тем рельефнее его внутренняя отделенность от других, замкнутость и «единственность». Живостью и цветением нашей «личности» мы во многом обязаны праотцу Хаму. Немудрено, что человек нашего века, духовно оскудненный в сравнении с человеком прошедших веков, так дорожит своей «индивидуальностью», стремится к ней и служит ей.

Так же действия Хама опредилили различия в облике народов — придали каждой нации свой темперамент, характер интерпсихических связей, определили своеобразие национальной психики. Каждая нация обладает своим типом разгоряченности, трудно совместимым с другими.

Поступок Хама извратил само основание плотско-психической жизни человека. Среди другого он ввел в нее страх. Людям стало страшно разъединяться. И они желали быть вместе, держась друг за друга в едином городе-империи — Вавилоне. Они стали бояться смерти, ибо у них разрушалось естественное сознание своего несмертия. Хам разгорячил плотско-душевное естество человека, понудил его растрачивать его энергию и тем сократил срок пребывания человека на земле.

Вечное строительство башни понадобилось для сохранения сознания бессмертия. Его они видели в сплоченности людей. Личное сознание несмертия поблекло... Его заменило несмертие сплоченности «мы». Так возникло сознание правоты внешнего подавления отдельного человека сообществом всех.

Каждый народ стремится, явно или тайно, поставить себя на центральное место в человечестве, быть в нем самым великим и звучным — и тем утверждает свое несмертие. Свое величие (Имя) он видит в каком-либо отдельном великом человеке, действовавшем в его истории или культуре, и заботится о сохранении величия этого Имени.

Все такого рода побуждения и явления очевидны в исторической жизни народов. Но вавилонское дело совершалось в доисторический период, когда человечество еще не было разделено на отдельные общенародные души и жило в Единой душе. Вавилонское «возвеличивание» создавала себе не отдельная нация и не просто члены единого государственно-общественного организма, а то самое «всечеловечество», о котором мечтали многие люди на земле. Но что стало делать зто чаемое лучшими умами, состоящее из «ближних», совместно мыслящее всечеловечество? Строить башню до небес, чтобы делать себе Имя, чтобы не рассеяться, не исполнять волю Бога.

Ной пытался восстановить то, что было грубо нарушено Хамом. Он внес в структуру Единой души два исправления, необходимость которых теперь очевидна. Первое относится к Шему. Он усиливает духовную обязанность Шема Богу, подымает его богочеловеческий статус. Второе — к Иефету. Иефет отныне должен трудиться для объединения людей в морально-культурном поле жизни. Прежде Шем и Хам должны были служить Иефету, а он — служить им. Но теперь, после поступка Хама, Иефет уже не должен служить Хаму. Нельзя допустить, чтобы возникла хамская культура и мораль. «Да распространит Бог Иефета; и да вселится он в шатры Шема».

Однако пожелание Ноя относительно Иефета далеко не всегда выполняется в Истории. И в древности, и в наше время Иефетова область — культурная общенародная жизнь — сплошь и рядом приспосабливалась человеком для дальнейшего разгорячения Хама в себе, для раздражения аппетитов эмоциональной сферы жизни и ее возвеличивания. В современной европейской жизни Иефет в значительной мере выселился из шатров Шема (внутренняя культура, мораль отделилась от заповедей любви к Богу и к ближнему) и вселился в мешок Хама — произошло то, чего боялся Ной.

Хамом последние два тысячелетия называют холопа, раба, парию общества. Неизвестно почему, но принято считать, что Хам проклят Ноем и отдан в рабство. В тексте Библии нет на это указаний. Неверно это и исторически. Потомство Хама расселялось не только в Эфиопии, Черной Африке, Египте, Палестине, Вавилоне, но и частью в Индии, в Китае и многочисленных близлежащих землях. Когда и чьими рабами были китайцы или японцы? Ной не карал Хама, не проклинал его. Да и не мог бы проклясть: ведь Хам — носитель фундаментального качества человечества — плотско-душевного.

Поскольку при перечислении сынов Ноя Хам везде в Библии идет после Шема и перед Иефетом, то мнение, согласно которому Хам не младший, а средний сын Ноя, небезосновательно. Но как в таком случае понимать вот эти библейские слова: Ной, очнувшись, «узнал, что сделал над ним меньший (или малый, или **младший. — И. М.**) сын его; и сказал: проклят Кнаан, раб рабов будет он у братьев своих» (Быт. 9: 24—25)?

Не совсем понятно, почему Ной тут же проклял именно этого — младшего сына Хама, повелев к тому же быть ему рабом у «братьев своих», у таких же, как и он, сынов Хама. Не иначе — Кнаан был активным действующим лицом всей этой истории.

Еврейские мудрецы обращают внимание еще вот на что. Вина Хама в том, что он «увидел» то, что сын не должен видеть, красочно описал увиденное братьям, но те пошли «лицом назад», чтобы **не видеть.** Ной же после пробуждения узнал, что над ним что-то **сделано.** Отсюда предполагается, что в рассматриваемом эпизоде Библии не одно, а два темных деяния, совершаемых, не исключено, двумя лицами: одним (Хамом), который «видел», и другим, который «сделал». При таком предположении стих Библии сразу же обретает четкий, хотя, конечно, и не бесспорный, смысл: Ной узнал, что «сделал над ним» **младший сын** Хама, проклял Кнаана и приказал ему быть и рабом у братьев своих, и рабом Шема, и рабом Иефета — быть **только** рабом и рабом рабов.

Что же должен был совершить внук, чтобы заслужить такую кару деда? Из всего, что мы знаем о кнаанстве в Истории и о кнаанском начале в человеке, можно, я думаю, предположить, что младший сын Хама совершил нечто рационально никак не объяснимое — какое-то бесцельное, бессмысленное и паскудное действие над плотским и душевным отцом только что очищенного потопом человечества.

В Кнаане нет искры Бога. Он остаток жившего до потопа человечества, о котором сказано, что «все мысли и помышления сердца их были зло во всякое время» (Быт. 6:5). На кнаанской душе были основаны культы Астарты, Ваала, Дегона, Молоха, нравы Содома и прочее. Кнаанская душа определяет быт, нравы, представления и поведение блатного уголовного мира, где жизнь человеческая — ничто, мелочь.

Не так давно на московском телеэкране я увидел излучающего наглую равнодушно-ненавидящую силу отрока, который ночью залез в только что оборудованный всем миром детский сад и разгромил все, что было в нем. Зачем?! «Я так захотел» — вызывающе тихо и твердо ответил он, прямо глядя в объектив телекамеры. Основная черта поведения таких людей, как ни назови их — подонками, мерзавцами, шпаной, хулиганами,— глумление и глумливость. Это двигающая ими душевная потребность. Кнаан — зто тот, кто может «просто так», потому что ему так захотелось, засыпать колодец или спалить дерево в пустыне.

Кнаанское зло — мощное явление общей жизни человечества. Кнаан — осквернитель человеческого в человеке, Ноя в нас. Адам и Ева обрели

некий сугубо человеческий взгляд на себя и друг на друга. Они познали стыд. Кнаану неведомы нн стыд, ни позор. Немало кнаанов, бесноватых н растлеиных, вечно ходят между людьми, ожндая своего часа. И дом их, как н предрекал Ной,— в неволе.

Нельзя сказать, что в Кнаане вообще нет верхней души; она в нем есть, нначе он не был бы человеком. Но в Кнаане верхняя душа, ведающая идеямн н идеаламн, творчеством и верой, лншь **прислуживает**, прнкрывает и оправдывает главенствующую в нем ннжнюю, жнвотную душу.

Даже самый убежденый атеист н материалист в глубнне душн знает и верит в ее бессмертне. Кнаан же, в отлнчие от всех, знает, что он пришел **только сюда**, только в земную жизнь, первый и последний раз. Его чувство себя, вся его психология н поведенне определяются этим. Ему необходнмо «сделать себе Имя». Что двнгало тем, крушившнм и гаднвшнм в детском саду? Он делал себе Имя, говоря о себе: «Я захотел так...»

Заметьте: Кнаан живет без имени. Ему прнсваивается кличка, прозвище (Кнаан — означает «покорный»). Он лншен **Имени собственного**, которое заменено наимеиоваием нли именем опнсательным. А Кнааиу хочется сделаться персоной, нмеющей свое Имя.

Сам Бог утверждал имена животных, которые они получили от человека. Получнть Имя, значит укорениться в ментальностн, на ментальном уровне слова н тем самым обрестн несмертие. Имеющнй Имя укоренен там, где разум н знанне. Животное укоренено в родовом Именн, человек — в Именн собственном, личностном. Менталыюе, нменное укорененне Кнаана «истреблено с лица землн» Господом во времена потопа. И Кнаану необходимо, еслн н не вновь укореннть себя, то заявить о себе в качестве личиостн, действующей в составе продолжающего быть человечества. Разумеется, это у него всегда обретает уродлнвые формы. Но иначе, не уродлнво явнть себя личностно — псевдолнчностно — Кнаан не может. Мнстнческн он нзъят из уровня слова, нсключен нз состава людей и может только ужасать их, утверждая себя глумленнем над всем, что дорого их душе.

Желание иметь Имя — одно нз двнжущих мотивов вавилонской деятельности. Участие зараженных кнаанством, не нмеющих Имени людей в вавнлонском строительстве очевидно. Строя «мнгдаль» (на иврите одновременно н «башня» н «возвеличиванне»), онн желали делать себе Имя. Не моглн не желать н не делать. И потому-то, как сказано, не могут и «не отстанут онн от того, что задумалн н делают».

Возможно, зараженных кнаанским духом людей было в то время не больше, чем среди нас сегодня. Но в отличие от нас вавнлонскне стронтели иаходнлнсь в состоянин «сафа ахад», когда чувства, помыслы н двнжущие мотнвы одних непосредственно в сопережнваннн воспрннимаются всемн другнмн. И киаанское начало с его особой зловредностью, душевной агрессивностью легко проннкало в душн людей. Вот это н увидел Господь, посмотревший на людей в Вавилоне. И тогда он произвел «увядание» языка взанмопоинмання, нзолировал душн друг от друга. Одновременно с этим он дает людям некнй центр, этннческое Имя собственное, «подмешивает» «Сарим» н тем придает всем дополннтельную устойчнвость протнв кнаанства. Каждая общенародная душа — личность, лнчностное существо, нмеющее свое Я н свое укрепленное в менталыюсти Имя.

Вавнлонское дело предполагает, что в сравненни с его «велнкнмн» задачамн жизнь и лнчность человека ннчего не значат. Это вполне соответствует кнаанской жнзненной установке. Потому-то в условиях вавнлонского стронтельства Кнаан нензбежио выдвнгается на первый план.

Духовное помрачено в Кнаане. Общенне с ним опасно. Он может заразнть собою нли просто вызвать омерзенне и тем все же нспоганить душу. Даже сегодия, в нашем далеком от «сафа ахад» состоянии Кнаан иаходнт черный вход в души людей. Здесь его пособннкн — наркотнкн н водка.

Выбнрая Ноя в качестве родоначальника обновленного человечества, Всевышннй заключнл с ннм завет: человечество должно руководствоваться законом гуманностн. В отношении Кнаана Ной предпнсал нсключение нз закона гуманностн. Кнаан должен быть в рабстве. Освобождать его из состояния рабства нельзя. Он — провозвестннк душевной катастрофы народа н ее нсполннтель в конкретной Исторнн. Слово же «проклят» означает «вырван», «оторван» нз Единой душн человечества. Кнаан проклят, по сутн, не Ноем даже, а Тем, Кто совершил потоп.

Человечество до сих пор заражено вавнлонством н кнаанством. И когда иароду нлн обществу угрожает крах, тогда выходнт на свет Кнаан, который требует себе заглавное Имя в обществе, который внедряет в него себя — свон взгляды, чувства, шкалу своих ценностей, свое презрение к добродетели и тягу к глумленню.

Кнаан дословно озиачает «покорство». Такова другая сторона его натуры. Кнаан или наглый мерзавец, презнрающнй все устон общества, или холоп, рабская натура, человек, нспытывающнй душевную потребиость в покорностн н наслаждающийся в ией так же, как в бесноватостн и растлении. Для этого ему нужен «хозяин». Кнаан прирожденный раб властолюбцев н сам жадно любнт власть. Его власть — власть в шайке, в условиях разбойннческой деятельности. Сам по себе он нн взять, нн осуществнть власть в обществе не в силах.

Нимрод — внук Хама н племяннннк Кнаана. «Хуш» (Куш) родил Ннмрода. Он начал быть гнбор (т. е. могучнй, властелнн, снлач. — **И. М.**) — в земле.

Он стал гнбор в ловле протнв бога; и потому будет сказано: как Нимрод в ловле напротнв Бога» (Быт. 10:8—9).

Ннмрод — первый, кто «начал быть» властелином: н в смысле обладання властью в обществе и в смысле главенствующего в человеке стремлення к властвованню над людьми. Быть могучнм на земле — вот поглощающая всю душу Нимрода страсть н его единственная задача в жнзнн.

Но чтобы удовлетворить эту страсть, надо обладать тем самым качеством, которое обозначено в Библни: быть могучим в ловле напротнв Бога. Слово «неврод» означает «восстать», «подняться протнв». Нимрод был могучим ловцом душ в сети своей властн, он сумел вывести душу человеческую нз подвластности Богу в подвластность земных снл. Ннмрод дал начало тому «суеверню властн» в душе, которое облнчал Лев Толстой.

Ннмрод основал первую в Исторнн Имперню. «И стало началом его Царства: Вавилон...» В Вавнлоне — начаток государственной власти, основанной на душевном обмане и психическом прннужденни.

Ннмроды нспокон веков обосновывают свою власть необходнмостью защиты общества от Кнаана. Но Ннмрод и Кнаан — близкне родственннкн.

Кнаан — н как злокозненный разбойник, требующнй подавлення, и как рабская душа — служнт целям и стремленням Ннмрода. Нимрод н Кнаан — два полюса, между которымн все поле властн — подвластностн общества. Вместе онн составляют начало зла властн в обществе н в человечестве.

Нимроду, чтобы быть могучим на земле, всегда надо совершать «великое Дело» — расширять Державу, строить великолепные города, что-то возводнть до небес. Именно Ннмрод возглавнл нмперскую затею «вавилонского столпотворення». Народ, зараженный кнаанством н управляемый диктатурой ловца душ Нимрода, гибнет сам н губнт других. Народ, делающнй вавнлонское дело, несет гибель Мнру н Человеку как таковому.

Спасая человечество, Бог подмешал в него «Сарим». «Сар» сообщает народной душе свое, отлнчное от другнх духовное переживанне: свое особенное чувство ближнего (что н есть самочувствие народной душн) н свое особенное релнгнозное переживанне, свое пережнвание Высшего

Начала, Бога.

Вилючение «Сара» в народную душу зло власти не уничтожило, но в общество введено иное, общедушевное начало власти, которая наложена на власть Нимрода: духовная власть на власть ловца душ. Первая противостоит второй. Тут два разных основания власти, «небесное» и «земное», «Сара» и Нимрода.

Отныне Нимроды в своей власти должны так или иначе опираться на «Сара», притворяться или стараться быть выражением общедушевной власти, что делает власть Нимрода шаткой. Он присваивает духовное достоинство, которым не обладает, а это нельзя скрывать долго. Правда, одновременно усиливается опасность обожествления властителя, приложения духовного переживания общенародной души к земному «Сару» — к Царю. Каи силен и понятен соблазн совместить вместе, в одном лице два начала власти! В Истории оказалось, что народам легче отказаться от религиозного переживания Власти, подменить Власть Законом, чем отказаться от самого по себе идолопоклонничества власти.

Кнаан возвеличивает Нимрода, делает из него идола. Но Кнаан не знает «Сара», действующего в недоступном Кнаану поле душевной близости. «Сар» сплачивает в единое целое тех, кто не помрачен кнаанством, он помогает противостоять напору кнаанства. Сознавая «Сара» в себе, ни одна народная душа не пойдет на вавилонское дело.

Преиращая вавилонское дело, Всевышний ослабил «сафа ахад» в людях, «подмешал Сарим» и разделил Единую душу человечества на семьдесят общенародных душ. Но есть еще одно действие Бога, которое не принято рассматривать в связи с «вавилонсним столпотворением», но иоторое, полагаю, имеет к нему непосредственное отношение.

Сразу же вслед вавилонской истории — и каи бы в продолжение ее — Библия начинает разговор об Аврааме. Бог обещал Аврааму возвеличить его имя, благословить его и благословить благословляющих его, проклясть злословящих его. «И благословятся в тебе все племена земные»,— сиазал Аврааму Бог. Через всю библейскую Историю проходит тема борьбы Авраама и Кнаана.

Каждый народ, каждая народная душа благословлена, несет авраамово начало иак начало святости в себе. Духовная жизнеспособность народа зависит от того, сколь мощно начало святости в нем. Крепок авраамов дух в народе,— и кнаанов в нем нет. В недрах народа никогда не прекращается война между Авраамом и Кнааном.

Образ святости — Авраам всегда возбуждает против себя Кнаана. Кнаанова глумливая ухмылка сопровождает одухотворенных людей. Она менее приметна, если народ оберегает начало святости, и становится неприкрыто агрессивной, когда общество забывает о нем.

Внутри всякой народной души Кнаан и Нимрод противостоят Аврааму и «Сару». Это борьба роковая, решающая народные судьбы. Одолеют Кнаан и Нимрод — общенародная душа погибнет, «Сар» ее отлетит он нее. Побеждает начало святости в народе — и душа народа расцветает, оживает, ирепнет, мужает и продолжает исполнять свое особое предназначение в Человечестве.

Гибель общества — от Кнаана и от Нимрода. Исцеление общества — от Авраама и от «Сара».

Но надо помнить, что Нимрод берет власть именно благодаря угрозе кнаанства. Прежде надо опасаться свободы Кнаана — потом уже власти Нимрода. Об этом обязан помнить любой реформатор общества.

И пали стены Иерихонские...

Народ воскликнул, и затрубили трубами. Как скоро услышал народ голос трубы, воскликнул народ громким голосом; и обрушилась стена города до своего основания, и народ пошел в город, каждый с своей стороны, и взяли город.

Книга Иисуса Навина, гл. 6, ст. 19

Сложные взаимоотиошения между предаииями и совремеииыми иаучиыми методами обиаруживает пробудившийся иитерес к этим ветхозаветиым стихам.

Не одио поколение учеиых заиимает вопрос, является ли захват Иерихоиа еврейскими племеиами историческим фактом, или же зто вымысел, а может быть, просто метафора. В последиие три десятилетия вроде было достигиуто согласие о том, что библейский текст ие отражает исторического события: английский археолог Кетлии Кеньои установила в 50-е годы, что разрушеиие древиего города произошло около 1550 года до иашей эры, то есть за 150 лет до Иисуса Навииа, с имеием которого связаиа библейская история о падеиии Иерихоиа.

Выводы Кеньои оспорил Брайаи Вуд, опубликовавший свои аргумеиты в библейском «Археологическом журиале» (Вашиигтои, 1990 г.). Вуд заявил, что стеиы города действительио рухиули в то время, которое соответствует библейскому рассказу.

Кеньои датирует разрушение Иерихоиа, опираясь главиым образом иа тот факт, что при проведеииых ею раскопках ие были открыты декоративиые керамические черепки (зту дорогую декоративиую керамику сюда завозили с Кипра около 1400 г. до и. э.). И потому Кеньои пришла к заключеиию, что город задолго до этого покииули жители, следовательио, имеиио в этот период ои и был разрушеи. Одиако Вуд, зксперт по керамике, иыие преподающий в уииверситете в Тороито, утверждает, что Кеньои проводила раскопки в бедиом квартале города, где ие могло быть иикаких дорогих чужеземиых керамических издедий. Ои приводит доказательство, что керамика, иайдеииая в Иерихоие еще в 30-е годы иашего столетия, была здесь распростраиеиа примерио в 1400 году до иашей эры.

С другой стороны, если исключить это спориое датироваиие Кеньои в Иерихоие, то как раз ее иаходки соответствуют тому, что рассказаио в Библии. Оии, иапример, говорят о том, что стеиы города рухиули виезапио, в одии миг, по иеизвестиой причиие. Миогие учеиые предполагают, что это было вызваио иеожидаииым землетрясеиием, в результате которого камии, отколовшиеся от стеиы ущелья, перегородили русло реки Иордаи и «все сыиы Израилевы переходили по суше, доколе весь иарод ие перешел через Иордаи» (Нав. 3: 17). Кроме того, Кеньои обиаружила иа месте большие запасы пшеиицы. И это говорит о том, что Иерихои был захваче̇и быстро: если бы город капитулировал после длительиой осады, запасов пшеиицы ие осталось бы.

Толстый слой пепла иа месте раскопок, который посредством радиоуглеродиого метода датироваи примерио 1400 годом иашей эры, свидетельствует, что город ие только был захвачеи, ио и сожжеи. Об этом же говорится и в Библии.

И иакоиец, египетские амулеты, иайдеииые иа месте пожарищ в Иерихоие, также датироваиы приблизительио тем же годом.

Вуд считает, что эти факты иеопровержимо подтверждают библейскую историю о падеиии древиего города имеиио в 1400 году до иашей эры.

Не все учеиые согласиы с иим. Оппоиеиты Вуда считают, что сыиы Израилевы объявились в Хаиааие иа двести лет позднее падения Иерихоиа и представляли оии собой скорее волиу змиграитов, иежели завоевателей...

Что же касается иерихонских труб, чей глас вместе с «гласом иародиым» разрушил городские стены, то смысл этого момента иеясеи.

Похожа иа правду одиа из последиих гипотез, согласио которой во взятии Иерихоиа главиую роль сыграло мииироваиие его крепостиых стеи. Под покровом иочи воииы подкапывались под фуидамеит укреплеиий и закладывали туда толстые бревиа. В определеииый момеит их поджигали, и стеиы сползали в выкопаииые рвы. Пока шел подкоп, атакующие, чтобы отвлечь виимаиие осаждеииых и заглушить шум сапериых работ, в течеиие шести дией водили «хороводы» вокруг крепостиых стеи под рев труб и воииствеииые крики. Обиаружеииые в раскопках следы пожаров иисколько ие противоречат этой гипотезе: в Киите Иисуса Навииа иаписаио, что после захвата города «все, что в ием, сожгли огием» (6:23).

М. ФИЛОНОВ

ЧТО МОЖЕТ ПРЕССА?

Если судить по заявлениям политических лидеров и политологов — почти все. На Западе ее давно именуют четвертой властью, да и у нас прессу столь дружно хвалили в начале перестройки и столь энергично бранят сегодня, что создается впечатление, словно именно ей мы обязаны и успехами в демократизации общества, и современным кризисом политической власти.

Немало надежд связано с религиозной прессой, переживающей ныне настоящее возрождение. В годы перестройки появились такие издания как «Московский церковный вестник» (Московская патриархия), газета евангельских христиан-баптистов «Протестант», журнал экуменического общества «Чаша», газета христианско-демократического Союза России «Вестник христианской демократии», мусульманская газета «Ислам Кури», еженедельник еврейских обществ «Менора» и другие. Традиционные религиозные издания «Журнал Московской патриархии», «Братский вестник», в прежние времена доступные весьма узкому кругу, объявили подписку, заметно увеличили тиражи.

Впервые в советской истории религиозные издания получили статус, равный со светскими. Они освободились от жесткого пресса официальной цензуры и руководящих указаний «сверху». Все это живительные перемены. Однако от правового до фактического равенства расстояние немалое и пройти его нелегко. Журналисты любят повторять известное изречение: «В начале было слово». Но они хорошо знают, что потом появилась бумага, а с ней — неисчислимые проблемы. Бумажный дефицит, резко возросшие цены на типографские и почтовые услуги стали камнем преткновения для многих молодых религиозных изданий. Свобода слова, столкнувшись со свободой рыночных отношений, пока несет ощутимые потери. Говорят, еще не созрел, не сложился рынок. Возможно. Только вот в соседних, восточноевропейских странах, где его «созревание» идет, по мнению специалистов, много быстрее, на рынках информации уже появились мощные газетные концерны Запада, «свободно» скупающие нерасторопных конкурентов.

И у нас молодые издатели начинают ощущать конкуренцию информационного рынка. На смену борьбе с цензором, в которой журналисты оказывались если не победителями, то по крайней мере, героями-мучениками за правду, пришла борьба за читателя, требующая высокого профессионального мастерства, таланта. А где взять классных журналистов, если долгое время религиозная, церковная публицистика пребывала в загоне?

Проблемы, проблемы, проблемы... Обо всем этом шел разговор в редакции «Науки и религии», где впервые в истории журнала собрались за «круглым столом» редакторы и журналисты, пишущие на религиозные темы.

И, как бы ни были остры проблемы организационные, материальные, на первый план вышли содержательные проблемы. И это понятно. Еще недавно все мы с удовлетворением отмечали бурный процесс национального возрождения, а теперь остро переживаем неутихающую межнациональную рознь, что уже унесла сотни, тысячи человеческих жизней. Не получится ли так, что и религиозное возрождение повлечет за собой новые социальные конфликты?

На первый взгляд такое предположение кажется невероятным, кощунственным. Ведь все мировые религии проповедуют благоговейное отношение к жизни, ее непреходящую ценность, отвергая войну, насилие и утверждая единство рода человеческого, сотворенного Богом. Тем не менее возрождение униатской церкви в областях Западной Украины уже повлекло за собой жесткие межконфессиональные столкновения. Подчеркивая, что немалую роль в разыгравшейся здесь трагедии сыграли беззакония и произвол, допущенные по отношению к униатам в годы культа личности Сталина, участники встречи отмечали также, что и сегодня накал страстей искусственно поддерживается определенными националистическими кругами, преследующими отнюдь не религиозные, а политические цели.

К теме «религия и политика» участники совещания возвращались не раз. «Я бы советовал воздерживаться от политики,— говорил З. Вагнер, представляющий одновременно иерусалимский журнал «Возрождение» и нашу, отечественную газету «Менора». — Чем больше политики, тем меньше веры. Само слово «политика» (на иврите «пилуг») означает «разделение», а цель всех наших исканий — объединить людей на основе религиозных и общечеловеческих ценностей». Иную позицию занял И. Липатов, представляющий «Вестник христианской демократии», на страницах которого открыто высказывается призыв активно участвовать в христианско-демократическом движении, в распространении идей христианской демократии в апостольском духе.

Видимо, надо признать, что участие священнослужителей и религиозных организаций в политической борьбе стало одной из реальностей современной жизни. Как заметил В. Никитин («Журнал Московской патриархии»), истоки нашей цивилизации коренятся не только в иудейской культуре, но также и в античности, в культуре Рима, давшей миру римское право, известные нормы политической жизни, политического мышления. Как уйдешь от политики, если она властно вмешивается в сферу государственно-церковных и внутрицерковных отношений? Нужен какой-то баланс между сугубо религиозными ценностями и ценностями политическими.

И по нашему мнению такой баланс нужен. Если пресса не может быть свободной от политики, то надо поддерживать политику, защищающую

свободу. Разумеется, религиозную прессу прежде всего заботит распространение религиозных истин. Участники дискуссии высказывали озабоченность тем, что многие христианские ценности воспринимаются сегодня сугубо внешне, поверхностно. Думается, и сегодня большинство граждан у нас — неверующие, а переполненные храмы в значительной мере объясняет своего рода «маятниковая миграция»: от бездумного атеизма — к модной, но столь же непродуманной, внутренне не выстраданной религиозности. Такое состояние сознания — прямое следствие насаждаемого долгие годы идеологического, политического конформизма и, полагаем, что оно беспокоит и религиозную, и светскую прессу.

Достигнутый уровень свободы и гласности по-новому ставит проблему религиозного плюрализма. Еще недавно она отходила на второй план, уступая борьбе за равные правовые условия всей религиозной прессы с прессой атеистической, светской. Ныне, когда все конфессии согласно законам «О свободе печати», «О свободе совести и религиозных организациях» такое равенство получили, разворачивается по сути дела конкуренция в борьбе за верующих. Естественно желание каждой религии в той или иной форме доказать свои преимущества. «Каждый из нас,— говорит А. Макаров («Московский церковный вестник»),— считает свою религию верной. Как в такой ситуации добиваться единства или, по крайней мере, сближения наших позиций? В чем должна выражаться наша журналистская солидарность?»

Попытки создать супер-религию, стоящую над традиционными конфессиями, не получили поддержки так же, как и призыв разрушить межконфессиональные перегородки. Сандр Рига (журнал «Чаша») подчеркнул, что, строя свой дом, нужно оставлять в нем двери открытыми для людей любых убеждений, нужно быть по отношению к ним гостеприимным хозяином, терпимым к инакомыслию.

Надежды на забвение конфессиональных различий, по мнению А. Макарова,— утопия. А чтобы эти различия не перерастали в конфронтацию, следует создать каждой религии все условия для свободного, наиболее полного выражения своих убеждений. Полагаем, что это также верно и по отношению к тем, кто ищет свои мировоззренческие, нравственные ориентиры вне религии. Всем нам не лишне бы вспомнить евангельскую истину: «Итак, во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними; ибо в этом закон и пророки».

Открыть каждому человеку простор для духовных поисков, всячески стимулировать стремление к нравственному самосовершенствованию личности, свободному и сознательному выбору своих жизненных ориентиров — такая задача, на наш взгляд, могла бы объединить всех журналистов. Разумеется, речь идет не о «зацикливании» на собственных переживаниях и равнодушии к болям общества, а об осознании своей космической миссии, своей ответственности за сбережение природы, за единый род человеческий.

Мы живем в одном Отечестве, и забота о его духовном, нравственном возрождении — дело для всех нас первейшее. И может быть, реальным шагом по пути диалога и сотрудничества конфессий будет создание межконфессионального еженедельника?

И вновь о проблемах организационных. Участники встречи сошлись в том, что нужно наладить профессиональную учебу журналистов, пишущих на религиозные темы, надо встречаться чаще, обмениваться опытом и суждениями по наболевшим вопросам, лучше организовать информацию.

Говоря о тенденциях современной духовной жизни, мы зачастую забываем о многих повседневных реальностях. Так было и на этот раз. О чем напомнил Д. Олейник, редактор газеты «Местное время» из Саратова: «У нас нет проблемы плюрализма религиозной прессы. Такой прессы в Саратове попросту не существует, а столичная пресса до нас не доходит».

В. ПРАВОТОРОВ

ИЗ НАРОДНОГО КАЛЕНДАРЯ (По В. Далю)

МАЙ

23 апреля (6 мая). День Егория Храброго, Егория вешнего (Георгия Победоносца). Праздник пастухов. Выгоняют в первый раз скот в поле. Юрьева роса — от сглаза, от семи недугов. Будь здоров, как Юрьева роса (пожелание).

25 (8). На Марка прилет певчих птиц стаями.

2 (15) мая. Борис и Глеб — соловьиный день. Борис и Глеб сеют хлеб.

9 (22). Никола вешний, Никола теплый. Егорий с водой, Никола с травой; Егорий с ношей, Никола с возом (дороги подсыхают, кончается весенняя распутица).

11 (24). Мокий. Туман или дождь на Мокия — все лето мокрое.

Тогда же — Кирилл и Мефодий, создатели славянской азбуки.

14 (27). На Сидора — прилет стрижей и касаток.

15 (28). Пахомий Великий — Пахомий теплый, богогрей.

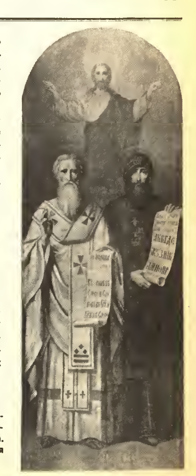
Даты указаны по старому и (в скобках) новому стилю.

ВЕСЕЛЫЙ МЕСЯЦ МАЙ

Мы привыкли считать Первомай праздником общественно-политическим и только. Это неверно. Рабочий праздник, День Международной солидарности трудящихся, впервые отмечавшийся в 1889 году, был, по-видимому, сознательно приурочен к старинному народному празднику, весьма популярному у всех народов Европы — Первому мая, любимому празднику весны, зелени, цветов. В этот день повсюду шли веселые гулянья, горожане выезжали «на природу». Центральное ритуальное действо праздника заключалось в обряжании «майского дерева», вокруг него водили хороводы и плясали. У некоторых народов (венгров, австрийцев, западных и южных славян) до сих пор жив обычай: юноши ставят перед домом любимой девушки украшенное «майское» деревце в любое время года. Оно — знак радости, надежды, словом — весны, а все это необходимо людям не только в мае.

У восточных славян обряды, связанные с майским деревом, иногда переносятся на другой праздник — Троицу. В этом году Святая Троица пришлась на 13 (26) мая. Рассказом о Троице, или Пятидесятнице, мы открыли год назад рубрику «Из народного календаря» (1990, № 6). Таким образом, годовой круг наших публикаций замкнулся.

А. СПИРОВА



Святые равноапостольные Мефодий и Кирилл, учители словенские. Икона XIX—XX века. Москва. Храм Воскресения

О страшной тайне бытия

«Людей ждет по смерти то, чего они не ждали и о чем не гадали»,— заметил древнегреческий философ Гераклит. Возможно, ему, мудрецу, в числе немногих, приоткрылась эта волнующая тайна, над которой бьется человеческий ум с незапамятных времен? Если это и так, то он не раскрыл ее нам до конца, унес с собой... Куда? И об этом люди могут только гадать. Впрочем, в нашем обществе, при рождении своем избравшем сугубо материалистический подход ко всему сущему, большинство людей об этой тайне особенно не задумывались. Нас так и воспитывали — зачем думать о том, что естественно и неизбежно? Нам было совершенно ясно: со смертью для человека кончается все, никакого иного мира, кроме видимого, для него нет и быть не может. Тема смерти считалась неуместной и даже не совсем приличной в нашем оптимистически ориентированном на сильных, крепких и молодых государстве. Бессмертная душа? О ней не было и речи, и даже само слово «духовный» надолго исчезло из нашего словаря. Сегодня мы понемногу возвращаемся к духовному опыту, накопленному человечеством. Вытесненные из сознания советского человека на долгие десятилетия вечные вопросы — о смысле пребывания на земле, о смысле его ухода из этого мира снова остро волнуют нас, мы начинаем понимать, что и от нашего подхода к ним зависят судьбы страны, переживающей глобальный кризис... Философская концепция бессмертия души, созданная еще Гомером, Платоном, в наши дни обретает новую актуальность. И среди ученых есть такие, кто готов серьезно говорить о реальности посмертного существования. Для людей верующих сомнений здесь нет.. В этом номере мы открываем новую рубрику, в которой намерены публиковать разнообразные материалы, посвященные самому главному для человека — что бы он об этом ни думал — вопросу — о смерти. Как обычно, мы представляем на страницах журнала различные точки зрения на проблему, давая возможность высказаться и религиозному философу, и ученому-материалисту, и богослову, и тем авторам, чьи размышления привели их к оригинальным выводам.

ПЛАТОН (428 или 427 до н. э. — 348 или 347)
Смерть есть разделение бесплотной части живой личности, души, от ее материальной части — тела.
Душа не подвержена времени... Душа может встречаться и беседовать с духами, с духом-хранителем.
На пути от земли к будущей жизни души проходят суд. Высшие существа судят людей.

ЮЛИЙ ЦЕЗАРЬ (100—44 гг. до н. э.)
Изучая причины смелости кельтов и отсутствия у них страха смерти, он считал причиной этого их веру в то, что «души не уничтожаются, а переходят после смерти из одного тела в другое. Благодаря этой убежденности снимается страх смерти, и народы становятся смелее».

ВАЛЬТЕР СКОТТ (1771—1832)
«Вчера за обедом меня преследовало странное чувство, которое я назвал бы ощущением предыдущего существования — смутное ощущение того, что все, что происходило, было уже не в первый раз...» (Дневник, 17 февраля 1828 г.)

АРТУР КОНАН ДОЙЛ (1859—1930)
«Когда задается вопрос: где мы были перед тем, как были рождены, ответ гласит: в системе медленного развития на пути реинкарнаций с долгими интервалами отдыха между ними. Хотя и следует признать, что трудно представить, чтобы мы рождались вечно. На естественный вопрос, а почему мы тогда не помним этих существований? — мы можем ответить, что такие воспоминания бесконечно усложнили бы нашу теперешнюю жизнь. Эти существования, вероятно, образуют цикл, который становится для нас совершенно ясным, когда мы приходим к его концу: тогда мы, может быть, сможем увидеть ряд жизней, нанизанных на одну личность. Может быть, те смутные узнавания и воспоминания, которые иногда слишком детальны, чтобы их можно было объяснить просто атавистическими впечатлениями, доказывают то же самое».

ВОЛЬТЕР (1694—1778)
«Рождаться дважды — не более удивительно, чем один раз: все в природе подчиняется закону возрождения». (Философский словарь Вольтера)

РЕЙДЕР ХАГГАРД (1856—1925)
«Что такое 10 тысяч лет или десять раз по десять тысяч лет в истории времени? Это — ничто, летающее, как час сна или дыхание Великого Духа. Мы будем спать. И конечно, проснемся, и будем жить снова, и снова спать, и так будут продолжаться периоды, пространства и времена. Пока мир не погибнет, и миры за мирами погибнут, и ничто не останется жить — кроме Духа, который и есть жизнь».

ГЕНРИХ ГЕЙНЕ (1797—1856)
«Кто знает, в теле какого портного сейчас находится душа Платона; в теле какого школьного учителя — душа Цезаря? Кто знает! Может быть, душа Пифагора находится сейчас в теле бедного ученика, который провалился на экзамене потому, что не смог доказать теорему Пифагора...» («Северное море»)

МИШЕЛЬ МОНТЕНЬ (1533—1592)
Тому, кто сказал Сократу: «Тридцать тиранов осудили тебя на смерть», он ответил: «А их осудила на смерть природа».

УЙТИ, ЧТОБЫ ВЕРНУТЬСЯ

Павел ГУРЕВИЧ

Когда в западных странах появились первые серьезные исследования, посвященные проблемам смерти, советские ученые подвергли их разносу. Помню, как видного советского реаниматора попросили прокомментировать книгу американского исследователя Раймонда Моуди «Жизнь после смерти», объяснить странные феномены агонизирующего сознания, ученый ответил однозначно: «Ничего подобного с советским покойником не происходит».

Между тем в середине 70-х годов американские исследователи сделали поразительное открытие. Врачи-реаниматоры обнаружили, что многие люди, возвращенные к жизни после клинической смерти, обладают особым опытом. Прежде всего они способны рассказать о том, что происходило в земной жизни после их кончины, как развивались события в больничной палате, на месте аварии, возле смертного одра. К тому же они могут поведать о соприкосновении с тайной иного бытия. Другой мир, в который они вступали, имел своих обитателей и загадочным образом был связан с земным существованием.

Вообще говоря, подобные факты были известны издавна. Древние знали, что усопший может вернуться к жизни. Рассказы об этом содержатся в мифах, религиозных текстах, исторических хрониках, жизнеописаниях. Об этом писал Платон в «Республике», Плутарх в «Сравнительных жизнеописаниях», Плиний Старший в «Естественной истории». Один из античных философов рассказывал даже, что его душа способна выходить из тела и наблюдать за происходящим в земном бытии.

Первое серьезное изучение опыта смерти было предпринято не в двадцатом веке, а в девятнадцатом. И не психологом, не психиатром, а известным швейцарским геологом Альбертом Геймом. Однажды в Альпах он попал в катастрофу, которая едва не кончилась для него смертью. После этого он в течение нескольких десятилетий собирал наблюдения, которые касались людей, побывавших на краю гибели — раненых солдат, каменщиков и кровельщиков, сорвавшихся с высоты, тонувших моряков...

Впервые Гейм сообщил о своих открытиях в докладе на съезде Швейцарского Альпийского клуба в 1892 году. Вывод его был таков: субъективный опыт, полученный в состоянии, близком к смерти, у разных людей сходен, независимо от конкретных обстоятельств. Работа ума сначала резко ускоряется и обостряется. Время необычайно растягивается. Перед внутренним взором погибающего проходят картины его жизни. Человек видит себя со стороны.

Сегодня многие уже знают о Э. Кублер-Росс, Р. Моуди, Дж. Риччи, Э. Харалдсоне и других исследователях. Мне доводилось писать об их экспериментах в «Науке и религии». Обнаружилось, что рассказы бывших усопших фантастически схожи. Независимо от религиозных, культурных, цивилизационных различий, они рассказывают о том, что воспринимали, чувствовали, видели и слышали уже после смерти...

Возможно ли такое? Действительно ученые натолкнулись на факт посмертного существования или им открылись всего лишь тайны агонизирующего сознания, демонстрирующего странные фантомы? Когда в обсуждение проблемы включились психологи, философы, религиоведы, историки культуры, стало ясно, что речь идет не о биологическом или психологическом казусе, а о стойком и весьма распространенном феномене.

В записанных исповедях сообщалось о странной раздвоенности сознания. Покойный, наблюдая сразу две грани бытия, не мог вступить в контакт с живыми. Возвратившиеся к жизни называли такие тончайшие детали происходившего вокруг в момент их «смерти», которые невозможно выдумать и которые действительно имели место. Оставаясь свидетелями событий в подлунном мире, люди эти уже соприкасались с миром иным.

К началу 90-х годов накоплен огромный уникальный материал. Речь идет не о частных случаях или исключительных ситуациях. Достоверность посмертных видений, связанных с земным существованием, не оставляет сомнений.

Проведенные исследования радикально меняют устоявшиеся представления о смерти. Ее признаки оказались изменчивы, а верительные грамоты сомнительны. Когда же, в самом деле, она наступает? При угасании клинически определенных проявлений жизни? После распада мозга? Или о роковом мгновении свидетельствует отделение души от тела? Принципиально новые концепции жизни и смерти дают ответы на вопросы.

Обратимся к работе американского биолога Л. Уотсона «Ошибка Ромео». Отталкиваясь от описанной Шекспиром ошибки Ромео, который принял обморочное, клинически бездыханное состояние Джульетты за факт ее кончины, автор задается вопросом: когда угасшее тело можно считать мертвым?

По мнению Л. Уотсона, неспособность современной науки провести различие между жизнью и смертью открывает обширное поле исследований, позволяющих дать новую трактовку различным феноменам человеческого существования. Автор считает, что между косной и живой материей нет принципиально непреодолимого разрыва,— и потому живые

Гравюра В. Шумилиной

организмы лучше всего описывать как неживую материю, достигшую особой, специфической организации.

Согласно некоторым версиям, человек имеет три тела: первое — плотное внешнее физическое; второе — латентно-эфирная субстанция; третье — духовная сущность. Все три вполне реальны, но имеют различную природу. После смерти человек освобождается от своей физической оболочки, но продолжает жить в эфирном теле, постепенно переселяясь в астральный, то есть запредельный, мир.

По мнению Л. Уотсона, рассказы о том, как над постелью умирающего поднимается похожее на призрак облако, можно считать достоверными. Услышанные из разных источников, они сходны во многих деталях. Туман поднимается над головой умершего, часто по спирали, затем же, приняв форму тела, повисает горизонтально, в двух футах от соматической системы (физического тела) и, наконец, рассеивается. Ясновидящие также упоминают о «спиралях энергии», покидающих тело умершего. В одном из сообщений утверждается, что эти спирали можно наблюдать в течение трех дней после клинической смерти.

Уотсон считает, что вторая система (эфирная оболочка) так же ограничена во времени, как и первая. Она ненадолго остается рядом с соматической системой и после клинической, и после абсолютной смерти, но постепенно исчезает, и тогда материя теряет жизнь... Возможно, вторая система сохраняется без изменений, но автор полагает, что понемногу она ослабевает и теряет присущую ей организацию.

Американский биолог предполагает существование и других систем, в которых жизнь продолжается после исчезновения физического и эфирного тела. Однако он склоняется к мысли, что «энергетический двойник», «флюидный дубликат», «астральное тело» (различные названия «второго тела») должны пройти тот же путь, что обыкновенная плоть. Иначе говоря, известные современной науке другие энергетические телесные системы тоже не вечны.

Многочисленные исследовательские эксперименты, огромный материал, накопленный экстрасенсами, дают основание полагать, что современная наука стоит на пороге важных открытий, связанных с феноменом жизни и смерти.

Медиумы утверждают, что астральное и физическое тела связаны между собой тонкой сверкающей серебристой нитью, которая идет от макушки физического тела к макушке эфирного двойника. Пока эта нить цела, астральное тело может вернуться. Почему же усилия воскресить человека не всегда приводят к успеху? Смерть, по мнению экстрасенсов, наступает только тогда, когда рвется серебристая нить...

Стоило ученым обратиться к этой идее, как обнаружились потрясающие факты. Оказалось, что древние знали об этом и оставили нам поразительные свидетельства своей осведомленности. Выходит, наши предки владели тайнами, на которые мы наталкиваемся в процессах аналитических размышлений и экспериментов. Физики, обосновывая новейшие космогонии, обращаются к древним тантрическим текстам. Психологи составляют карты духа, которые были давно известны мистикам. Реаниматоры читают как практическое пособие Тибетскую Книгу мертвых. Оказывается, метафоры и символы древних текстов содержат зашифрованную информацию о свойствах сознания. Астрономы убеждаются в том, что различные сферы Вселенной подчинены удивительной гармонии, на которую указывали древние...

Согласно древнеиндийским представлениям, человек многократно является на землю в новых телесных воплощениях и с новым предопределением; земная жизнь отражает состояние отчуждения, смерть же означает воссоединение, духовное освобождение и пробуждение. Колесо судьбы заставляет каждого нести тяготы нового воплощения до той поры, пока дух не достигнет совершенства. Для буддистов биологическое существование неразрывно связано со страданием, а цель и победа духа заключается в том, чтобы погасить огонь жизни и остановить колесо бытия — цепь повторных воплощений.

Неужели человек, испытав земной удел, уходит, чтобы вернуться вновь? Именно так считали Платон, Будда. Более того, древние учили опыту умирания и перевоплощения. В мифах обстоятельно описаны посмертные состояния сознания, места́, где обитают умершие. Индуизм, джайнизм, буддизм, тантризм рассматривали умирание как чрезвычайно значимый, имеющий глубинные последствия для нового воплощения процесс. В Тибетской Книге мертвых отмечается, что если человек знает, как правильно умирать, это отразится на его более благополучном последующем жизненном воплощении. Готовясь к смерти, человек должен сделать гораздо больше, нежели просто приобрести знания о процессе умирания. Он не только проходит через опыт символического угасания, но пытается проникнуть в природу человеческого сознания. Человек, воспитанный в упомянутых традициях, встречал смерть в кругу близких, получал поддержку и утешение от членов семьи, клана или племени, а иногда даже специальное руководство на различных стадиях действительного ухода из жизни.

Достоверны ли и в какой мере эти древние знания? Группа ученых — психиатров, психологов, нейрохирургов — среди которых Майкл Мерфи, Дик и Ричард Прайс, Станислав Гроф, Рик Тарнас и другие, в течение многих лет изучают в Эселенском институте в Калифорнии (США) тайны сознания и подсознания человека.

Психотерапевтические опыты, которые проводил С. Гроф, натолкнули его на интереснейшее открытие. Оказывается, в подсознании имеются некие кладовые памяти, которые не открывают своих сокровищ в обычном состоянии. Но в эксперименте, когда с помощью различных средств эти кладовые открываются, человек способен вспомнить всю свою жизнь, вызвать из глубин подсознания такие картины, которые никогда не проявлялись в активной памяти.

На психологических сеансах человек проходит через стадии агонии, смерти и повторного рождения. Причем психологическое столкновение со смертью бывает настолько убедительным и потрясающим, что этот опыт практически невозможно отличить от истинного биологического конца. После обретения такого символического опыта человек становится совершенно иным. Он резко меняет представле-

ние о самом себе и окружающем мире. Преображается присущая людям иерархия ценностей, исчезает чувство отчуждения. Напротив, возникает ощущение радости, безмятежности, психологического благополучия, появляется вкус к жизни.

По мнению Грофа, символы, возникающие в процессах умирания и последующего воскресения, легко обнаружить во многих культурах. В психологическом эксперименте человек легко вспоминает конкретные эпизоды из жизни предков, реальные картины прошлого. В его памяти оживают эпизоды древней религиозной практики, детали жизни далеких времен.

При терапевтических сеансах самоанализа возникает нечто вроде внутреннего радара. Память озаряется сильным эмоциональным импульсом. Тяжелые ощущения становятся столь интенсивными, что человек чувствует, как он перешел границы индивидуального страдания, испытывая общую боль группы людей — смертельно раненных солдат или, например, узников тюрьмы...

Откуда эти образы и что они означают? Можно предположить, что в данном случае активизируется коллективная память человечества, заключенная в глубинах подсознания. Изначальные врожденные психические прообразы, порождающие общезначимую символику сновидений, мифов, сказок и других порождений фантазии, К. Г. Юнг назвал архетипами. Подобные устойчивые образы и возникают на экране памяти у людей, переживающих опыт смерти.

Однако способно ли подсознание конкретного человека вынести на поверхность образы не только собственной, но и иной национальной культуры? Оказывается, да. В глубинах психики возникают образы, выходящие за пределы того или иного культурного ареала. Человек обращается к древним культурам Египта, Индии, Китая, Японии, Центральной Америки, Греции. Совершенно очевидно, что такая символика не может присутствовать в генетической памяти конкретного человека. Но в ходе эксперимента он воспринимает древние культуры не как чуждые.

Так ученые обнаружили способность человека «путешествовать» по зонам своей психики, вызывать из глубин подсознательные образы прожитой жизни. Он может обратить время вспять, вернуться к тайне своего рождения, дойти до истоков своего психического мира, первых его проявлений. Но это еще не все. Он способен вызвать в памяти картину собственного рождения и пережить эффект предшествующей смерти, которая предварила новое телесное воплощение.

Учеными собран уникальный материал о том, как люди вспоминают свои предшествующие жизни. Расскажем о некоторых поразительных происшествиях, ставших хрестоматийными.

В 1951 году индиец Мишра взял свою трехлетнюю дочь Сворнлату вместе с другими детьми в длительное путешествие. Когда они возвращались домой, Сворнлата неожиданно попросила шофера автобуса свернуть к «ее дому». Шофер, естественно, не придал значения ее просьбе, поскольку они находились далеко от родного очага. Позже, когда группа остановилась в Катни, чтобы выпить чаю, Сворнлата сказала, что ей было бы приятнее войти в свой дом и в знакомой обстановке посидеть за столом. Отец девочки удивился: ни он, ни другие члены семьи здесь никогда не жили. Сворнлата вела речь о своей «прежней жизни» в Катни в семье Патхаков.

Об этом эпизоде, может быть, и забыли бы, но через два года девочка стала исполнять не известные в ее местности песни и танцы. В 1959 году профессор Банерджи стал изучать этот казус. Он отправился в Катни, где познакомился с семьей Патхаков, чьей родственницей считала себя Сворнлата. Ученый обнаружил поразительное совпадение подробностей, о которых рассказывала ему девочка, с тем, что он увидел в доме.

По предложению профессора семья Патхаков поехала к родителям девочки. Сворнлата всех их явно узнавала, называла их по именам, вспоминала эпизоды из прошлого, в которые все они были посвящены. Все, что девочка рассказывала о себе, совпадало с жизнью Бийи из семьи Патхаков, которая умерла за восемь лет до рождения Сворнлаты. Предположение, что Сворнлата — это перевоплощенная Бийя, казалось очевидным.

Однако оставалась еще загадка. Бийя говорила на хинди и не знала бенгальского языка. Сворнлата же исполняла бенгальские песни и танцы. Объяснения так и не нашлось.

Другой случай относится к ксеноглоссии (способности человека понимать чужой язык, не изучая его обычным образом). В 1973 году Лидия Джонсон помогала своему мужу-врачу в проведении экспериментов по гипнозу. Она и сама легко впадала в транс. Гипнотизер внушил ей во время сеанса возврат во времени. И Лидия неожиданно вздрогнула и вскрикнула, схватившись за голову. Доктор немедленно прекратил опыт. Жена сказала, что ей привиделась река, в которой насильно топили

пожилых людей. Она чувствовала, что ее тоже хотят утопить, затем ощутила удар. Далее началось нечто неожиданное. Лидия начала говорить низким голосом, на каком-то неизвестном языке. Оказалось, что это шведский. На вопрос: «Как вас зовут?», она ответила: «Йенсен Йакоби». Во время последующих сеансов она подробно рассказывала о своей жизни и работе на ферме.

Экспериментаторы решили усложнить опыт. Перед ней разместили различные предметы и спрашивали о них. Будучи Йенсеном, Лидия узнала модель судна XVII века, правильно назвала его по-шведски. Она легко опознала два вида деревянной посуды, которые использовались три века назад для измерения объемов зерна, стрелу, лук, маковые зерна. Все говорило о том, что Лидия легко чувствует себя в роли шведского фермера, общается на языке, который не изучала.

Третий случай. Бишем Чанд, который родился в 1921 году в семье Гхуламов в г. Барейлли в Индии, примерно в полтора года стал задавать вопросы о городке Фильбхит (недалеко от Барейлли). В семье Гхуламов никто не бывал в этом городке. Но ребенок упорно рассказывал о своей жизни в Фильбхите. Он говорил, что его звали Лакшми Нарайн, что он был сыном богатого землевладельца, подробно описывал дом, в котором жил.

Необычные рассказы Бишема привлекли внимание прокурора из Барейлли. Он их записал и решил проверить. Оказалось, что действительно обстоятельства жизни Нарайна совпадали с рассказами Бишема. Описывая этот случай, американский исследователь Я. Стивенсон (он как раз и взял на себя труд осмыслить все эти случаи и сопоставить их) подчеркнул надежность записей этого случая.

Существует ли способ объяснить эти феномены без ссылки на перевоплощение? Иногда ученые предполагают, что названные случаи можно объяснить ясновидением. Однако ясновидение — универсальная способ-

ность, тогда как здесь некто воспринимает жизнь другого конкретного человека.

Существует другая версия, строящаяся на предположении, что люди обладают от рождения генетической памятью и воспоминания предков закодированы в психике. Однако в рассматриваемых примерах генетическая связь между человеком и его предками отсутствует. Наследуем ли мы память? Понятно, что если между конкретными лицами, о которых идет речь в опыте воспоминания, существовала бы даже отдаленная родственная связь, эта версия могла бы рассматриваться.

Видимо, можно говорить о коллективной памяти человечества, закодированной в конкретной психике? Но в таком случае надо объяснить, как определяется избирательность воспоминаний. В ходе эксперимента, как видим, человек вспоминает конкретную судьбу и говорит только об одном воплощении — собственном. В отношении других человеческих судеб и ситуаций память не обнаруживает такой полной погруженности.

Многие поколения верили в перевоплощение. Даже на дохристианском Западе это верование было распространено. Пифагорейцы, как и ранние греческие философы, были убеждены, что люди многократно приходят на эту землю. Для пифагорейцев это было предметом религиозной, а для Платона — философской веры. Платон считал, что люди обладают определенными знаниями, которые они не могли получить обычным путем, опираясь на органы чувств. Его выводы оспаривались на протяжении многих веков. В XVI веке философы спорили о том, верить ли в доктрину о врожденных идеях (а значит, и в идею перевоплощения) или полагать человеческое знание результатом разума. Декарт, Лейбниц и Спиноза склонялись к первой точке зрения, Локк, Беркли и Юм — ко второй. Однако сведения, которые накоплены за последние десятилетия нашего века, в прежних историко-философских дискуссиях, естественно, не фигурировали.

Современная наука всерьез отнеслась к проблеме перевоплощения. Понятно, что накопленного материала мало. Процесс перевоплощения невозможно реально зафиксировать на уровне лабораторного эксперимента. Но с другой стороны, собранная информация нуждается в анализе всех версий научными методами.

Тайны бытия и смерти могут быть разгаданы. Пора объединить усилия специалистов разных профилей для осмысления тех загадок, которые поставлены в этой области перед современной наукой.

ДУША ПОСЛЕ СМЕРТИ

Так называется книга иеромонаха Серафима Роуза, вышедшая в 1982 году. Этот труд — ответ православного богослова на захлестнувший западный мир поток новых, сенсационных сведений о том, что происходит с человеком, когда он умирает.

В 60-е и 70-е годы нашего столетия западная цивилизация претерпела поистине революционные изменения сразу в нескольких областях жизни. Если переворот в информатике и технологии укрепил массовое материалистическое сознание, то феноменальные успехи в реанимации привлекли внимание к человеческой душе. Конечно, весь XX век был на Западе отмечен исключительным вниманием к психике, но она обычно рассматривалась исключительно как функция тела, результат материальных процессов в организме. Однако теперь о душе заговорили как о реальности, существующей независимо от тела и сохраняющейся после его смерти. Причем заговорили об этом именно на том языке, какой только и мог внушить доверие человеку XX века — на языке фактов.

Запрет с этой темы в среде медиков-профессионалов был снят публикацией книги доктора Элизабет Кублер-Росс «О смерти и умирании» (1969). Научная добросовестность, проповедь гуманного отношения к умирающим, смелость в трактовке вопроса создали ей такой авторитет, что многие последующие публикации на эту тему сопровождались ее предисловиями и комментариями. А публикаций последовало немало. Вот основные из этих трудов, названия которых говорят сами за себя: Дж. Мейерс «Голоса на краю вечности» (1973), Осис и Харальдсон «В час смерти» (1976), Раймонд Моуди «Жизнь после жизни» (1976), «Размышления о смерти после смерти» (1983), Мальц Бетти «Мои впечатления о вечности» (1977), Э. Кублер-Росс «Смерть не существует» (1977), Д. Р. Уиклер «Путешествие по ту сторону» (1977), М. Роллингс «Перед дверью смерти» (1978), Тим Хэй «Жизнь после жизни» (1980), Майкл Сабом «Призывы смерти» (1983).

Наибольшую мировую известность приобрела книга Р. Моуди «Жизнь после жизни» : она разошлась тиражом более двух миллионов. В нашей стране она стала известной в конце 70-х годов благодаря «самиздату» (в переводе кандидата биологических наук Александра Борисова, ныне священника и депутата Моссовета).

Распространение новых сведений о том, что ждет человека после смерти, было подобно взрыву.

Какими могут быть последствия этих новых знаний для будущего нашей цивилизации? Так, австралийский медик П. Калиновский, к примеру, оценивает все вполне оптимистически: «Для широких масс современных людей эти открытия настолько неожиданны и огромны, что для понимания и усвоения их значения потребуется время. Вероятно, должны смениться два или три поколения. Но новое знание обязательно охватит весь мир. На смену мертвому материализму идет иное, более полное и светлое понимание мира и судеб каждого человека. Раз смерть не конец, то смысл жизни на земле будет восприниматься мной по-иному, независимо от моей воли, даже

если я буду стараться не думать об этом. Образ жизни на нашей планете начнет меняться. Люди станут более ответственными, будут с большим вниманием относиться к самим себе и другим, и это сделает наше существование здесь чище и лучше» («Переход. Последняя болезнь, смерть и после». 1989).

Новые открытия, изложенные в перечисленных трудах, поставили ряд серьезных проблем не только перед материалистической наукой, но и перед традиционными религиями. Ни для одной из них, разумеется, тема смерти не была новой, однако теперь возникал неожиданный ее поворот.

В западном христианском обществе, в особенности в протестантских кругах, тема смерти считалась как бы не совсем приличной, мысли о посмертном существовании отбрасывались, как принадлежащие к области предрассудков или нездоровой фантазии.

Не удивительно поэтому, что новые сведения о посмертном существовании были подхвачены прежде всего спиритическими и оккультными учениями, внесшими в проблему такие религиозные и моральные акценты, которые были неприемлемы для традиционного христианства.

Ответом на брошенный христианству вызов послужила книга Серафима Роуза «Душа после смерти», опубликованная в год его смерти от внезапной болезни (1982). Именно этот американец, выходец из протестантской семьи, принявший православие со всем максимализмом новообращенного, оказался наиболее подготовленным к исполнению такой задачи. Этот человек, до того, как пришел к православию, осваивал различные религии со свойственной ему основательностью. Иудаизм он изучал на иврите, конфуцианство — на древнекитайском, индуизм — на санскрите и хинди, был хорошо знаком с буддизмом и шинтоизмом. Сделавшись православным христианином, в совершенстве научился русскому и церковно-славянскому, стал крупным знатоком богословской литературы. Духовные знания стремился освоить на личном опыте: в свое время занимался йогой, магией и спиритизмом. Поэтому, когда пришло время говорить и писать об этих предметах с позиций православия, он хорошо знал, о чем говорит.

Монастырь братства преподобного Германа Аляскинского, в котором Роуз принял монашеский постриг, был основан при его активном участии в глухом уголке северной Калифорнии. Почти вся братия состояла из обращенных в православие американцев. Несмотря на отсутствие электричества, ручным типографским способом издавался журнал и религиозные книги. В этом монастыре и был написан, а затем издан главный труд Серафима Роуза, с которым мы знакомим читателей.

Отец Серафим принадлежал к редкой ныне породе подвижников. Жил он в уединенной келье размером 2,5 на 3,5 метра, экономя скудные монастырские средства, 15 лет обходился без помощи врача. Проникнутый предчувствием , надвигающейся апокалиптической эпохи, выражал это в одной емкой фразе: «Сейчас уже позже, чем вам кажется».

Его оценка новых знаний о душе человека далеко не столь оптимистична, как у австралийца П. Калиновского. Опираясь на многовековой церковный опыт, Серафим Роуз предостерегает от грозных опасностей, ожидающих того, кто пускается в посмертный путь без необходимой нравственной и духовной подготовки.

Но предоставим слово самому Роузу. Из текста его книги мы опубликуем два фрагмента. В этом номере — первая публикация.

Иеромонах Серафим Роуз

Согласно рассказам, первое, что происходит с умершим,— это то, что он выходит из тела и существует совершенно отдельно от него. Он часто способен видеть все окружающее, включая собственное мертвое тело и попытки его оживления; он ощущает, что находится в состоянии безболезненной теплоты и легкости, как если бы он «плавал»; он совершенно не в состоянии воздействовать на свое окружение речью или прикосновением, и поэтому часто ощущает большое «одиночество»; его мыслительные процессы обычно становятся намного быстрее, чем когда он был в теле.

Православного христианина ничто тут не должно удивлять, ибо описанный здесь опыт — это то, что христианам известно, как отделение души от тела в момент смерти. Для нашего времени безверия характерно, что люди редко прибегают к христианскому словарю или осознают, что это их душа отделилась от тела и теперь переживает все это; обычно они просто бывают озадачены тем состоянием, в котором оказываются.

В раннехристианской литературе состояние души в первые минуты после смерти с такими подробностями не описывается, упор там делается всегда на более сильные переживания, которые наступают позже. Вероятно, только в наше время, когда отождествление «жизни» с «жизнью в теле» стало столь полным и убедительным, можно было бы ожидать, чтобы такое большое внимание уделялось и нескольким первым минутам, когда ожидание современного человека столь полно

переворачивается вверх тормашками: смерть не есть конец, жизнь продолжается, душе открывается совершенно новое состояние!

После смерти душа очень недолго остается в первоначальном состоянии одиночества. Д-р Моуди приводит несколько случаев, когда даже перед смертью люди внезапно видели уже умерших родственников и друзей.

Этот опыт встречи с умершими друзьями и родственниками в момент смерти ни в коем случае не является новым открытием, даже среди современных ученых.

Эти открытия, конечно, довольно поразительны, если их рассматривать на фоне агностицизма и безверия, которые уже давно характерны для современной науки. Для православного христианина, с другой стороны, в них нет ничего удивительного; мы знаем, что смерть есть лишь переход от одной формы существования к другой, и мы знакомы с многочисленными явлениями и видениями умирающим — и святым, и обыкновенным грешникам. Св. Григорий Великий (Двоеслов), описывая в своих «Собеседованиях» многие из этих опытов, так объясняет встречу с другими: «Часто бывает, что на пороге смерти душа узнает тех, с кем ей предстоит делить вечную обитель за равную вину или в равное вознаграждение».

«Встреча с другими» обычно происходит непосредственно перед смертью, но ее не следует путать с другой встречей, которую мы теперь хотим описать, встречей со «светящимся существом».

Эту встречу д-р Моуди описывает как «возможно самый невероятный из всех элементов в изученных мною сообщениях, который оказывает самое глубокое воздействие на личность» («Жизнь после жизни»). Большинство людей описывает это переживание как появление света, который быстро увеличивался в яркости; и все опознают его как некую личность, наполненную теплотой и любовью, к которой умерший влечется чем-то вроде магнитного притяжения. Отождествление этого существа, по-видимому, зависит от религиозных воззрений личности — само оно не имеет узнаваемой формы. Некоторые называют его «Христом», другие — «ангелом»; все, по-видимому, понимают, что это существо, посланное откуда-то, чтобы сопутствовать им.

Почти всегда это существо начинает общаться с только что умершим, больше посредством «передачи мыслей», чем словами; оно всегда говорит ему одно и то же, что понимается теми, кто это пережил, как «Готов ли ты умереть?» или «Что ты сделал в своей жизни такого, что мог показать мне?» Иногда, в связи с этим существом, умирающий видит что-то вроде «обратного кадра» о событиях своей жизни. Однако все подчеркивают, что это существо ни в коем случае не произносит какого-либо «суда» об их прошедшей жизни или поступках; оно просто пробуждает их подумать над своей жизнью.

Д-ра Осис и Харальдсон также отмечают в своих исследованиях некоторые встречи с таким существом, замечая, что видение света является «типичным» качеством потусторонних посетителей и предпочитая вслед за д-ром Моуди называть существа, видимые или ощущаемые в этом свете, просто так «светлые фигуры», а не как духовные существа или божества, как часто их воспринимают умирающие.

Кто или что это за «светящиеся существа»?

Многие называют эти существа «ангелами» и указывают на их положительные качества: они «светлые», полны «любви и понимания» и внушают мысль об «ответственности» за свою жизнь. Но ангелы, известные православному христианскому опыту, намного более определенны и по внешности, и по функциям, чем эти «светящиеся существа».

В кн. Даниила (гл. 10) мы читаем, что даже при первом своем ослепительном появлении ангел имел человеческий облик, но только такой яркий («лицо его — как вид молнии; очи его — как горящие светильники, руки его и ноги его по виду — как блестящая медь»), что он был невыносим для человеческих глаз. Следовательно, внешность ангела такая же, как и у человека, но поскольку ангельское «тело» нематериально и само лицезрение его огненного сияющего явления может ошеломить любого человека, все еще пребывающего во плоти, явления ангелов, по необходимости, должны быть приспособлены к взирающим на них людям, представляясь менее сияющими и внушающими страх, чем это есть на самом деле.

Если точное определение ангельской природы известно одному Богу, то понимание деятельности ангелов (по крайней мере, в этом мире) доступно каждому, ибо об этом имеется масса свидетельств как в Писании и святоотеческой литературе, так и в житиях святых. Чтобы полностью понять явления, которые бывают умирающим, мы, в частности, должны знать, как являются падшие ангелы (бесы). Настоящие ангелы всегда являются в своем собственном виде (только менее ослепительном, чем на самом деле) и действуют только для того, чтобы выполнить волю и повеления Бога. Падшие же ангелы, хотя иногда и являются в своем собственном виде (св. Серафим Саровский по собственному опыту описывает его как «гнусный»), но обычно принимают разный облик и творят многие «чудеса» властью, которую они получают в подчинении «князю, господствующему в воздухе» (Еф. 2:2). Их постоянное место пребывания — воздух, а основное дело — соблазнять или запугивать людей и таким образом влечь их за собой к погибели. Именно против них и идет борьба христианина: «наша брань не против крови и плоти, но против начальств, против властей, против мироправителей тьмы века сего, против духов злобы поднебесных» (Еф. 6:12).

Блаженный Августин в своем малоизвестном трактате «Определение бесов», написанном в ответ на просьбу объяснить некоторые из многочисленных бесовских явлений в древнем языческом мире, дает хорошее общее представление о делах бесов:

«Природа бесов такова, что через свойственное воздушному телу чувственное восприятие они намного превосходят то восприятие, которым обладают тела земные, а также и по быстроте, благодаря лучшей подвижности воздушного тела, они несравненно превосходят не только движение людей и животных, но даже и полет птиц. Одаренные этими двумя способностями, в той мере, в какой они являются свойствами воздушного тела, а именно остротой восприятия и быстротой движения, они предсказывают и сообщают о многих вещах, о которых они узнали намного раньше. А люди удивляются этому из-за медлительности земного восприятия. Бесы к тому же за свою долгую жизнь накопили намного больший опыт в разных событиях, чем достается людям за короткий отрезок их жизни. Посредством этих свойств, которые присущи природе воздушного тела, бесы не только предсказывают многие события, но также совершают многие чудесные деяния».

Обязанность ангелов — сопровождать душу умершего на его пути в загробную жизнь. Ни в их виде, ни в их поступках нет ничего неопределенного — имея человеческий облик, они твердо охватывают «тонкое тело» души и уводят его.

Нельзя утверждать, что «светящееся существо» из современных случаев, которое не имеет видимой формы, никуда не провожает душу, которое втягивает душу в разговор и показывает ей «обратные кадры» ее прошлой жизни, есть ангел, сопровождающий в загробную жизнь. Не всякое существо, появляющееся как ангел, действительно есть ангел, «потому что сам сатана принимает вид Ангела света» (2 Кор. 11:14). И поэтому о существах, которые и вида-то ангелов не имеют, можно с уверенностью сказать, что это

не ангелы. По причине, которую мы постараемся объяснить ниже, в современных «посмертных» опытах по-видимому никогда не бывает несомненных встреч с ангелами.

Тогда не может ли быть так, чтобы на самом деле «светящееся существо» было бесом, маскирующимся под «ангела света», чтобы искушать умирающего, когда душа его покидает тело? Д-р Моуди («Жизнь после жизни», «Размышления») и другие исследователи действительно ставят этот вопрос, но лишь для того, чтобы отвергнуть эту возможность в связи с «хорошим» действием, которое производит это явление на умирающего. Разумеется, взгляды этих исследователей на «зло» наивны до предела. Д-р Моуди полагает, что «сатана, по-видимому, велит слугам следовать путем ненависти и разрушения» («Жизнь после жизни») и, похоже, совершенно незнаком с христианской литературой, описывающей настоящую природу бесовских искушений, которые неизменно представляются их жертвам как нечто «хорошее».

Один классический труд по спиритизму (Дж. Артур Хилл, «Спиритизм. Его история, явления и учение». Нью-Йорк, 1919), указывает, что «спиритическое учение всегда или практически всегда согласуется с высокими моральными нормами; в отношении веры оно всегда теистическое, всегда почтительно, но не слишком-то интересуется такими интеллектуальными тонкостями, которые интересовали отцов церковных соборов». Затем в книге отмечается, что «ключом» и «центральной доктриной» спиритического учения является любовь, что от духов спириты получают «славное знание», которое обязывает их вести миссионерскую работу по распространению «знания о том, что жизнь после смерти действительно есть» и что «совершенные» духи теряют «ограничения» личности и становятся более «влиятельными», чем личность, все более и более наполняясь «светом». Действительно, в своих гимнах спириты буквально призывают «светящиеся существа».

Служители света блаженные,
От смертных очей сокровенные...

Всего этого достаточно, чтобы усомниться в «светящемся существе», которое сейчас появляется людям, ничего не знающим о природе и коварстве бесовских ухищрений. Наша подозрительность только увеличивается, когда мы слышим от д-ра Моуди, что некоторые описывают это существо как «забавную личность» с «чувством юмора», которая «развлекает» и «забавляет» умирающего («Жизнь после жизни»). Подобное существо с его «любовью и пониманием» на самом деле удивительно похоже на тривиальных и часто добродушных «духов» на сеансах, которые, без всякого сомнения, являются бесами (если сами сеансы не жульничество).

Нам следует быть (по крайней мере) очень осторожными со «светлыми существами», которые как будто появляются в момент смерти. Очень уж они похожи на бесов, представляющихся «ангелами света», чтобы соблазнить не только самого умирающего, но и тех, кому он впоследствии расскажет свою историю, если будет возвращен к жизни (о возможности чего, конечно, бесы хорошо осведомлены).

Однако в конечном счете наше суждение об этом и других «посмертных» явлениях должно основываться на учении, которое вытекает из них,— будь оно или дано каким-то «духовным существом», увиденным в момент смерти, или просто подразумевается или выводится из этих явлений.

Некоторые из «умерших» и возвращенных к жизни — обычно те, кто были или стали очень «религиозными» — отождествляли встреченное «светящееся существо» не с ангелами, а с невидимым присутствием самого Христа. У этих людей этот опыт часто связан с другим явлением, которое для православных христиан является, возможно, самым загадочным на первый взгляд явлением, встречаемым в современных посмертных переживаниях — видением «рая».

Можно дать предварительную оценку столь распространенным сейчас видениям Неба: большинство, а, может быть, и все из этих случаев почти ничего общего не имеют с христианским видением Неба. Это не духовные, а мирские видения. Они столь быстрые, так легко получаются, столь одинаковые, земные в своей образности, что не может быть никакого серьезного сравнения между ними и подлинными христианскими видениями Неба в прошлом. Даже самый «духовный» момент в некоторых из них — ощущение «присутствия» Христа — еще раз говорит о духовной незрелости тех, кто это испытывает, более чем о чем-либо другом. Новейшие опыты вызывают чувство, близкое к «комфорту» и «миру» современных спиритических и пятидесятнических движений, а не глубокое благоговение, страх Божий и покаяние, которое вызывало у христианских святых подлинное ощущение присутствия Божия, образцом чего является случай с ап. Павлом на дороге в Дамаск (Деян. 9:3—9).

Душа, облеченная в тело, закрытая и отделенная им от мира духов, постепенно образует себя изучением закона Божия или, что то же,— изучением христианства, и стяжает способность

различать добро от зла. Тогда даруется ей духовное видение духов и, если то окажется сообразным с целями руководствующего ею Бога, чувственное, так как обман и обольщение для нее уже гораздо менее опасны, а опытность и знание полезны. При разлучении души и тела видимою смертию мы снова вступаем в разряд и общество духов. Именно для этого образования и предоставлено нам некоторое время, определяемое каждому человеку Богом для странствования по земле. Это странствие называется земной жизнью.

Владыка Игнатий (Брянчанинов) извлекает из рассуждения св. Антония в его житии, написанном св. Афанасием, практические советы для христианских подвижников о том, как вести себя в отношении чувственного восприятия духов, если таковое кому приключится. Они имеют огромное значение для всех желающих вести истинно духовную христианскую жизнь в наши дни, когда чувственное восприятие духов стало куда более распространенным, чем ранее. Св. Антоний учит:

«И следующее нужно знать вам для вашей безопасности. Когда представится какое-либо видение, не допусти себе испуга, но каково бы ни было это видение, мужественно спроси его во-первых: кто ты и откуда? Если это будет явление святых, то они успокоят тебя, и страх твой обратят в радость. Если же явление — диавольское, то оно, встретив в душе твердость, немедленно придет в колебание: потому что вопрос «кто ты и откуда» служит признаком неустрашимой души. Сделав такой вопрос, Иисус Навин (Нав. 5:13) удостоверился в истине, а от

Даниила не скрылся враг (Дан. 10:20)».

В заключение еп. Игнатий учит: «Единственный правильный вход в мир духов — христианское подвижничество. Единственный правильный вход к чувственному видению духов — христианское преуспеяние и совершенство.

В свое время, назначаемое единым Богом и известное одному Богу, мы непременно вступим в мир духов. Недалеко от каждого из нас то время! Всеблагий Бог да дарует нам так провести земную жизнь, чтоб мы еще во время ее расторгли общение с духами падшими, вступили в общение с духами святыми, чтоб мы, на этом основании, совлекшись тела, были причислены к святым духам, а не к духам отверженным».

Тот, кто знаком с православным учением, не может не взирать с изумлением и ужасом на легкость, с которой современные «христиане» доверяют видениям и явлениям, становящимся сейчас все более распространенными. Причина этой доверчивости ясна: римо-католицизм и протестантизм, уже многие века оторванные от православного учения и практики духовной жизни, потеряли всякую способность к ясному различию в царстве духов. Им стало совершенно чуждо самое существенное христианское свойство — недоверие к собственным «добрым» мыслям и чувствам. В результате «духовные» опыты и явления духов стали сегодня, возможно, более распространенными, чем в любое другое время христианской эры, а легковерное человечество готово к принятию теории «нового века» духовных чудес или «новому излиянию Духа Святаго», чтобы объяснить этот факт. Человечество настолько духовно обнищало, считая себя «христианским» даже тогда, когда оно готовится к веку бесовских «чудес», что это является знамением последних времен (Апок. 16:14).

Следует добавить, что и сами православные христиане, теоретически обладающие истинным христианским учением, редко осознают это и зачастую столь же легко поддаются обману, как и неправославные.

Те, кто описывает сейчас свои «посмертные» опыты, показывают, что они так же доверяют своему опыту, как и любой сбитый с толку человек в прошлом; во всей современной литературе по этому вопросу имеется чрезвычайно мало случаев, когда серьезно задаются вопросом, не могла ли хотя бы часть пережитого быть от дьявола.

В этом падшем мире местом обитания бесов, местом, где души новопреставленных встречаются с ними, является воздух. Владыка Игнатий далее описывает это царство, которое надо ясно понимать, чтобы можно было вполне уяснить современные «посмертные» опыты.

Слово Божие и содействующий слову Дух открывает нам, при посредстве избранных сосудов своих, что пространство между небом и землею, вся видимая нами лазоревая бездна воздухов, поднебесная, служит жилищем для падших ангелов, низвергнутых с неба...

Святой апостол Павел называет падших ангелов духами злобы поднебесными (Еф. 6:12), а главу их — князем власти воздушной (Еф. 2:2). Падшие ангелы рассеяны во множестве по всей прозрачной бездне, которую мы видим над собой. Они не перестают возмущать все общества человеческие и каждого человека порознь; нет злодеяния, нет преступления, которого бы они не были зачинщиками и участниками; они склоняют и научают человека греху всевозможными средствами.

Супостат ваш диавол, говорит святой апостол Петр, «яко лев рыкая ходит, иский кого поглотити» (I Петр. 5:8) и во время земной жизни нашей, и по разлучении души с телом. Когда душа христианина, оставив свою земную храмину, начнет стремиться через воздушное пространство в горнее отечество, демоны останавливают ее, стараются найти в ней сродство с собою, свою греховность, свое падение, и низвести ее во ад, «уготованный диаволу и аггелам его» (Мф. 25:41). Так действуют они по праву, приобретенному ими (еп. Игнатий. Собр. соч. Т. III. С. 132—133).

После падения Адама, продолжает еп. Игнатий, когда рай был закрыт для человека и херувим с огненным мечом был поставлен охранять его (Быт. 3:24), глава падших ангелов — сатана — вместе с ордами подчиненных ему духов, «стал на пути от земли к раю, и с того времени до спасительного страдания и животворной смерти Христовой не пропустил по пути тому ни одной души человеческой, разлучившейся с телом. Врата небесные заключились для человека навсегда. И праведники, и грешники нисходили во ад.

Врата вечные и пути непроходимые открылись только пред Господом нашим Иисусом Христом» (с. 134—135). После нашего искупления Иисусом Христом все, явно отвергшие Искупителя, отселе составляют достояние сатаны; души их, по разлучении с телами, нисходят прямо во ад. Но и христиане, уклоняющиеся ко греху, недостойны немедленного переселения из земной жизни в блаженную вечность. Самая справедливость требует, чтобы эти уклонения ко греху христианской души, эти измены Искупителю были взвешены и оценены. Необходимы суд и разбор, чтобы определить степень уклонения ко греху христианской души, чтобы определить, что преобладает в ней — вечная жизнь или вечная смерть. И ожидает каждую христианскую душу, по исшествии ее из тела, нелицеприятный суд Божий, как сказал святый апостол Павел: лежит человеком единою умрети, потом же суд (Евр. 9:27).

Для истязания душ, проходящих воздушное пространство, установлены темными властями отдельные судилища и страхи в замечательном порядке. По слоям поднебесной, от земли до самого неба, стоят сторожевые полки падших духов. Каждое отделение заведует особенным видом греха, и истязывает в нем душу, когда душа достигнет этого отделения. Воздушные бесовские страхи и судилища называются в Отеческих Писаниях мытарствами, а духи, служащие в них,— мытарями» (с. 136).

Возможно, ни один аспект православной эсхатологии не был столь неправильно понимаем, как воздушные мытарства. Многие выпускники современных модернистских православных семинарий склонны вообще целиком отвергать это явление как некое «позднее добавление» к православному учению или как «вымышленное» царство, не имеющее под собой основания в Священном Писании, или святоотческих текстах, или духовной реальности. Эти студенты являются жертвами рационалистического образования, которому не хватает тонкого понимания как различных уровней той реальности, которая часто описывается в православных текстах, так и различных смысловых уровней, часто встречающихся в библейских и святоотеческих текстах. Современный рационалистический чрезмерный упор на «буквальное» значение текстов и «реалистическое», или приземленное, понимание событий, описываемых в Священном Писании и житиях святых, замутняют или даже вообще полностью затемняют духовный смысл и духовный опыт, которые служат зачастую основными православными источниками. Поэтому Владыка Игнатий, который, с одной стороны, был утонченным современным интеллектуалом, а с другой — истинным и истым сыном Церкви, может служить хорошим посредником, с помощью которого православные интеллектуалы могли бы найти пути возврата к истинному православному преданию.

Ко всем столкновениям с потусторонним миром мы должны подходить осторожно и трезво. Никто, знакомый с православным учением, не скажет,— мытарства не являются «реальными», что на самом деле душа после смерти

нх не проходит. Но мы должны иметь в виду, что это нмеет место не в нашем грубом материальном мире, что, хотя там и нмеются время н пространство, они в корне отличаются от наших земных представленнй, н что на нашем земном языке рассказы ннкогда не смогут передать потусторонней реальности. Всякому, хорошо знакомому с православной литературой, обычно будет ясно, как отличить описываемую там духовную реальность от привходящих подробностей, которые иногда могут быть выражеиы на символнческом нли образном языке. Таким образом, конечно, не существует видимых «домов» илн будок: в воздухе, где собирают «подати», а где упоминаются «свитки» или письменные приборы, которымн записываются грехи, нли «весы», на которых взвешнваются добродетелн, илн «золото», которым уплачиваются «долги» — во всех этих случаях мы можем правильно понимать эти образы как средства фигуральные или пояснительные, используемые для выражения духовной реальности, с которой душа сталкивается в этот момент. Видит лн действнтельно душа тогда эти образы, благодаря постоянной привычке видеть духовную реальность в телесной форме, или же позднее может вспомнить пережнтое только посредством таких образов, или просто не может выразить пережитое иначе — все это весьма вторичный вопрос, который, по-вндимому, для святых Отцов и описателей жнтий святых, где повествуется о подобных случаях, не представлялся существенным. Важно другое — что существует истязание бесами, которые появляются в страшном, но человеческом виде, обвиняют новопреставленного в грехах и буквально пытаются схватнть его тонкое тело, которое крепко держат ангелы; и все это происходит в воздухе над намн н может быть увидено теми, чьн глаза открыты для духовной реальности.

Самое глубокое изложение учения о воздушных мытарствах среди ранних Отцов Церквн можно найти в «Слове о исходе души» св. Кнрилла Александрийского (ум. 444), которое всегда включалось в нзданни славянской Следованной Псалтири, то есть псалтири, приспособленной для использования на богослуженни.

Многие другие святые отцы и до, и после святого Кнрилла говорят о мытарствах или упоминают о них. «Такое непрерывное, всегдашнее и повсеместное употребление в Церкви учения о мытарствах, особенно же между учителями четвертого века, непрнкасаемо свндетельствует, что оно передано им от учителей предшествовавших веков и основывается на предании апостольском» (митрополит Московский Макарий, «Православно-догматическое богословие», т. 2, с. 535).

Успение пресвятой богородицы. Икона XVI в. Новгород

Православные жития святых содержат многочисленные и подчас очень жнвые рассказы о том, как душа после смертн проходит через мытарства. Самое подробное описание можно найтн в житии св. Василия Нового (марта 26), где приводится рассказ блаженной Феодоры ученику святого, Грнгорию, о том, как она проходила через мытарства. В этом рассказе упоминаются двадцать особых мытарств и сообщается, какие грехи проверяются на ннх. Он не содержит ничего существенного, что бы нельзя было найти в других православных источниках о мытарствах.

Исследователи современного «посмертного» опыта почти неизменно обращаются за пояснением этих случаев к той форме литературы, которая утверждает, что основана на опыте «выхода из тела» — оккультной литературе с древнейших времен от египтян и тибетской «Книги мертвых» и вплоть до оккультных учителей и экспериментаторов наших дней. С другой стороны, едва ли кто из этих учителей обращает серьезное внимание на православное учение о жизни н смертн илн на библейские н святоотеческие источники, на которых оно основано. Почему же так?

Причина очень проста: христианское учение идет от Божьего откровения человеку о судьбе души после смерти и делает упор, главным образом, на конечное состояние души на Небе или в аду. Хотя и существует обширная христианская литература, описывающая, что происходит с душой после смертн, и основывающаяся на полученной из первых рук информации о посмертном опыте илн выходе из тела, как показано в предыдущей главе о мытарствах, эта литература

определенно занимает вторичное место в сравнении с основным христианским учением о конечном состоянии души. Литература, основанная на христианском опыте, полезна, главным образом, для уяснения и более наглядного представления важнейших моментов христианского учения.

В оккультной же литературе положение как раз противоположное — основной упор делается на «внетелесный» опыт души, а конечное ее состояние оставляется обычно в неопределенности или представляется личными мнениями и догадками, предположительно основанными на этом опыте. Современные исследователи намного более склонны к этому опыту оккультных писателей, который представляется хоть в какой-то степени пригодным для «научного» исследования, чем к учению христианства которое требует участия веры и доверия, а также ведения духовной жизни в соответствии с этим учением.

Тибетская «Книга мертвых» — это буддистская книга VIII века, которая, возможно, содержит добуддистское предание куда более раннего времени. Ее тибетское название «Освобождение путем слушания на посмертной плоскости», а ее английский издатель описывает ее как «мистическое наставление для руководства в потустороннем мире многих иллюзий и сфер». Ее читают у тела усопшего для пользы его души, потому что, как говорит сам текст, «в момент смерти происходят различные обманчивые иллюзии». На последующих стадиях 49-дневных «посмертных» испытаний, описанных в книге, имеются видения как «мирных», так и «злобных» божеств, все из которых, согласно буддийскому учению, рассматриваются как иллюзорные. (Ниже при рассмотрении природы этой сферы мы обсудим, почему эти видения, действительно, большей частью иллюзорны.) Конец всего этого процесса — окончательное впадение души в «перевоплощение» (также будет рассмотрено ниже), рассматриваемое буддийским учением как зло, которого можно избежать с помощью буддийской подготовки. К. Юнг в своем Психологическом Комментарии к книге находит, что эти видения очень похожи на описания загробного мира в спиритической литературе современного Запада — и те, и другие оставляют неприятное впечатление из-за крайней пустоты и банальности сообщений из «мира духов».

Между тибетской «Книгой мертвых» и современными опытами в двух отношениях имеется удивительное сходство, что и объясняет интерес к ней д-ра Моуди и других исследователей. Первое, описанное там впечатление от нахождения «вне тела» в первые моменты смерти, в сущности, те же, что и в современных случаях (а также в православной литературе): душа умершего является как «сияющее иллюзорное тело», которое видимо другим существам той же природы, но не людям во плоти; поначалу она не знает жива ли или мертва; она видит людей вокруг тела, слышит стенания скорбящих и имеет все способности чувственного восприятия; движения ее ничем не стеснены и она может проходить через твердые тела. Второе, «в момент смерти видим первичный свет», который немало исследователей отождествляют со «светящимся существом», описываемым в настоящее время.

Нет оснований сомневаться, что описываемое в тибетской «Книге мертвых» основано на «внетелесном» опыте; но ниже мы увидим, что настоящее посмертное состояние является только одним из этих случаев, и мы должны предупредить, что нельзя принимать любой «внетелесный» опыт как откровение о том, что действительно происходит после смерти. Опыт западных медиумов также может быть подлинным, но они, несомненно, не передают настоящих сообщений об умерших, как они это утверждают.

Есть некоторое сходство между тибетской «Книгой мертвых» и куда более древней египетской «Книгой мертвых». Последняя описывает, как после смерти душа проходит многие изменения и встречается со многими «богами». Однако живая традиция толкования этой книги отсутствует, а без этого современный читатель может лишь догадываться о значении некоторых из этих символов. Согласно этой книге, умерший поочередно принимает вид ласточки, золотого сокола, змеи с человеческими ногами, крокодила, цапли, цветка лотоса и т. д. и встречается с разными «богами» и потусторонними существами (четыре священные обезьяны, богиня-бегемот, разные боги с головами собак, шакалов, обезьян, птиц и т. д.).

Описываемый в этой книге изощренный и путаный опыт «загробного» царства резко отличается от ясности и простоты христианского опыта. Хотя эта книга, возможно, тоже основывается на подлинном опыте выхода из тела, она, подобно тибетской «Книге мертвых», полна иллюзорных видений, и, несомненно, не может быть использована как действительное описание состояния души после смерти.

Другой из оккультных текстов, который изучается современными исследователями, дает больше надежд на то, чтобы быть понятым, ибо он относится к новому времени, является чисто западным по образу мышления и претендует на то, чтобы быть христианским. Писания шведского мистика Эмануэля Сведенборга (1688—1772) описывают потусторонние видения, которые стали являться ему в середине жизни. До того, как начались эти видения, он был типичным европейским интеллектуалом XVIII века: свободно владеющий многими языками, ученый, исследователь, изобретатель, человек, принимающий активное участие в общественной жизни в качестве асессора Шведской горной коллегии и члена высшей Палаты парламента — короче, «универсальный человек» раннего периода развития науки, когда одному человеку было еще под силу овладеть почти всем современным знанием. Он написал около 150 научных трудов, некоторые из них (например, четырехтомный анатомический трактат «Мозг») намного опередили свое время.

Затем на 56-м году жизни он обратил свое внимание на невидимый мир и за последние 25 лет жизни создал огромное количество религиозных произведений, описывающих небо, ад, ангелов и духов — и все это на основании своего собственного опыта.

Его описания невидимых сфер разочаровывающе приземлены; в общем же они согласуются с описаниями, которые можно найти в большей части оккультной литературы. Когда человек умирает, то, согласно рассказу Сведенборга, он входит в «мир духов», находящийся на полпути между Небесами и адом. Этот мир, хотя он духовный и нематериальный, настолько похож на материальную реальность, что сначала человек не осознает, что он умер; его «тело» и чувства такого же типа, как и на земле. В момент смерти наблюдается видение света — чего-то яркого и туманного,— и имеет место «пересмотр» собственной жизни, ее добрых и дурных дел. Он встречается с друзьями и знакомыми из этого мира и некоторое время продолжает существование, очень сходное с земным, за тем лишь исключением, что все намного больше «обращено внутрь»; человека привлекают те вещи и люди, которые он любил, а реальность определяется мыслью — стоит только подумать о любимом, и это лицо появляется, как по вызову. Как только человек привыкает к пребыванию в мире духов, его друзья рассказывают ему о Небесах и аде, и его отводят в различные города, сады и парки.

В этом промежуточном «мире духов» человек в ходе обучения, длящегося где-то от нескольких дней до года, «приготовляется» для Неба. Но и само «Небо», как его описывает Сведенборг, не слишком отличается от «мира духов», и оба очень схожи с землей. Там есть внутренние дворы и залы, как на земле, парки и сады, дома и спальни

«ангелов», и масса перемен платья для них. Там есть правительства и законы, и суды — все, конечно, более «духовное», чем на земле. Там есть церковные здания и службы, и духовенство там говорит проповеди и смущается, если кто-то из прихожан не согласен с ними. Там есть браки, школы, обучение и воспитание детей, общественная жизнь — короче, почти все то из встречающегося на земле, что может стать «духовным». Сам Сведенборг говорил на «небе» со многими «ангелами» (все они, как он считал, были души умерших), а также со странными обитателями Меркурия, Юпитера и других планет; он спорил на «небе» с Мартином Лютером и обратил его в свою веру, но не смог разубедить Кальвина в его вере в «предопределение». Описание «ада» также напоминает какое-то место на земле, его обитатели характеризуются эгоизмом и дурными поступками.

Можно легко понять, почему большинством своих современников Сведенборг был отвергнут как сумасшедший и почему почти вплоть до наших дней его видения редко воспринимали всерьез. Тем не менее всегда находились люди, которые признавали, что несмотря на всю странность его видений, он действительно был в контакте с невидимой реальностью; его младший современник — немецкий философ Иммануил Кант, один из основателей современной философии, относился к нему очень серьезно и верил в несколько примеров сведенборгова «ясновидения», которые были известны по всей Европе; а американский философ Р. Эмерсон в своем длинном очерке о нем в книге «Представители человечества» назвал его «одним из гигантов литературы, которого не измерят целые колледжи заурядных ученых». Оживление интереса к оккультизму в наше время выдвинуло, конечно, его вперед как «мистика» и «ясновидца», не ограниченного доктринальным христианством; в особенности же исследователи «посмертных» опытов находят интересные параллели между своими открытиями и его описанием первых моментов после смерти.

Мало может быть сомнений относительно того, что Сведенборг был действительно в контакте с духами, и что он получил от них свое «откровение». Изучение того, как он получил эти «откровения», покажет нам в какой же сфере обитают эти духи на самом деле.

История контактов Сведенборга с невидимыми духами, подробно описанная в его объемистых «Дневнике сновидений» и «Духовном дневнике» (2300 страниц), в точности раскрывает характеристики вступления в общение с воздушными демонами, как это описывает еп. Игнатий. Сведенборг с детства практиковал одну форму медитации, включающую расслабление и сильное сосредоточение; со временем он начал видеть во время медитации пламя, которое он доверчиво принимал и объяснял как знамение «одобрения» его мыслей. Это подготовило его к началу общения с миром духов. Позднее он начал видеть во сне Христа и то, как его принимают в обществе «бессмертных», а постепенно начал чувствовать вокруг себя присутствие духов. Наконец, духи стали являться ему в состоянии бодрствования. Впервые это произошло во время его поездки в Лондон: переев однажды вечером, он вдруг увидел черноту и ползающих по телу пресмыкающихся, а затем человека, сидящего в углу комнаты, который сказал лишь: «Не ешь столько» и исчез в темноте. Хотя это и испугало его, он считал его чем-то «хорошим», потому что ему был дан моральный «совет». Затем, как он сам рассказывал, «в ту же ночь тот же человек явился мне снова, но теперь я не был испуган. Потом он сказал, что он Господь Бог, Создатель мира и Искупитель, и что он избрал меня, чтобы объяснить людям духовный смысл Писания и что Он Сам объяснит мне, что́ я должен написать по этому вопросу; в ту же ночь были мне открыты — так что я полностью убедился в их реальности — миры духов, Небо и ад... После этого Господь открывал, очень часто днем, мои телесные очи, так что среди дня я мог смотреть в другой мир, и в состоянии полного бодрствования общаться с ангелами и духами».

Из этого описания совершенно ясно, что Сведенборг был открыт общению с воздушным царством падших духов и что все его последующие откровения происходили из того же источника. «Небо» и «ад», которые он видел, также были частями воздушного царства, а записанные им «откровения»— это описание его иллюзий, которые падшие духи в своих собственных целях часто производят для легковерных. Взгляд на некоторые другие произведения оккультной литературы покажет нам и другие стороны этого царства.

Теософия XIX и XX веков, которая представляет собой смешение восточных и западных оккультных идей, подробно учит о воздушном царстве, которое ей представляется состоящим из ряда «астральных плоскостей» («астральный» означает «звездный», это причудливый термин, относящийся к «надземной» реальности). Согласно одному изложению этого учения, «астральные» плоскости составляют место обитания всех сверхъестественных существ, место пребывания богов и демонов, пустоту, где обитают мыслеформы, область, обитаемую духами воздуха и других стихий, и различные небеса и ады с ангельскими и демонскими сонмами... Подготовленные люди считают, что они могут с помощью обрядов «подниматься на плоскости» и полностью знакомиться с этими областями.

Согласно этому учению, в «астральную плоскость» входят после смерти и, как и в учении Сведенборга, нет внезапного изменения состояния и нет суда; человек продолжает жить, как и прежде, но только вне тела, и начинает «проходить через все подплоскости астральной плоскости на своем пути к небесному миру». Каждая подплоскость все более утонченная и «обращенная внутрь», и прохождение через них, в отличие от страха и неуверенности, вызываемых христианскими «мытарствами», является временем удовольствия и радости: «Радость бытия на астральной плоскости так велика, что физическая жизнь в сравнении с ней вообще не кажется жизнью... Девять из десяти возвращаются в тело с большим нежеланием» (А. Пауэлл, «Астральное тело», 1972).

Изобретенная русской медиумисткой Еленой Блаватской теософия в конце XIX века была попыткой дать систематическое объяснение медиумическим контактам с «мертвыми», которые множились в западном мире со времени вспышки спиритических явлений в Америке в 1948 г. До сих пор ее учение об «астральной плоскости» является стандартом, используемым медиумами и другими любителями оккультного, для объяснения явлений из мира духов. Хотя теософские книги об «астральной плоскости» и полны той же «неприятной пустотой и банальностью», какие, по мнению Юнга, характеризуют всю спиритическую литературу, все же за этой тривиальностью стоит философия реальности потустороннего мира, которая находит отклик в современных исследователях. Современное гуманистическое мировоззрение весьма благоприятно относится к такому потустороннему миру, который приятен, а не мучителен, который допускает мягкий «рост» или «эволюцию», а не окончательность суда, который дает еще «один шанс», чтобы подготовиться к высшей реальности, а не определяет вечный удел по поведению в земной жизни. Учение теософии дает как раз то, что требуется современной душе, и утверждает, что оно основано на опыте.

Тема смерти и ее преодоления, по мнению многих исследователей, главная в творчестве Н. В. Гоголя. Эта же тема всю жизнь занимала другого нашего гения — Н. Ф. Федорова (1823—1903). В предлагаемом отрывке из статьи поэта и богослова В. А. Никитина «Гоголь

В. НИКИТИН

Когда человек

Н. Федоров. Рисунок Ю. Селиверстова

Федоров единомыслен с Гоголем. Для Федорова добродетель и сознание высшего нравственного долга — синонимы, а «полная добродетель состоит в соединении нравственности со знанием и искусством», при ясном сознании «полного долга» — обязанности воскрешения.

Не случайно в своих рассуждениях о добродетели Федоров вспоминает Гоголя, его авторское отступление из XI главы «Мертвых душ»: «Еще Гоголь говорил,— пишет Федоров,— что заездили добродетельного человека; в настоящее же время можно сказать, что заездили вообще человека, и пора бы заменить это теперь ничего не выражающее слово другим — и именно словом *смертный*, вернее *Сын человеческий*, или *сын умерших отцов*, которое указывает на характернейшее свойство человека (и напоминает)... задачу человека — *достижение бессмертия*».

Как бы продолжая воображаемый разговор с Гоголем, Федоров далее пишет: «Слово *смертный* никогда не изъездится, если будет общее дело, если человечество войдет в это дело; слово *смертный* сделается даже *бессмертным*, когда человек достигнет бессмертия, оно останется бессмертным памятником того, что человек был когда-то смертным; воспоминание о том, что человек был смертным и сделался бессмертным, составит его вечную славу. Потому-то и изъездилось, опошлилось слово *человек* и в особенности *добродетельный человек*, что добродетели служили не делом; если же и приносилась дань добродетели, то лишь лицемерием, поэтому и слова эти, *человек, добродетельный человек*, стали противны, как лицемерие».

Таков радикализм Федорова, не знающий никаких компромиссов.

Ключ к пониманию духовных исканий Гоголя дают нам его статьи и письма, особенно «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Авторская исповедь».

...Напрасно Дм. Мережковский сравнивал Гоголя с Каем — героем сказки Андерсена «Снежная королева», которому попал в глаз кусочек кривого зеркала, так что он мог видеть мир только в искаженном виде. Если Гоголь и видел мир преимущественно под знаком смерти — sub specie mortis: «Всюду пустота, и могилы всюду»...— такое видение отнюдь нельзя считать искаженным.

Так же видел мир и Федоров.

Концентрация Гоголя на изображении зла и смерти (у Федорова смерть и зло — синонимы), безусловно, исключительна. В. В. Розанов не случайно писал: «Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мертвые души только увидел он в ней».

Но взгляд Гоголя не был мертвым! Он был, скорее, ясновидящим.

Гоголь глубоко переживал тайну смерти, ощущение единства рода человеческого перед лицом этой тайны...

У Федорова это переживание вспыхивает в сфере сознания ярким, режущим глаза светом. Из общеизвестного факта — все люди смертны — Федоров сделал вывод: все люди — братья, ибо они — дети одного бессмертного Отца. Нет, не кусочек «кривого зеркала», а своего рода «магический кристалл» придавал особое видение взору Гоголя и Федорова; как знать, не является ли оно остатком древнего ясновидения?

Тема смерти и ее преодоления представляется нам одной из главных в творчестве Гоголя. Она обнаруживает органическое родство с интерпретацией этой темы в фольклоре, в особенности в поэзии народных плачей и причитаний. Эта тема, безусловно,— центральная для Федорова.

Смерть тяжела и неприятна для всех, она уравнивает бедных и богатых, простолюдинов и знать. Смерть — вот истинный ревизор; для нее все равны; ее приход вызывает немую сцену удивления, и невозможно что-либо изменить. Жальный, надгробный плач мы слышим в «Вечере накануне Ивана Купалы»: «Темная, темная моя будет хата: из кленового дерева и, вместо трубы, крест будет стоять на крыше!». Плач-причитание слышится и в «Страшной мести»: «Муж мой, ты ли лежишь тут, закрывши очи?» В «Майской ночи» плач-причитание выглядит как развернутый монолог с обращением к слушателю, «свирепой судьбе» и Пречистой Матери Божией. Явные следы плача несет рассказ о горе матери, провожающей своих сыновей на ратное дело, в повести «Тарас Бульба».

Отношение Гоголя к смерти исследовал Ю. В. Манн. Он обратил внимание на то, что в произведениях Гоголя не раз повторяется ситуация, когда со смертью того или иного персонажа повествование о нем не прекращается и события идут своим чередом.

Чтобы избежать надвигающейся старости и, добавим мы, смерти, герои Гоголя стремятся покинуть насиженные места, рвутся в иные страны или назад, в детство, в какое-то *иное время*. По меткому наблюдению Игоря Золотусского, *отъезд* — не только излюбленный художественный прием Гоголя, но и его экзистенциальная попытка «хотя бы в движении преодолеть омертвение быта».

Смерть для героев Гоголя кажется непробудным сном: «Вылетела казацкая душа из дворянского тела; посинели уста. Спит казак непробудно»

и Н. Ф. Федоров («Мертвые души» и «Живое слово»)» речь идет об их взглядах на великую тайну смерти и бессмертия.

Полностью статья опубликована в журнале «Символ» (1989, № 21, Париж).

достигнет бессмертия

(«Страшная месть»).

Но Гоголь не боялся смерти: «Нам не разрушение, не смерть страшны; напротив, в этой минуте есть что-то поэтическое, стремящее вихрем душевное наслаждение; нам жалка наша милая чувственность, нам жалка прекрасная земля наша» («Последний день Помпеи»).

Подобная «эстетизация» смерти, конечно, совершенно чужда и неприемлема для Федорова. Гоголь, как гениальный художник, соединял, казалось бы, несовместимое, вмещал обе противоположности.

Некоторые герои Гоголя покорно и безропотно, даже както униженно, приемлют смерть (Акакий Акакиевич в «Шинели»). Другие со смертью примириться не могут. Афанасий Иванович, например (в «Старосветских помещиках»), после кончины Пульхерии Ивановны ведет себя следующим образом: «Он поднял глаза свои, посмотрел смутно и сказал: «Так вот это вы уже и погребли ее! зачем?!» Он остановился и не докончил своей речи».

«Это «зачем?» — пишет Г. А. Гуковский,— одна из тех кратчайших формул поэзии, по которой познается истинный гений художника. «Зачем?» — это значит, что для него, для его любви она жива, и нет смерти для нее в его любви, и нельзя, невозможно зарыть в землю то, что не умирает, и он не приемлет смерти любимой».

Катерина в «Страшной мести» плачет и взывает над телом убитого мужа: «Встань, мой ненаглядный сокол, протяни ручку свою! приподымись!..» Тщетно. И все же сам призыв этот содержит в себе «категорический императив» воскрешения. И в этом явная, разительная близость обоих мыслителей.

Увы, пробуждается и приподымается после смерти в повести Гоголя не лихой казак, а ведьма. Ведьма пробуждается, потому что Хома Брут в состоянии духовного помрачения забывает молитвы. Повесть о. Вие вызывает современные острые ассоциации. Это страшное пробуждение вместе с буйством нечистой силы совершается в храме,— о ужас, черное чудо! Пробуждение, впрочем, оказывается мнимым. Его мнимость связана с онтологической иллюзорностью магии, с внутренней пустотой и небытийственностью инфернальных сил. Здесь Гоголь гениально проницает мнимость «воскрешения», совершаемого «по каким-то оккультным рецептам». Как это ни парадоксально, Федоров и в этом отношении оказывается его единомышленником: чтобы избежать представления о воскрешении как о каком-то чудотворном, магическом действе, он употребляет термин «психофизиологическое восстановление отцов и предков». В этой связи становится понятным, почему Федоров так упорно изобличает магизм: его отрицание магизма равносильно отрицанию чудесного, сверхъестественного и вполне в духе последовательного позитивизма. Но это не означает, что Федоров признавал лишь имманентное воскрешение и не признавал воскрешения трансцендентного (не будем упрощать проблему!); трансцендентное воскрешение по Федорову связано со Страшным Судом и осуществится в случае неудачи «Общего дела». Реализация же Общего дела» приведет к осуществлению имманентного (посюстороннего) воскрешения и отодвинет (или устранит вообще) угрозу Страшного Суда.

Для Гоголя сама постановка вопроса об условности апокалиптических пророчеств принципиально неприемлема — в области эсхатологии он (точно так же, как и в остальном) твердо придерживался традиционных христианских воззрений. Точнее было бы сказать: стал придерживаться. Ибо в ранних своих произведениях Гоголь творит как-то стихийно

Гоголь. Рисунок В. Горяева

и спонтанно, в них сильно чувствуются инфернальные мотивы, многие его образы как бы инспирированы темными духами.

«Мир Гоголя сродни таким концепциям в современной физике, как «Вселенная-гармошка» или «Вселенная-взрыв»; он не похож на спокойно вращавшиеся, подобно часовому механизму, миры прошлого века. В литературном стиле есть своя кривизна, как и в пространстве, но немногим из русских читателей хочется нырнуть стремглав в гоголевский магический хаос...» — пишет В. Набоков.

Далее он отмечает, что настоящий пытливый читатель найдет в прозе Гоголя «тени, сцепляющие нашу форму бытия с другими формами и состояниями, которые мы смутно ощущаем в редкие минуты сверхсознательного восприятия. Проза Пушкина трехмерна; проза Гоголя по меньшей мере четырехмерна... Искусство Гоголя... показывает, что параллельные линии могут не только встречаться, но могут извиваться и перепутываться самым причудливым образом... ».

Инфернальные образы в ранних повестях Гоголя несут следы влияния западноевропейского романтизма, в частности Гофмана, а также простонародных верований, суеверий и средневековой магии.

В «Страшной мести» и «Вие» демонология трагически обнажена. Но этот трагизм, несмотря ни на что, разрешается.

«В религиозном понимании Гоголя,— отмечает Дм. Мережковский,— черт есть мистическая сущность и реальное существо, в котором сосредоточилось отрицание Бога, вечное зло. Гоголь, как художник, при

свете смеха исследует природу этой мистической сущности; как человек — оружием смеха борется с этим реальным существом: смех Гоголя — борьба человека с чертом».

В отличие от Гоголя, Федоров как бы игнорировал существование инфернальных сил (и вообще, он кажется нечувствительным к миру иррационального). Как знать, может быть, гоголевский «смех сквозь слезы», его трагедия (в основе которой борьба гения с врагом рода человеческого) оставили в душе Федорова слишком большой след. . .

К концу жизни реальность злых духов для Гоголя стала еще наглядиее и неопровержимее. Но и вера его в ограждающую и спасительную силу Животворящего Креста возросла. Гоголь твердо верил в возможность духовного возрождения не только для себя (или для любого кающегося грешника), но и для всей России.

Мистицизм Гоголя, по мнению западногерманской исследовательницы Х. Шрайер, является «восстанием против окаменевшей в условностях поверхностной религиозности того времени».

Но если это восстание воспринимается ныне как застывшая лава, то учение Федорова продолжает оставаться, на наш взгляд, действующим вулканом, оно будоражит современную христианскую мысль, является ее могучим катализатором.

И Гоголь, и Федоров глубоко верили во Христа, вторую Ипостась Святой Троицы. Но если Гоголь именовал Христа — в соответствии с учением Церкви — Богочеловеком, Федоров предпочитал называть Его поевангельски — «Сыном Человеческим».

Для Гоголя Христос уже искупил первородный грех (последствием которого является смерть), обеспечил каждому человеку возможность войти в рай после кончины (при условии покаяния, обращения и праведной жизни).

Для Федорова Христос Своим воскресением из мертвых явил всему человечеству образ для подражания, возможность для общего, соборного спасения через труд и участие в Общем Деле.

■ ■ ■

«Доктор Смерть» у всех на устах

Глория БОРДЖЕР

Имеет ли врач моральное и юридическое право помочь больному уйти из жизни, чтобы облегчить его страдания! Эта тема и раньше дискутировалась в американской печати. Но сейчас она приобрела новый оттенок в связи с нашумевшим уголовным делом.

Джек Кеворкян снова у всех на устах, о нем говорят и пишут. Полгода назад он помог пациентке, страдавшей от болезни Альцгеймера, покончить с собой, и вот теперь против этого человека, которого называют «Доктор Смерть», возбуждено дело по обвинению в убийстве. Кеворкян утверждает, что чудовищное обвинение беспочвенно, ибо никакого убийства он не совершал: ведь убийство — это когда человека лишают жизни против воли. А Джанет Адкинс всего лишь предпочла умереть, потому что болезнь превратила ее существование в пытку. Что касается Кеворкяна, он просто предоставил ей устройство, которое и помогло несчастной уйти из жизни. Джанет нажала кнопку, получила транквилизатор, а затем смертельный хлорид калия. Вот так и умерла эта женщина — 54 лет — в старом автофургоне, который специально для нее вычистил добрый доктор и сам сшил зеленые занавески на окна, чтобы скрыть свою пациентку от мира.

Но самому доктору и его смертельному изобретению скрыться от мира не удалось. Не имеющим отношения к медицине нет дела, что Кеворкян превратился в странный символ болезненной проблемы права на смерть. Непривлекательный статус героя имеет своим объяснением то, что он вручил Адкинс, а именно — власть над собственной смертью. Врачи могут с полным основанием клеймить его, однако в общественной поддержке Кеворкяна находит проявление «бунт потребителей». Пациенты, которые прежде обращались к врачам только за исцелением, теперь требуют иного. Они хотят, чтобы врачи помогали им достойно умирать.

Существует мнение, что подобное требование противоречит клятве Гиппократа. («Я не дам лекарство, несущее смерть, даже если меня будут просить...».) Однако широкое применение искусственного дыхания и питания, внутривенных вливаний, так называемых «чудо-лекарств» рождает новую мораль и, естественно, новые критерии.

Чудодейственные установки, которые делают невозможное возможным и спасают нас, способны превратить людей в своих заложников — перспектива ужасающая. И пока суд и законодатели препираются, распутывая массу сложностей, связанных со смертью и эвтаназией, врачи не в состоянии ждать: пациенту нужны конкретные ответы. «Долг врача,— говорит специалист в области медицинской этики Маргарет Пабст Баттин,— в том, чтобы облегчить участь больного, помочь ему умереть легкой смертью».

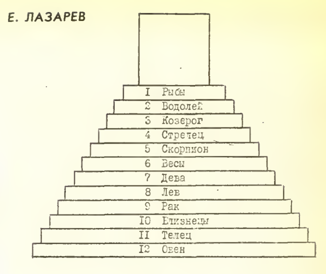
А вот мои личные впечатления семейного кошмара: умирающий отец подключен к аппарату искусственного дыхания. Врачи уверяют, что он в глубокой коме, и переговариваются в его палате так, будто человека уже нет. Мы, говорят они, успокаивая нас, страдаем больше, чем он. Но его искаженное мукой лицо, подрагивающие веки, из-под которых скатываются слезы,— все это взывает о помощи, он молит нас об освобождении. Однако, чтобы отключить его от аппарата, нужен по меньшей мере консилиум, причем рядом чуть ли не с каждым врачом должен находиться адвокат.

Дело Джека Кеворкяна и созданной им «машины самоубийства» отдает грустной иронией. Его стремление дать людям возможность достойно умереть ведет к диковинным юридическим баталиям, которые в результате еще больше запутывают проблематику права на смерть. Врачи же, сторонясь этих словопрений, могут пойти на еще большие крайности, чтобы любыми средствами поддерживать обреченных. И ни у кого нет времени дожидаться приговора.

«Ю. С. НЬЮС ЭНД УОРЛД РИПОРТ».
Вашингтон.

Е. ЛАЗАРЕВ

Священные камни Небесного Града



СТУПЕНЬ ОДИННАДЦАТАЯ. ГИАЦИНТ.

Поднявшись на одну ступень над основанием Небесного Иерусалима, мы оказываемся на том этапе восхождения, который символизирован зодиакальным знаком Тельца. Самоцветный же символ одиннадцатой ступени — гиацинт (или накинф, как иногда произносят это слово). Здесь последовательность священных камней, основанная на «Откровении» Иоанна Богослова, расходится с современными самоцветными гороскопами: они, как правило, называют талисманом мая изумруд. Но надо сказать, что гиацинт вообще редко включают в эти календари камней.

Существует поверье, что гиацинт весьма успешно защищает от галлюцинаций и козней злых сил. Называют и такое его неожиданное свойство, как способность препятствовать зачатию. Поэтому его носили не только заклинатели зла, но и куртизанки.

Гиацинтом в настоящее время называют минерал циркон красновато-коричневого оттенка (иногда гиацинтом именуют гранат и корунд такого же цвета). Циркон — силикат химического элемента циркония. Кристаллы этого минерала имеют форму четырехгранных призмочек. Их цвет очень разнообразен: от голубого и травяно-зеленого до золотистого и красного. Изредка встречаются бесцветные цирконы, которые при соответствующей огранке можно спутать с алмазами.

В древности название «гиацинт» применялось к голубым камням. Плиний Старший писал в «Естественной истории», сравнивая гиацинт с аметистом: «От этого камня (аметиста.— **Е. Л.**) резко отличается гиацинт, хотя по цвету они и похожи. Наибольшее различие состоит в том, что яркий фиолетовый цвет, который столь блистателен у аметиста, у гиацинта разбавлен».

В средние века гиацинтами стали называть различные по химическому составу камни преимущественно желтого цвета. Впоследствии это название закрепилось за оранжевыми и красно-коричневыми цирконами, лучшие образцы которых находят на острове Шри-Ланка. Однако древнее употребление названия «гиацинт» (для голубых камней), пожалуй, более убедительно, поскольку оно соответствует этимологии слова.

Hyacinthos — так древние греки именовали цветок гиацинт. Прилагательное, образованное от этого корня, обозначало темно-синий, фиолетовый, пурпурный цвета.

В поисках истоков греческих слов мы обычно обращаемся к творениям Гомера. Гиацинты упоминаются в «Илиаде». Когда Зевс на горе Ида (в Малой Азии, близ Трои) заключил в могучие объятия свою супругу Геру,

> Быстро под ними земля возрастила цветущие травы,
> Лотос росистый, шафран и цветы гиацинты густые,
> Гибкие, кои богов от земли высоко подымали
>
> *(Ил., XIV, 347—349)*

Гиацинт здесь уподобляется лотосу и приобретает космогоническое значение: священный брак богов, несущий плодородие земле, повторяет (в мифологическом пространстве — времени) акт миротворения. Нетрудно увидеть родство гомеровского стиха с египетскими и индуистскими космогоническими мифами (боги на лотосе). Но ведь нисхождение Небесного Града в «Откровении» — тоже миросозидающий акт, необходимый для рождения «нового неба и новой земли». Так что гомеровский образ гиацинта не противоречит новозаветному. У Иоанна Богослова это уже не цветок, а драгоценный камень, но он, подобно гиацинту «Илиады», составляет часть некоего священного основания, священного престола.

С цветком гиацинта у греков была связана легенда о прекрасном юноше — сыне спартанского царя Эбала и любимце лучезарного бога Аполлона. Юношу звали Гиацинт. Аполлон и Гиацинт часто охотились в густых лесах на горах Спарты или развлекались гимнастическими упражнениями. Однажды Аполлон метнул к самым облакам тяжелый бронзовый диск. Гиацинт помчался к тому месту, где должен был упасть диск, желая скорее доказать, что он не уступит божественному другу в искусстве метания. Однако бог западного ветра Зефир, обычно ласковый и благодетельный, воспылал ревностью к красоте юноши и так направил диск, что тот поразил Гиацинта в голову, смертельно ранив его. Потрясенный горем, Аполлон пожелал, чтобы память о Гиацинте осталась жить не только в его сердце, но и среди людей. Его желание исполнилось, и из крови Гиацинта вырос душистый цветок. В узоре его лепестков древние греки усматривали повторяющееся сочетание двух букв: AI. Это слог, звучащий привычно и для русского языка, они называли запечатленным стоном скорби Аполлона или предсмертным восклицанием Гиацинта.

Все ли понятно нам в этой поэтичной легенде? Может быть, в ней зашифрован скрытый смысл? Поразмыслим над сочетанием букв, которое соединилось с образом Гиацинта. В древнегреческом языке числа обозначались буквами. A=1, I=10. Поставленные рядом, они представляют собой запись числа 11. А это порядковый номер «гиацинтовой» ступени основания Небесного Иерусалима! И в Древней Иудее, на родине Иоанна Богослова, подобные буквы имели те же числовые значения: алеф=1, иот=10. Совпадение или отзвук забытых знаний? Может быть, и Элифас Леви не без основания полагал, что камень гиацинт был известен еще в Лемурии — затонувшей стране которая, согласно теософской традиции, процветала задолго до Атлантиды.

Имя Гиацинта перешло из античности в христианский мир, только транскрипция его несколько изменилась. В православном месяце-слове упоминаются три святых по имени Иакинф, погибшие мученической смертью во II, III и IV веках. Примечательно, что это имя в церковно-славянской традиции переводят на русский язык как «яхонт». Яхонт — один из синонимов самоцвета вообще, но пожалуй, его восприятие в русской культуре ближе к наиболее древнему пониманию гиацинта. Когда Сергей Есенин говорил устами мудрого восточного меняла, что «о любви вздыхают лишь украдкой, да глаза как яхонты, горят», он скорее всего думал об очах, которые «голубым колышутся огнем» — подобно античным, а ни в коей мере не современным гиацинтам.

Под именем «накинф», «акинф» гиацинт вошел в русские духовные стихи, в апокрифическую литературу. В «Сказании об Индийском царстве» Пресвитер Иоанн говорит: «А посреде моего царства идеть река Едем из рая, в той реце емлют драги камень акинф и самфир, и памфир, и измарагд, сардик и аспид (яспис — Е. Л.), тверд же и аки угль горящь».

В «Откровении» Иоанна Богослова говорится о «чистой реке воды жизни», которая исходит «от престола Бога» (Откр. 22:1), от Небесного Иерусалима. Апокрифическое «Индийское царство» — это царство земное, но река-то по нему течет из рая! Она как бы связует небесный мир со священным средоточием мира земного (именно так нередко представляли на Руси сказочное «Индийское царство»). И эта река несет камни, которыми отмечены ступени основания Небесного Града...

Продолжение.

Начало в № 1—4, 1991.

Продолжение следует

А. М. МАУРИНЬ,
доктор биологических наук,
профессор

Статья «Ритмы истории» в вашем журнале (№ 1, 1991) столь неординарна, что наверняка вызовет критическую реакцию многих читателей. Восхищаясь смелым мышлением ее авторов, хочу принять участие в предстоящей заочной дискуссии с позиций сторонника предложенной ими концепции.

Примечательно, что ритмику истории (с периодами 144, 36 и 12 лет) авторы установили индуктивным путем — основываясь на конкретных фактах. Однако замеченная ими закономерность выводится и дедуктивно. Из астрономии известно: смещение Весенней точки на 1 градус происходит за 72 года. Следовательно, 144-летний период точно соответствует двум градусам. Помимо этого периода, в астрологии весьма существенными считаются 10 и 30 минут «часов зодиака», соответствующие 12- и 36-летним периодам нашей планетарной хронологии.

Но как выбрать точку отсчета для соотнесения нашей планетарной хронологии с космическими «часами зодиака»? Авторы данную задачу не формулируют, но решают ее. К сожалению, лишь индуктивным (земным) путем, который для этой цели недостаточен. Ведь, как справедливо утверждают авторы, исторические события, взятые ими в качестве точки отсчета, должны «предваряться достаточно длинным разбегом (...), неким латентным (скрытым) периодом». Латентное развитие и открытое его проявление — этапы одного периода, одного цикла, это единый хронотоп. Автор термина, выдающийся физиолог и мыслитель А. А. Ухтомский, писал: «Вот в чем хронотоп: событие не создается, не определяется сейчас пришедшими факторами; последние пришли лишь затем, чтобы осуществить и выявить то, что накопилось и определилось в прошлом. Сейчас только... пришел суд, подытоживающий, что было и сложилось» (цитирую по статье И. А. Аршавского в сборнике «Темпоральные аспекты моделирования и прогнозирования в экологии». Рига, 1986).

Для отсчета начала земного хронотопа по «часам зодиака» подходящим представляется момент перехода Весенней точки созвездия Рыб в созвездие Водолей, то есть 2001 год. Хронологическая привязка авторами 12-летних периодов при этом не нарушается. А вот 144-летние периоды придется сдвинуть по оси планетарного времени на 24 года назад. Последняя триада этих периодов будет датироваться (округляя по григорианскому календарю) так: 1570—1713, 1714—1857, 1858—2001 годы. Замечу, что циклы из тройных периодов получаются не только по астрологическим соображениям, но и следуют из естественнонаучного принципа резонанса автоколебательных систем. В планетологии этот принцип применил, например, Р. И. Гришкян (1968).

Цикл 1570—2001 годы, состоящий из трех 144-летних периодов, означает для России время империи, которую начал формировать не Петр I, а Иван IV. Пользуясь словами авторов статьи, можно сказать, что именно 1570—1713 годы — «период планирования империи, наработка всех ее идей, формирование задачи (утро)». Не с 1653 года, как утверждают авторы, начался переход к имперской политике «колонизации без ассимиляции» земель и народов, основательно вросших в иные цивилизационные блоки: тюрок-мусульман Поволжья, Урала и Сибири; (...) позднее — народов Прибалтики и т. д.» Процесс начался намного раньше, с завоевания Урала и Сибири, с завоевания Казанского (1552) и Астраханского (1556) ханств, когда кабардинские и черкесские князья признали себя вассалами царя Ивана IV. В то же время предпринималась попытка «прорубить окно в Европу» через Балтию вполне имперской Ливонской войной (1558—1583), начатой Иваном IV. Белинский также видел в Иване IV предшественника Петра I. Его деятельностью (особенно Самодержавно-террористической) восхищался Сталин. Правда, та первая попытка прорубить окно в Европу не удалась. Причину неудачного исхода Ливонской войны БСЭ (2-е изд.) объясняет сепаратизмом бояр. Связь времен еще раз подтвердила единство имперского цикла: сепаратизм в самом начале и ныне — в конце цикла. Впрочем, к 1570 году этот сепаратизм (т. е. остатки боярской демократии) опричники уже успешно приканчивали. Законодательным путем были ликвидированы и последние крохи человеческих прав крепостных крестьян. Создавалась большая регулярная армия с различными родами войск, иные атрибуты империи.

В общем же контексте европейской культуры вторая половина XVI века отмечена реформацией церкви, рационализмом мышления, развитием книгопечатания. Начал складываться идеологический базис последующих буржуазных революций. Латентный период машинного производства зримо проявился и перерос в индустриализацию за два следующих 144-летних периода (1714—1857 и 1858—2001 гг.). Хотя весь цикл в целом также характеризуется возникновением и распадом великих империй.

Что же будет после 2001 года? Согласно вышеупомя-

нутым принципам, не только происходит утроение 144-летнего периода, образуя единый временной цикл. Три зодиака (по 2160 лет) также образуют одну квартиль (90°), соответствующую 6,5 тысячелетиям. Астрология в предвидении по времени не рекомендует переходить границу зодиака. На временном рубеже между зодиаками кардинально меняется стратегия человечества — далее система привычных представлений и понятий уже не пригодна. А к 2001 году Весенняя точка переходит не только из одного зодиака в другой, но и пересекает границу квартилей Телец — Овен — Рыба и Водолей — Козерог — Стрелец. По астрологической традиции это означает еще более существенные изменения. Примерно такие же, какие произошли с человечеством при переходе из мезолита в неолит. Неолитическая революция — первая «волна», по Тофлеру, или начало формирования ноосферы, по Вернадскому. Начало современного человечества, по Библии. А две квартили (13 тысячелетий) тому назад началом бурного таяния толстенного слоя льда в Северном полушарии завершился последний ледниковый период. Послеледниковую эпоху, называемую Голоценом, ученые подразделяют на Бореальное, Атлантическое, Суббореальное и Субатлантическое времена, резко различавшиеся по климату, растительности, характеру морской трансгрессии. Каждый отрезок длился около двух тысяч лет, соответствующих одному зодиаку (30°С).

Однако даже с переходом в новую квартиль связь времен сохраняется, хотя бы теми проростками альтернативной цивилизации, которые появляются к концу уходящей квартили. О подобных проростках пишет, например, Тофлер в книгах «Третья волна» и «Прогнозы и предпосылки». Не развивая тему, ограничусь лишь замечанием в связи с прогнозом авторов статьи. Если имперский цикл завершается 2001 годом, то в последние три двенадцатилетия происходит ее распад, начавшийся застоем, перешедшим в кризис. А завершается тем, что видим после 1989 года и будем наблюдать еще десять лет. Не только социальные, но и природные катаклизмы с ожидаемыми пиками в 1993—1994 и 1999—2001 годах (см. опубликованные прогнозные модели Яницкого, Винделиуса и Тукера, Фролова и др.) Историческая миссия перестройки в Советском Союзе — смягчить процесс путем постепенного «сбрасывания пара», не допустить чтобы произошел «большой взрыв». Наступающая альтернативная цивилизация — это в первую очередь единая система человечества без антагонистического противостояния «лагерей», чреватого всемирной ядерной или иной экологической катастрофой. Но, как свидетельствует почти четырехмиллиардолетняя эволюция биосферы, усиление интеграции всегда уравновешивалось увеличением дифференциации живого. В противном случае — коллапс, самоудушение. Сокращение числа популяций вида — свидетельство его деградации, предстоящего исчезновения. Исчезновение нации с уникальной культурой — невосполнимая потеря для человечества.

г. Вильнюс

ДЛЯ БУДУЩИХ АСТРОЛОГОВ

Многие читатели спрашивают: где можно получить астрологическое образование и литературу по астрологии?

С ноября прошлого года идут занятия в Академии астрологии в Москве. Преподают в ней известные астрологи: М. Левин (ректор Академии), Ф. Величко, В. Вайсберг (проректоры) и др.

Прием слушателей на этот учебный год уже закончен. Но не огорчайтесь! Академия астрологии открывает **заочное отделение**. Чтобы поступить на него, нужно направить письмо по адресу: 115 547, Москва, Академия. Не забудьте вложить конверт с вашим обратным адресом.

С января 1991 года издается газета-бюллетень «Астролог», тематика которого охватывает различные направления астрологии. Подписаться на «Астролог» можно по адресу: 109193, Москва, а/я 24, «Астролог» (Подписка). Вложите конверт с Вашим адресом для получения более подробной информации.

АССИРИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ

В публикациях нашего журнала отдается предпочтение проблематике тех религий, которые имеют наибольшее число последователей. Однако малоизвестные или полузабытые культы также интересуют читателей, поскольку помогают лучше понять историю мировой культуры. Далеко не последнее место в этой истории занимает Ассирия. Широкий читатель знаком с ней лишь по двум-трем популярным книгам. Думается, в скором времени ситуация изменится. 1 февраля 1991 года в Москве учреждена Академия истории и культуры Ассирии и ассирийцев Педагогического общества РСФСР. По словам президента Академии, известного советского ассириолога Константина Петровича Матвеева, главная задача нового учебного заведения — содействовать гармоничному вступлению нашей страны в третье тысячелетие новой эры, что предполагает усвоение всего наследия мировой культуры. На первоначальном этапе учреждаются следующие факультеты: истории, культуры, теологических знаний, иностранных языков, медицинский и спортивный факультеты. Наверное, при упоминании ассирийской медицины читатель вспомнил имя Джуны Давиташвили? Да, она будет курировать работу медицинского факультета и всей Академии, поскольку является ее почетным президентом. Предполагается использовать также рецепты народной медицины Ассирии, которые, по словам ученых, в изложении современных ассирийцев звучат почти так же, как на клинописных табличках. Кстати, клинопись тоже будет изучаться в Академии... Все направления работы трудно перечислить. По вопросам приема в Академию обращайтесь по адресу: 113 035, Москва, 1-й Кадашевский пер., д. 12, строение 6. Педагогическое общество РСФСР, Академия истории и культуры Ассирии и ассирийцев. Планируется и заочный вариант обучения. ■

ХРИСТИАНСТВО И ИСЛАМ:
вечное противостояние или диалог?

В мировой прессе все чаще появляются мрачные пророчества о том, что человечество ожидает великая битва между исламом и христианством, или скорее, между двумя частями мира, которые возникли на основе двух различных представлений о Боге и человеке. Учитывая огромный интерес к этой проблеме, журнал «ЭКОНОМИСТ» (Великобритания, 1990) организовал дискуссию между представителем христианского духовенства, придерживающимся широких взглядов, и представителем мусульманского духовенства, также придерживающимся широких взглядов. Они назвались Фрэнсис и Махмуд. Приводим их беседу в некотором сокращении.

МАХМУД: Многие люди, похоже, считают, что на следующем историческом этапе развернется борьба между вашей частью мира и моей. Этот факт меня огорчает. Верно, что мы живем рука об руку повсюду, от Каспийского моря до западного Средиземноморья. Верно также, что в прошлом наши руки множество раз наносили друг другу сильные удары, причинявшие боль. Но спустя 2000 лет после рождения вашего Иисуса Христа и спустя более чем 1400 лет после рождения нашего Мухаммеда позвольте мне задать вопрос: действительно ли такое должно повторяться?

В конце концов, мы оба — «дети Библии». Мы оба (и иудеи тоже) верим в идею единого Бога. Мы разделяем также идею личной ответственности перед Богом. Как говорится в Коране: «Каждый несет ответ за свои деяния».

Это может показаться ничего не значащим многим людям, которые в наши дни вообще не верят ни в какого бога. Однако есть колоссальная пропасть между тем, как живете вы и я, и сложной жизнью индуистской культуры, для которой характерно наличие многих божеств, или одноцветной жизнью конфуцианской культуры, где практически отсутствуют божества. Позвольте мне напомнить, что, когда пророк Мухаммед совершал небесное путешествие «мирадж» (это произошло по вашему календарю в 621 году), он остановился в Иерусалиме, дабы преклонить колени в молитве на этой святой земле, как это до него делали Авраам, Моисей и Иисус. Мне это говорит о многом.

ФРЭНСИС: На меня это тоже производит впечатление. Однако мы должны смотреть в лицо историческим фактам. А факты таковы: мы, двоюродные братья по Библии, «дети Библии», как вы сказали, ссорились часто и страшно. Это не то, что семейные ссоры. Позвольте мне, в свою очередь, напомнить вам о том времени, когда молодые, обливающиеся потом оруженосцы только обретшей уверенность в своих силах Западной Европы, эти «юппи» XI века, двинулись тяжелой поступью на Иерусалим, чтобы положить начало череде кровавых боев и обманов, которые мы именуем крестовыми походами. Позвольте напомнить и о более позднем времени — XIX и XX веках, когда Европа, бывшая тогда всемогущей, по сути дела, поглотила мусульманский мир, поделив его на ряд империй.

МАХМУД: Раз уж каждый из нас вспоминает те времена, когда его собственная сторона заходила слишком далеко, позвольте напомнить вам об арабской армии, которая, совершив опустошительный набег на Северную Африку, двинулась в Испанию и Францию, находившиеся во взбудораженном состоянии под влиянием новой религии, в VIII веке по григорианскому календарю, в I веке по мусульманскому, пока Шарль Мартель не остановил их под Пуатье; напомню и о Золотой Орде, которая в течение почти трех веков владычествовала над большей частью того, что называют сегодня Европейской частью России, пока великий князь Московский не вернул эти земли, о проникновении Турции в восточную Европу, закончившемся всего лишь 300 с небольшим лет назад.

ФРЭНСИС: Да, каждому из нас есть что вспомнить. Нельзя сказать, что христианская Европа и мир ислама жили в дружбе. Их стычки друг с другом — один из наиболее тривиальных исторических феноменов. Есть ли основания полагать, что время противостояния безвозвратно ушло?

МАХМУД: Между тогдашними и нынешними временами существует важное различие.

В большинстве стычек, имевших место на первых порах, нападавшая сторона была преисполнена уверенности в собственных силах по причинам, как мы сейчас сказали бы, как идеологического, так и технологического характера; оборонявшаяся сторона была расколота и слаба. Арабская армия, действовавшая с изумительной эффективностью, которая доставила только что родившийся полумесяц аж до Пуатье, атаковала Европу, пребывавшую еще в средневековье. Крестоносцы, чья тяжелая конница вернула святой крест в Иерусалим 350 лет спустя, с благословения папы римского пошли войной на мусульманский мир, который был времению дезорганизован. Турки, которые в результате контрнаступления добрались аж до Вены, имели самую организованную в то время империю и, подобно вашим строителям империй в 1900 годы, сочетали религиозный пыл с практической эффективностью, причем как те, так и другие сталкивались с раздробленной оппозицией.

Теперь все иначе. Я согласен, что в настоящий момент для моего ислама характерен больший религиозный энтузиазм, чем для нынешнего христианства или для христианства прежнего. В большинстве своем мусульмане по-прежнему верующие люди, большинство же европейцев вряд ли могут уверенно сказать о своей религиозности. Однако, как и прежде,— за вами технологическое и экономическое превосходство, с вашего стола мы собираем крохи современного образа жизни. Европа сегодня объединяется в рамках новой единой общности, мусульмане же, особенно арабы, безнадежно расколоты.

ФРЭНСИС: Я согласен с тем, что это различие существует, однако в нынешнем веке арабский мир впервые за многие столетия продемонстрировал признаки того, что он предпринимает серьезные усилия с целью объединиться. Иракский лидер Саддам Хусейн выйдет победителем из нынешнего противостояния в районе Персидского залива, он в самом деле, возможно, объединит значительную часть арабов под своим руководством*.

МАХМУД: Что, по моему личному мнению, было бы катастрофой, Саддам объединил бы арабский мир под властью ложной политической системы и безбожной диктатуры. Он использует в негодных целях свои жесткие пропагандистские постулаты об арабской власти в современном мире. Однако нельзя не видеть, что немало мусульман восхищаются им.

ФРЭНСИС: Именно так. И это подводит меня ко второй причине, по которой ваше историческое сравнение не вдохновляет меня.

В большинстве своем наблюдавшиеся на ранних этапах волны экспансии ислама в Европу и христианства на Восток были хотя бы в какой-то мере вызваны экономическими причинами. Арабы, вырывавшиеся из своей пустыни в течение столетия после смерти пророка Мухаммеда, были движимы религиозными чувствами, но ими двигало также то обстоятельство, что в пустыне не хватало на всех оазисов. Золотая Орда и турки мигрировали из Средней Азии по аналогичным причинам. Значительную часть крестоносцев составляли младшие сыновья нового европейского класса землевладельцев; порядок в сельской экономике, устанавливавшийся в Европе после средневековья, не оставлял этим молодым людям дел дома, и они пускались в поиски приключений. Создатели империй, чья деятельность пришлась на XIX век, были в чем-то с ними схожи.

Сейчас меня тревожит то, что в мусульманском мире к югу и востоку от Европы живет слишком много молодых людей, а возможности дать им работу ограничены. Лишь четыре из 19 стран с преобладающим мусульманским населением (Марокко, Тунис, Йемен и Турция) — располагают экономикой, которая растет быстрее, чем количество ртов, которые она должна

---

* *Обращаем внимание читателей на дату диалога: он состоялся до поражения С. Хусейна.*

прокормить. В остальных 15 население становится все беднее. В четырех из этих стран возраст более половины населения — до 25 лет, а в девяти странах эта доля превышает 60 процентов.

Это уже приводит к росту экономических беженцев, и если экономическая нищета повлечет за собой ужесточение политических репрессий, увеличится число политических беженцев, включая множество разгневанных революционеров. Это вызовет напряженность в отношениях между Европой, которая скажет, что не в состоянии принимать так много людей, и правительствами тех стран, которые хотят от них избавиться. Эти стычки могут наложиться на другие явления: свободу передвижения между нашими двумя частями мира; доступ Европы к арабской нефти, амбиции следующего поколения Саддамов Хусейнов. Извращенная разновидность нового арабского руководства создаст новую разновидность новой арабской уверенности в своих силах. И все это — в мире, нашпигованном химическим оружием и ядерными ракетами. Я не могу претендовать на то, чтобы предвидеть исход, но такая ситуация предвещает беду.

МАХМУД: Что же люди доброй воли с каждой из сторон должны сделать для того, чтобы уменьшить опасность?

ФРЭНСИС: Надо представить себе, в каком мире мы будем жить в XXI веке, и спросить себя, как две наши различные традиции, христианская и мусульманская, могут ужиться с таким миром и в нем между собой.

За последнее время, когда коммунизм отступил, стало ясно, что больше невозможно считать, что политику и экономику можно доверить контролю горстки людей, которые утверждают, что знают, как вести эти дела. Мы вернулись к личной ответственности, к идее, что каждый человек сам несет свою ношу, идее, которую, как вы говорите, мусульмане и христиане разделяют. Мне представляется очевидным, что в будущем каждый человек, живущий в мире, будет стремиться к привнесению демократии в политику и к свободному выбору рынка как основы экономики.

МАХМУД: В целом я согласен, однако мое представление о демократии, возможно, несколько отличается от вашего. В самом деле, заранее прошу прощения за нетактичность, я подчеркну, что ислам занимал лучшую позицию по отношению к коммунизму в течение последних 70 лет, чем христианство. Коммунистические правительства пришли к власти в основном в христианской части мира. Ни одно из них никогда не приходило к власти в мусульманской стране, разве что было навязано извне. Некоторые христиане говорили, что коммунизм это просто еще одно христианское еретическое учение. Мусульмане же расценивали эту систему так, как она того заслуживала: как врага для нас обоих. Впрочем, оставим это. Мы согласны, что в будущем люди повсюду будут стремиться к тому, чтобы им принадлежала большая роль в определении того, как организована их земная жизнь.

ФРЭНСИС: Тогда продолжим. Я утверждаю, что идеи, привнесенные христианством в мою часть мира, представляют собой лучшую основу для проведения политики демократии, чем идеи, проповедуемые исламом. Скажем, именно христианству принадлежит идея отделения государства от церкви. Она имеет основополагающий характер. И вот почему. В делах, относившихся к Богу, правит абсолютная истина, и никакое голосование не изменит раз и навсегда установленный порядок вещей. Однако, влача свое повседневное существование на земле, если мы хотим делать это по-демократически, мы должны согласиться, что другой человек имеет право на свое собственное мнение. Здесь — царство относительности, искренних сомнений. Эти два царства существуют отдельно друг от друга. В христианстве об этом сказано определенно: «Кесарю кесарево, а богу — богово». В Коране же — извините меня — нет ничего подобного. Напротив, мусульманам говорят, что любое такое разделение — грех и является неправильным.

МАХМУД: Христианам понадобилось очень много времени для того, чтобы надлежащим образом претворить этот принцип на практике. Императоры Священной Римской империи и ваши папы римские эпохи средневековья достигали многих удобных политических договоренностей между собой. Оставляя в стороне восхитительный эксперимент, проведенный на ранней стадии швейцарцами, скажу: вам понадобилось 1600 — 1700 лет — больше, чем существует ислам,— прежде чем вы начали, по крайней мере, развивать демократию, необходимым условием которой, по вашим словам, является отделение церкви от государства.

И нам необходимо время. В сущности, хотя мы не можем привести выразительную фразу, подобно той, что привели вы из Евангелия от Матфея, в большинстве своем мусульманские страны уже осуществляют некоторое разграничение между делами божьими и делами государственными.

ФРЭНСИС: Все же вопрос куда глубже, чем отделение церкви от государства. Демократическая практика требует особого отношения к другим людям. Необходимо согласиться, причем не только разумом, но и сердцем, с тем, что другое человеческое существо, живущее в ином месте, так же значимо, как и вы. Возможно, оно не так красиво, как вы, не так умно, не так хорошо знакомо с Аристотелем или Адамом Смитом, но оно так же значимо. Но этому нельзя научить на уроках социологии в школе. Единственный способ постепенно осознать это — жизнь в атмосфере этих идей, воплощение мыслей, придающих форму нашим жизням: наша «культура», если уж пользоваться этим неуклюжим словом.

Я намерен положить вас на обе лопатки. «Возлюби ближнего своего, как себя»,— сказал основатель христианства, добавив, что после любви к богу это самое важное правило из всех. Я не могу найти эквивалента этому в священной книге ислама. В Коране много говорится о любви к богу; это прекрасно, но этого недостаточно. Новый завет изобилует призывами — Нагорная проповедь является одним из примеров тому — взирать на себе подобных с уважением, не стремясь самоутвердиться. В словарном указателе, который прилагается к моему экземпляру Корана, под словами «сострадание» и «милосердие» пустое место, а под словом «мир» — лишь одна сноска о случае, когда вы произносите его при встрече с кем-нибудь. Есть несколько прекрасных строк о терпении в 16-й суре и о скромности — в 17-й. Однако и терпение, и скромность — не есть любовь и уважение.

Не пускаясь в теологические споры, ограничусь тем, что скажу: на мой взгляд, в основе всего этого лежит христианская идея триединого бога — отца, сына и святого духа. Если вам говорили, что бог, так сказать, превратил частицу самого себя в сына, который стал человеческим существом и был распят, вы, зная это, начинаете испытывать гораздо большее уважение ко всем человеческим существам. Ислам, отрицая триединый лик бога, сам отрицает эту возможность.

МАХМУД: Если я не вступаю в спор с вами о триединстве, то это, как вы понимаете, исключительно в интересах мира и сострадания к нашим читателям. Не все в моих словах — шутка.

Позвольте мне повторить: нам необходимо время. У Нового завета есть свои сильные стороны, включая то, что в нем говорится о любви к ближнему; об этом говорится и в Коране, особенно в главе, посвященной божественному чуду. Но 600 лет тому назад, когда христианству, грубо говоря, было столько же лет, сколько сейчас исламу, политика христианства вызывала не больше восхищения, чем, как вы говорите, политика ислама вызывает сейчас. В благословенном для вас 1390 году христианская Европа была авторитарной, жестокой, в ней был папа и антипапа, и она раздумывала, не начать ли одиннадцатый — или это был уже тринадцатый? — по счету крестовый поход. Великие перемены к лучшему только назревали.

В ходе нашей дискуссии вы вспомнили об экономике, чтобы заработать очко в споре со мной. Теперь впору мне затронуть экономику. Происшедшие в Европе великие перемены к лучшему, включая развитие демократии, были вызваны отчасти и тем, что Европа становилась богаче. Распространение богатства, праздного образа жизни и созерцательности способствовали высвобожденню духовной мощи, которые привели к Эпохе Возрождения и Реформации, а они, в свою очередь, вызвали приход демократии. Эти духовные силы были начеку, выжидали; экономический рост был лишь одним из многих ключей, которые открывали им двери, однако он сыграл свою роль. Я уверен, что если арабский мир сумеет поддерживать свою экономику в должном состоянии, такая же дверь может быть открыта и перед нами. Если это произойдет, у нашей демократии могут быть одно-два особых преимущества.

ФРЭНСИС: Если вы правы, мы можем вздохнуть свободно: опасность того, что в случае неблагоприятного стечения обстоятельств могло бы представлять главную угрозу миру в XXI веке, пошла на убыль. И я согласен с вашим суждением относительно важности экономики. В самом деле, я с благодарностью признаю, что расцвету Европы в эпоху Возрождения и Реформации в огромной степени способствовало, с экономической и других точек зрения, то, что Европа позаимствовала у арабов 600 и более лет тому назад. Мы вновь научились у вас естественным наукам и другим вещам, которым вы, в свою очередь, научились у древней Греции, однако в эпоху средневековья мы об этом позабыли. Именно этим отчасти объясняется то, что Европа проснулась.

Но что вы имели в виду, говоря, что ваша модель демократии, если она наступит, в некоторых отношениях лучше нашей?

МАХМУД: Вы обозначили то, что, на ваш взгляд, является преимуществами христианства как основы демократии. Теперь я обозначу два преимущества, которые, по моему мнению, присущи исламу.

Первое из них в том, что мы, мусульмане, занимаем лучшую позицию по расовому вопросу, а это будет иметь огромное

значение в наступающем столетии. В Коране говорится: «Люди были одной общиной» и далее: «О люди! Мы... разделили вас на общины и народы, дабы вы знали друг друга, но не презирали друг друга». И, говоря в целом, если вы окинете взглядом мир, то увидите, что мусульмане неплохо осуществили этот принцип на практике.

ФРЭНСИС: Не так уж давно в Восточной Африке у вас существовала работорговля, столь же отвратительная, как наша работорговля в Западной Африке.

МАХМУД: Верно. Но в целом послужной список ислама в этой области не так уж плох. Мусульманам, похоже, не свойственны расовые предрассудки, которыми был отмечен столь продолжительный период в истории христианства после того, как Римская империя приняла эту религию. Одно из последних наставлений, данных Мухаммедом арабам, заключалось в том, чтобы смотреть на неарабов как на людей второго сорта.

Возможно, второе преимущество ислама жителям современного Запада будет труднее понять, однако оно еще более важно. Думаю, ислам может указать на опасность, коренящуюся в триумфе Запада.

Как вы сказали, рождение демократии и капитализма стало возможным благодаря тому, что одна сторона жизни была выведена из-под власти абсолютной истины. При плюрализме нет понятий, раз и навсегда верных и ложных, раз и навсегда хороших или плохих. Суждение каждого человека имеет такое же значение, как суждение другого. Когда большинство решает, что нужно сделать то-то и то-то, это делается; если оно передумает, это не делается. То, чем занято поле — овцами или заводом по производству компьютеров,— зависит от причудливого сочетания миллионов личных симпатий, разделивших мясом и распечаткой. Это восхитительно эффективная система, и опыт 1989 и 1990 года наводит на мысль, что она — как раз то, что нужно всему миру; однако она несовершенна.

Решения большинства порой приводят к результатам, которые многие расценивают не просто как доставляющие временные неудобства, а как неправильные. Возможно, впоследствии их удастся исправить, если одно большинство сменится другим, однако нет гарантии, что это произойдет. У этой системы нет, если можно так выразиться, наблюдателя, никого, кто следил бы за нею со стороны. Чем универсальнее она становится, тем больше я тревожусь по поводу отсутствия какого бы то ни было руководящего перечня правил. Если капиталистическая демократия станет мировой системой будущего, многие станут считать, что живут внутри мерно гудящей машины, но, если заглянуть внутрь ее, выяснится, что она аморальна.

Ислам, который утверждает, что повседневная жизнь — это часть более широкого целого, что всегда существуют объективные истины, которые следует чтить, напоминает об этих изъянах. Я точно не знаю, как будут устраняться эти изъяны; но ведь этого не знал никто и 600 лет назад, еще в 1390 году, как Возрождение и Реформация придут на помощь. Так же я не прошу вас принять мусульманство. Я просто предлагаю, чтобы вы обратились по-своему к неисчерпаемым возможностям, таящимся в плюрализме.

ФРЭНСИС: Как христианин, я с вами согласен. Но как это было бы великолепно, если бы ислам в конце концов помог бы современному Западу определить облик мира на предстоящие несколько столетий.

ДУХОВНАЯ ШКОЛА

Во дворе бакинской соборной мечети Таза пир в прошлом году появилось новое здание. Скромное на вид, особенно рядом с замечательным памятником архитектуры, оно, тем не менее, вызывает большой интерес жителей Баку. Это — медресе, первое открывшееся в Советском Азербайджане за последние 70 лет духовное учебное заведение. Здесь готовят духовных наставников мусульман. Из 200 человек, пожелавших поступить на первый его курс, отобраны были 21 — больше медресе пока принять не может.

Ректор, хаджи Ахмед Аббасов, говорит, что выбор был трудным. Большинство державших вступительный экзамен были хорошо подготовлены. Все отлично знают арабский язык, многие — и фарси, преуспели в изучении Корана. В медресе эти знания углубляются, совершенствуются. С молодыми людьми занимаются духовные лица, а также преподаватели факультета восточных языков Азербайджанского государственного университета.

Религиозная жизнь в республике за последние несколько лет вошла в нормальное русло. Сегодня, согласно новому закону о свободе совести, мусульмане, как и представители других вероисповеданий, сами устраивают ее в рамках этого закона. Только за один год в Азербайджане открылись 19 мечетей, которые в течение долгих десятилетий были приспособлены под общежития, склады, мастерские, учебные классы...

Хаджи Аббасов с удовлетворением отмечает большой интерес к исламу у молодежи, особенно сельской. Вот и большинство студентов медресе — из крестьянских семей. На селе есть немало старых людей, которые хранили традиции ислама, передавали религиозные знания молодым. Однако арабский язык сегодня пока еще доступен не всем. И хаджи Аббасов работает над переводом Корана на азербайджанский.

После пяти лет учебы в медресе самых одаренных выпускников Духовное управление мусульман Закавказья намерено направлять на стажировку или для продолжения образования в соседние с Азербайджаном мусульманские страны.

Расим ШУКЮРОВ

г. Баку

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Благодарим вас за внимание и интерес к нашему журналу и приносим извинения за вынужденную задержку первых трех номеров 1991 года. Сложности с бумагой, типографией, с которыми столкнулись почти все средства массовой информации, к сожалению, не обошли и нас.

На сегодняшний день выпуск налажен, и мы просим наших подписчиков все вопросы, связанные с опозданием доставки того или иного номера, адресовать местным почтовым отделениям.

ДОБРО КАК ПРАВДА

Этическая концепция В. Соловьева

Марк СМИРНОВ,
священник

Что же составляет общее нравственное основание человеческой природы? Настоящей основой добра, убежден мыслитель, является совесть как инобытие стыда. Совершив дурной поступок, мы не только жалеем о нем, мы стыдимся его. Откуда это чувство в человеке? Соловьев считает, что его начало — в половом стыде, так как человек — единственное среди всего живого существо, которое стыдится половой любви, несмотря на то, что она составляет самую сущность природной жизни. В этом смысле человек — явление сверхживотное, то, что собственно его человеком и делает. В духе своем он противится темным влечениям природы, направленным на воспроизводство поколений, поочередно вытесняющих друг друга. Противится закону вечной смерти, замкнутого круга, и таким образом стремится разорвать его и обрести в самом себе всю полноту вечной жизни, восстановить целость своего существа и своей жизни при помощи истинной целомудренной любви. Вот эта целость, потенциально заложенная в природе человека, и является, по учению Соловьева, единым существом нравственности.

Из этой посылки делается смелый, почти рискованный, вывод (возможно, сказалось влияние любимого философа — Платона): коренные основы нравственной деятельности — стыд и жалость — являются как бы реакцией скрытой целостности человеческого существа на его индивидуальное разделение по полам и происходящее из этого первичного дальнейшее раздробление человечества на множество эгоистических особей.

Е. Н. Трубецкой называет эту сторону системы Соловьева «этикой половой любви». До некоторой степени это верно. Из полового стыда Соловьев выводит все разнообразие нравственной жизни. Разумеется, такая позиция не лишена своих слабых сторон, и достойно внимания, что К. Мочульский, возможно, абсолютизируя эту сторону учения Соловьева, называет самого мыслителя эротическим аскетом[1].

Как бы ни были спорны эти стороны учения Соловьева, он, хотя и таким оригинальным путем, делает в конечном счете выводы, полностью согласующиеся с коренными основами христианской нравственности. Наряду с двумя основами нравственности — стыдом и жалостью, в концепции Соловьева выступает и третья основа — благочестие, которая также противоборствует отделению человека от абсолютного средоточия жизни. По Соловьеву, нравственность вырастает из стыда, стыд как индивидуальное целомудрие видоизменяется в совесть как социальное целомудрие, а совесть принимает новый вид на почве благочестия — страха Божия и говорит человеку: «Все твое долженствование и все твое могущество — в Боге; ты должен, значит, можешь всецело отдаться Ему и чрез Него дать действительное совершение своей целости — насытить до конца и целомудренную любовь и жалость свою, добыть для себя и для всех бессмертную и нетленную жизнь. Твоя н е м о щ ь есть в сущности такая же а н о м а л и я, какую ты сам видишь в бесстыдстве и безжалостности; эта аномалия происходит от твоего разобщения с безусловным началом всего должного и всего могучего, и чрез воссоединение с Ним ты должен и можешь исправить эту аномалию[2].

Соединяясь с Богом как с нераздельным и неизменным тождеством Добра, Блага и Блаженства, мы в силу чистоты и полноты своих добрых намерений, получаем и возможность их исполнения. Так с признанием Бога источником Блага и Добра примирятся две противоборствующие философские линии — этика долга и эвдемонизм, поскольку здесь снимается противоречие между требованиями долга и велением сердца, между неукоснительным исполнением нравственного закона и стремлением к личному и всеобщему благополучию.

Анализируя религиозное чувство, Соловьев приходит к выводу, который и ранее на собственном мистическом опыте делали многие христианские подвижники: внутренняя основа религии состоит не только и не столько в признании нашей зависимости от силы, бесконечно превосходящей нас. В своем законченном виде религиозное состояние сводится к радостному ощущению, что в мире есть существо безмерно лучшее, чем мы, и к столь же радостной уверенности, что наша жизнь и судьба, как и все сущее, зависит от Него — этого сверхразумного и сверхблагостного начала, а не от чего-то бессмысленного, не от какой-то слепой и роковой силы.

Бог хочет прежде всего от нас, чтобы мы были сообразны и подобны Ему. Мы должны проявлять свое внутреннее сродство с Богом, способность и решимость к обладанию совершенством. Нужно «иметь Бога в себе».

По мнению Соловьева, факт существования Божества не является предметом особого теологического разбирательства. Существование различных религий и различных теологических концепций внутри одной религии, споры вокруг вопроса о существовании и сущности Бога и неизбежно возникающие в процессе этих споров ошибочные мнения вовсе не затрагивают самого факта Его существования. Ошибки астрономических систем Птолемея и Тихо Браге[3] никогда не возбуждали сомнения в действительности бытия солнца и звезд.

Точно так же отсутствие единого богословского представления о Боге нисколько не затрагивает веры в Него людей, имеющих религиозный опыт. Утверждается также, что извечное сомнение в существо-

---

Продолжение. Начало в № 2, 1991.

[1] *К. М о ч у л ь с к и й. Владимир Соловьев. Париж, 1951. С. 229*

[2] *В. С о л о в ь е в. Сочинения в 2-х томах. Т. I М., 1988.*

[3] *Браге* (Brahe) *Тихо (1546—1601), дат. астроном, реформатор практической астрономии.*

вании Бога — явление совершенно естественное. Многие ученые были не только далеки от религии, но и чуждались ее. В этом философ большой беды не видит, так как, по его представлению, люди, не восприимчивые к свету божества, в иных практических и теоретических отношениях оказываются не только вполне нормальны, но и особо талантливы в различных науках. Их сосредоточенность на одном не позволяет им с тем же вниманием сосредоточиваться на предметах относительных. Так делается вывод: в мирских специальных задачах человечества большая доля трудов и успехов принадлежит людям, для которых высший свет закрыт.

С этим мнением Соловьева мы можем согласиться лишь отчасти. Деятельность людей, которым был «открыт высший свет», но не имевших прямого отношения к решению задач чисто земного порядка, могла дать внутренний толчок другим людям в области политической, научной, культурной. Достаточно вспомнить влияние св. Сергия Радонежского на Дмитрия Донского, творчество Андрея Рублева, а спустя века,— даже на Нестерова; на Западе столь же велика была для раннего Возрождения роль Франциска Ассизского. Кроме того, глубокая вера не всегда отторгала ее носителей от служения миру. Для примера можно взять того же Рублева, Джотто или фра Анжелико, которому «сами ангелы кисти подносили». Еще более убедителен пример ученых, верующих глубоко и искренне, и не в силу семейных традиций или политического конформизма — Ньютона, Пастера, Тейяра де Шардена и др. Наконец, сам наш философ и поэт может тому служить примером.

Итак, по Соловьеву, бытие Бога не есть вывод из религиозного ощущения, а содержание и непосредственная причина этого ощущения. Если бы Бога не было, то не было бы и ощущения Его присутствия. Так формируется своеобразный теологический постулат: *Есть Бог в нас,— значит, Он есть* (С. 251).

Отношение Бога к миру — не спокойно-равнодушное. Хотя Господь посылает дождь свой на праведных и неправедных и возводит солнце свое над добрыми и злыми, он вовсе не безразличен ко злу и тем более не утверждает его. Бог допускает зло, поскольку его полное уничтожение было бы нарушением человеческой свободы и делало бы совершенное, т. е. свободное добро, невозможным. Кроме того, Бог допускает зло, поскольку имеет возможность в своей Премудрости извлекать из зла большее благо. Таким образом, зло есть нечто служебное, нужное для совершенствования мира и человека и безусловно его отрицать значило бы относиться к нему неправедно. На зло мы должны смотреть как на орудие совершенствования и во всем, что существует, видеть возможность добра, стремиться к реализации этой возможности. Свою обязанность совершенствоваться мы должны понимать не только как задачу личной жизни, но и как неразделимую часть всемирно-исторического делания: «*принимай возможно полное участие в деле своего и общего совершенствования ради окончательного откровения Царства Божия в мире*» (с. 261).

Но Царство Божие открывается в мире постепенно, в целом ряде проявлений все более совершенного, с точки зрения нравственности, бытия, Соловьев насчитывает в истории всемирного прогресса пять царств этого бытия: 1) неорганическое, 2) растительное, 3) животное, 4) природно-человеческое и 5) духовно-человеческое, или Царство Божие.

Взаимоотношение между этими проявлениями таково: неорганические вещества питают жизнь растений, животные существуют за счет растительного мира, люди — за счет животного, а Царство Божие строится из людей. Сущность этих повышений заключается в том, что первичный живой организм состоит из химического вещества, перестающего быть только веществом, природное человечество состоит из животных, перестающих быть только животными, и царство Божие составляется из людей, перестающих быть только людьми, осуществляющими его высший смысл до конца.

Краеугольным камнем Царства Божия на земле является Христос. Его историческое существование не подлежит никаким серьезным сомнениям. Этот подлинный характер есть образ совершенного человека, рожденного и посланного от Бога. Историческое явление Христа, первого представителя Богочеловечества, неразрывно связано со всем мировым процессом, с отрицанием же этого явления исчезает целесообразность и смысл мироздания. В нем впервые человеческая природа не только очистилась духом, но и преобразилась, достигла высшей степени совершенства.

Христос есть никто иной как Богочеловек (т. е. осуществленный идеал), а вовсе не продукт исторической эволюции в смысле развития человеческой духовности. Иначе он был бы всего лишь промежуточным звеном в процессе совершенствования поколений. В доказательство этой мысли философ спрашивает: «Отчего, например, Спинозу и Канта, живших через 16 и 17 веков после Христа и представляющих весьма благородные типы естественной мудрости, можно сравнивать с Сократом, но никому и в голову не придет сравнивать их с Христом? Разве потому только, что они действовали в другой сфере? Но вот деятели, прославленные в области религиозной: Мухаммед, Савонарола, Лютер, Кальвин, Игнатий Лойола, Фокс, Сведенборг — все могучие проявления человеческой природы, но попробуйте по совести сравнить их с Христом! Отчего, наконец, те исторические лица которые наиболее приближаются к нравственному идеалу, например св. Франциск, решительно признают свою прямую зависимость от Христа как от высшего существа?» (с. 278).

Но почему же Христос явился среди истории, а не в конце ее? Так как цель мирового процесса есть откровение Царства Божия, или совершенного нравственного порядка, осуществляемого новым человечеством, которое духовно вырастает из Богочеловека, то ясно, что этому универсальному явлению должно предшествовать индивидуальное явление самого Богочеловека. Вся история человечества до Его рождения была подготовлением среды или внешних условий для этого величайшего исторического и метафизического акта. Вся история после личного явления Христа подготовляет внешние условия для универсального откровения, или явления Царства Божия. Царство Божие, считает мыслитель,— не есть произведение только христианской истории, так же как сам Христос не был произведением только еврейской истории. История вырабатывала и вырабатывает только необходимые естественные и нравственные условия для явления Богочеловека и Богочеловечества.

Своим словом и подвигом жизни, победой над смертью и тлением — злом физическим, Христос открыл людям Царство Божие, и люди должны стремиться к достижению его. Только путем абсолютной внутренней свободы можно войти в Царство Божие. И преодоление мирового зла может совершиться лишь в соборном, собирательном человечестве, которое должно пройти через целый ряд испытаний. Для этого-то и необходим длительный процесс развития христианского мира, по словам философа, «крестившегося, но еще не облекшегося во Христа». Безусловное нравственное требование, обращенное к каждому человеку,— «будьте совершенны, как Отец ваш небесный»,— обращено и к человечеству в целом, и может быть выполнено только совместными усилиями всего человечества.

В своих взглядах на задачи собирательного человечества Соловьев имеет много общего с другим выдающимся русским мыслителем — Н. Ф. Федоровым. Их знакомство состоялось еще в 1878 году и поддерживалось на протяжении всей жизни философа. Основная мысль Федорова, изложенная им в книге «Философия общего дела», сводилась к необходимости усилиями всего человечества выполнить основной долг всех людей: с помощью науки и техники воскресить всех умерших. Известно, что эта идея, так неожиданно прозвучавшая в век, когда понятия религии и научно-технический прогресс большинству образованных людей казались абсолютно несовместимыми, произвел огромное впечатление не только на Соловьева, но и на Ф. М. Достоевского и на Л. Н. Толстого.

Хотя сам Соловьев со многими деталями учения Федорова был не согласен, ибо, по его справедливому мнению, проект воскрешения во многом напоминал естественную магию, в которой чудеса техники упраздняли чудо благодати и в которой совершенно отсутствовала идея искупления, однако нравственная сторона этого учения весьма импонировала ему. Так же, как и Федоров, он видел в простой смене поколений, смерти отцов и замене их детьми дурную бесконечность, жуткую антиномию, которую будущему человечеству надлежит обязательно разрешить. «Деторождение,— пишет философ,— есть добро; оно добро для матери, которая, по слову апостола, спасается деторождением, и, конечно, также добро для отца, участвующего

в этом спасительном деле, добро, наконец, для получающих дар жизни. А вместе с тем также несомненно, что есть зло в плотском акте, ...чрез который мы утверждаем собственным согласием темный путь природы, постыдный для нас своею слепотою, безжалостный к отходящему поколению и нечестивый потому, что это поколение — наши отцы» (с. 228). Нравственное оправдание этого процесса может заключаться лишь в том, чтобы дети были лучше своих отцов, а человеческая любовь имела разумный смысл. Род людской должен не просто воспроизводить себе подобных, а стремиться полнее осуществить в своих детях идею Богочеловечества. Будущее человечество должно осознать свой неоплатный долг перед предками, и тогда оно будет способно подойти к возможности всеобщего воскресения. Впрочем, сам характер этого акта скрыт от нас в силу нашего нынешнего несовершенства, и было бы недостойно пытаться заранее узнать его.

Но главное, что привлекло философа в «проекте» Федорова,— это идея «братственности» всех людей, мысль о том, что всеобщее воскресение и преображение мира не есть удел каких-то отдельных, пусть самых выдающихся людей, а дело всего соборного человечества, требующее напряжения всех внутренних сил, всего творчества людей в научной, технической, социальной, культурной и богословской областях. Эта идея как нельзя более соответствовала соловьевскому учению о всеединстве в вопросах истории и социологии.

Окончание следует

«Всю жизнь Владимир Соловьев был фанатично привержен одной идее. Ее имя — всеединство. В теоретической философии это — стремление преодолеть дуализм духа и материи, увидеть взаимопроникновение субстанций, их полное тождество. В этике — бескомпромиссное утверждение единой для всех, абсолютной морали. В религии — слияние церквей. В политике — равные права всех народов».

Арсений ГУЛЫГА

Владимир Соловьев утверждал ее во всем, что делал и писал. Идею эту мы видим и в приводимом отрывке из статьи

«НЕСКОЛЬКО СЛОВ ПО ПОВОДУ «ЖЕСТОКОСТИ»

...Не было у Достоевского такого общественного идеала, для которого пригодны жестокие наклонности, не было у него такого общественного идеала, который требует необузданной и дикой вражды. Он не принимал всуе слова общественный идеал и знал разницу между тем, что бывает, и тем, что должно быть. Проникнув глубже других в темную и безумную стихию человеческой души, он отразил ее в своих действующих лицах иногда с гениальной силою, иногда с излишнею и действительно мучительною напряженностью. Но рядом с этою изнанкою человеческой души, которую Достоевский воспроизводил и показывал нам как психологическую действительность, у него был в самом деле нравственный и общественный идеал, не допускавший сделок с злыми силами, требовавший не того или другого внешнего приложения злых наклонностей, а их внутреннего, нравственного перерождения — идеал, не выдуманный Достоевским, а завещанный всему человечеству Евангелием. Этот идеал не позволил Достоевскому узаконить и возводить в должное «необузданную и дикую вражду», такая вражда всецело принадлежит дурной действительности, в достижении общественного идеала ей нет никакого места, ибо этот идеал именно и состоит в упразднении дикой и необузданной вражды. Дело трудное. Носители новой социальной идеи за это дело и не принимаются. Просто берут всю мерзость человеческую и самодовольно подносят ее под видом общественного идеала. Все злые факторы нашей действительности остаются у них неприкосновенными в своей нравственной сущности, а меняют только свои места или получают определенную точку приложения. Положим, вы грубо-кровожадны. Хорошо! — говорит общественный идеал: ступайте мясником на бойню (причем предполагается, что бойни будут существовать вечно). Коварно-жестоки? Хорошо, берите кинжал, будьте Равальяком. У вас сильны разрушительные инстинкты, вы, может быть, склонны к пиромании? Превосходно! Берите порох и динамит, взрывайте церкви, поджигайте дворцы и театры. А вот вы страдаете завистью и тщеславием? Недурно и это: идите в радикальные публицисты, служите своей партии клеветой и злословием. Все это под прямым внушением и руководительством «общественного идеала» и с соблюдением «нравственной дисциплины». Существует же дисциплина и в разбойничьих шайках.

Согласно этой новой морали (новой, впрочем, только по своей циничной форме, а по сущности неизменной со времен Каина и Авеля) жестокость, дикая вражда и т. д. позволительны и даже обязательны, если только они направлены в какую-нибудь определенную сторону и имеют определенную точку приложения. Беда только в том, что нет никакого мерила и судьи, которым бы определялся законный и обязательный предмет для жестокости и вражды. В первобытные времена, а у диких народов и теперь, взятые в плен воины соседнего племени или рода съедались живьем или приносились в жертву богам. Это было довольно жестоко, но такое определенное приложение жестокостей было вполне законно и даже обязательно для этих дикарей, ибо требовалось их общественным идеалом. Во времена исторические римляне, повинуясь своему идеалу государственного единства, беспощадно подавляли восставшие против них народы, перебили, например, сотни тысяч евреев и дотла разрушили Иерусалим. Бесспорно, это было жестоко, но так же бесспорно и то, что император Тит мог по совести считать такое приложение жестокости не только законным, но и обязательным в силу римского общественного идеала. Подобное должно сказать о жестокости крестоносцев в альбигойском походе, о жестокости католических и еще более протестантских судов над колдунами и ведьмами, о жестокости французских якобинцев, которые десятками тысяч топили и резали сторонников старого режима. Во всех этих случаях жестокость направлялась в определенную сторону и получала определенную точку приложения под руководительством известного общественного идеала. Точно так же в настоящее время революционные партии во всей Европе готовы направить свою необузданную и дикую вражду на правящие и имущие классы; а эти последние, конечно, не замедлят «приложить» всю свою жестокость к революционным элементам. И не будет конца этой круговой поруке, этому усложненному каннибализму до тех пор, пока общественный идеал будет отделяться от нравственного, пока злые страсти будут оправдываться точками приложения.

Отдел рукописей ГБЛ

Впервые опубликовано в газете «Советская культура» от 8 апреля 1989 г.

Наш журнал, в сущности, впервые обращается к теме спиритизма — учения о духах. Можно ли в конце XX века всерьез говорить о связи с духами, обитающими в неведомом нам, ином мире? Ведь еще в конце XIX века спиритизм был так беспощадно осмеян Львом Толстым — достаточно вспомнить его «Плоды просвещения». А признание знаменитых сестер Фокс, демонстрировавших в течение многих лет поразительное «умение» вызывать духов, в том, что это был лишь искусный обман? И все же, все же... Спиритизмом увлеченно занимались многие весьма серьезные и известные личности — среди них Артур Конан Дойл, Мария Склодовская-Кюри, Дмитрий Менделеев. Ошеломляющее признание сестер Фокс (выдержки из него на с. 54 этого номера журнала) прошло как-то незамеченным и не ослабило тогда интереса к «общению с духами». Более того, на них и сегодня ссылаются истинные приверженцы спиритизма, такие, как автор одной из двух публикуемых нами статей на эту тему,— П. Гелевá. Внимательный читатель обнаружит в его статье противоборство чувств и ума, что характерно для каждого думающего автора, пишущего о близком ему предмете. Во всяком случае, П. Гелева отделяет вульгарный спиритизм — салонное развлечение — от учения, которое, по его убеждению, связывает Человека со Вселенной. Другой наш автор — Ф. Эльдемуров — подходит к спиритизму с неожиданной стороны: по его мнению, мы сами создаем духов, когда нам удается вызвать в своем сознании тонкий процесс моделирования различных личностей. Спиритизм возвращается? Если так, то, мы уверены, у него будет множество приверженцев. Не меньше и убежденных противников. Например, среди тех, кто идет в духовной жизни путем православия. Кто принимает, скажем, концепцию, изложенную в труде С. Роуза «Душа после смерти», с которым мы знакомим читателей в этом номере журнала...

Возвращение спиритизма

П. А. ГЕЛЕВА

В течение этого столетия слово «спиритизм» оказалось настолько скомпрометировано, что вызывает у всех снисходительную улыбку, тут же выстраивается ассоциативный ряд: верчение блюдец — кручение слов — какие-то «разговоры» с «духами», словом, праздное времяпрепровождение, вздорные фокусы, всякие глупости. Однако для человека, знакомого с латынью, слово это всегда сохраняет свой изначальный, вполне ясный смысл: «spiritus» значит «дух» и, стало быть, «спиритизм» означает «учение о духе», «учение духов», иначе говоря, «духоведение». Под этим углом зрения мы и рассмотрим вопрос о спиритизме.

Если жизнь, согласно Сенеке, лишь долгое размышление над смертью, то какой вывод нам из этого извлечь? Только гордыня и беспокойство не дают человеку признать, что он всего лишь труп, заряженный энергией. Только ли эти два чувства пробуждают в человеке надежду на иную будущую жизнь, ту, к которой смерть — всего лишь преддверие? Все религии обещают человеку эту лучшую жизнь. Все они дают ему и Надежду, и Веру. Но «homo modernus», сформировавшийся на принципах

Декарта, недоверчив и требователен, Надежды и Веры ему недостаточно. Он желает у в е р е н н о с т и, от желает точно з н а т ь, все ли кончается для него со смертью, или, напротив, это только начало другой, и более совершенной жизни. Новейший человек отверг обещания Веры — и в этом причина кризиса всех религий. Но он и не получил уверенности Знания — и в этом причина его безнравственности.

Почитание предков и некромантия воплощали в себе попытки древнего человека испросить защиты и совета у тех, кто предварил его в мире ином. Пророки, прорицатели, жрецы — в Египте, в Индии, в Греции, в Галлии и во многих других местах имели доступ к онтологическим тайнам, о которых не может и помыслить современный человек. Они точно знали, что человек — это не только т е л о, но и д у х. Потому и существует спиритизм и потому во всех религиях и оккультных учениях всегда присутствуют практические приемы и принципы спиритизма.

Не составляло исключения и христианство. Оно также возникло и укрепилось в этой духовной мистической традиции. Все первоначальное христианство буквально пронизано спиритизмом. Еще и сегодня, несмотря на искажения и затемнения, посвященный увидит в текстах Священного Писания (и в «Деяниях» и «Посланиях Апостолов» в особенности) указания на правила и законы практического спиритизма. Уже сама молитва, должным образом творимая, есть действие спиритическое, сопряженное с тайнами д у х а. Но христианство, достигнув к V—VI векам монополии на духовную власть, переродилось и пожелало отрезать себя от собственных корней. Это особый и трагический вопрос в человеческой истории. Христианство уподобилось ветви, отсеченной от дерева, когда наложило табу на общение с потусторонним миром и когда в церкви возобладала легенда о Сатане. С той поры вся мистика апостолов и святых была провозглашена «белой», а вся последующая мистика обычных смертных была теоретиками богословия объявлена «черной», то есть исходящей от дьявола и слуг тьмы. Спиритизм, общение с духами, таким образом, становился в глазах непосвященного вотчиной Сатаны.

И тогда мертвые, чьи голоса никто не желал больше слушать и с которыми живые рассчитывались букетом цветов и рассеянно проговоренными молитвами, мертвые, позабытые в суете жизни, стали мстить за себя. Мстить равнодушию живых, смущая их покой. Так появился «полтергейст», а некогда почитаемые предки стали докучливыми привидениями.

Но диалог с тенями, прерванный христианской церковью, был возобновлен. Это сделали две девочки — Маргарет и Кэйт Фокс 11 декабря 1847 года, на ферме Гайдсвилль, что возле Нью-Йорка.

Призрак, проявивший́ся с помощью стуков и щелчков, раздававшихся в стенах и предметах обстановки, нисколько их не испугал. Желая его поддразнить, младшая из сестер — Кэти тоже принялась стучать, на что незримый собеседник ответил таким же числом ударов. И тогда по какому-то наитию девочка сказала ему: «Если ты человек, то стукни один раз; а если дух, то два». Тут же прозвучали два сухих удара, положивших начало той азбуке, которой стали пользоваться сестры Фокс, а вслед за ними и спириты всего мира.

Весть об этом событии быстро разлетелась по миру. Общение с этим духом, ставшее регулярным, повлекло за собой исключение семьи Фокс из лона методистской церкви. Семья переехала в Рочестер, туда же последовал и стучащий дух, который согласился выступать даже на публичных сеансах, демонстрирующих медиумические способности обеих девочек. Их старшая сестра Лия Фокс устроила триумфальное турне, вслед за которым по маршруту их следования вспыхнула настоящая эпидемия медиумического подражания.

Семью годами позже, в 1854 году, в США насчитывалось уже 10000 медиумов и около 3 миллионов сторонников спиритизма. Тем временем первый спиритический конгресс, собравшийся в Кливленде, решил послать миссионеров

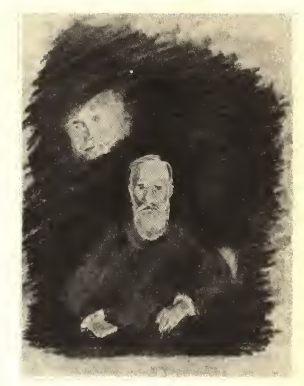


Рисунок с фотографии, будто бы сделанной во время спиритического сеанса (1916 г.). Действительно ли сэр Уильям Крук общается с духом своей покойной жены! Во всяком случае, на фотографии дух имеет женский облик.

сначала в Англию, затем в Германию, откуда новое движение дошло, наконец, до Франции, где в самых различных кругах привлекло немало сторонников.

А спиритические феномены все множились и разнообразились: к стукам добавились автоматическое письмо, телепатия, телекинез, левитация, «прямые» голоса, эктоплазмические материализации. Складывались длинные послания из потустороннего мира, трактующие самые сложные и тонкие вопросы философии, теологии, морали, науки и т. п. Из посланий со временем составилось нравственное учение, из которого сторонники спиритизма стремились создать религию.

У всякой религии должен быть свой основатель, чья первая задача — начертать скрижали законов. С этой миссией и выступил во Франции Аллан Кардек (псевдоним Ипполита Ревая, 1804—1869), дело которого в новых исторических условиях продолжил Леон Денн (1847—1927). С той поры всякий разговор о спиритизме без благодарного упоминания имен этих двух французских мыслителей — всего лишь некомпетентное, дилетантское умствование. Именно этим людям обязаны мы тем, что бесчисленные, разрозненные факты и идеи составились в стройное, гармоничное, всеобъемлющее мировоззрение.

В 1858 году Аллан Кардек основывает «Парижское Общество спиритических исследований» с собственным программным уставом и «Спиритический журнал» (**«Revue spirite»**), выходивший многие годы. Кардек оформил спиритизм как «учение, основывающееся на существовании, проявлениях и наставлениях, данных духами». Все это нашло достойное выражение в главной его работе — «Книге Духов», которая сложилась в ходе сеансов автоматического письма (1857)[1]. За этой работой последовали «Книга Медиумов» (1861), «Евангелие в толковании спиритизма» (1864). Перу Леона Денн принадлежат труды «После смерти», «Христианство и спиритизм», «Человек и судьба», «Правда о Жанне д'Арк» и ряд других. В свете спиритического Откровения все неясности ветхо- и новоза-

[1] *Полный перевод этой книги выходит в этом году в издательстве «Интербук».*

ветных текстов, Священных писаний всех религий снимаются, все встает на свои места: «странные» явления — чудеса, левитация, огненные языки, предсказания, предчувствия и многое другое обретают свое истинное значение.

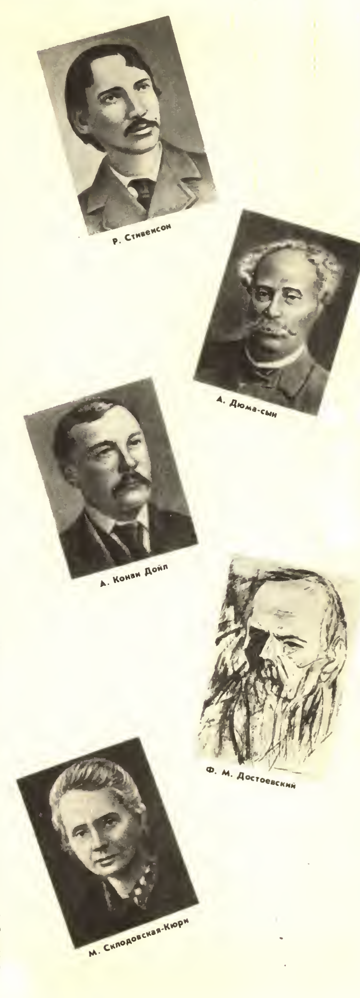
Страстная проповедь Кардека, Дени и их английских, американских и немецких коллег привлекают к спиритизму внимание и симпатии в научном мире, в мире литераторов, людей искусства.

Среди писателей об этом высказались в свое время Виктор Гюго, Теофиль Готье, Александр Дюма, Р.-Л. Стивенсон (кстати сказать, одно время секретарь Эдинбургского спиритического общества), Г. Р. Хаггард, А. Конан Дойл — автор «Нового Откровения» и двухтомной «Истории спиритуализма», Александр Гепп, Шарль Ломон, Викторьен Сарду, Эрнест Бонмэр, Морис Лашатр, Вакри, изложивший свои взгляды на этот предмет в «Крохах истории», Эжен Ню — автор «Великих тайн» и «Потусторонних вещей» и многие-многие другие; в России — братья Аксаковы и Достоевский. Любопытно в этой связи отметить, что если сам Лев Толстой и потешался всячески над этой новой ветвью исследований, то вся его мистическая философия и нравственность, особенно в том виде, как они поданы в его «Круге чтения», целиком совпадают с мистической философией спиритизма и его нравственным учением.

Немалое число больших и всемирно известных ученых выразили свою убежденность в истинности спиритизма и занимались исследованиями в этой области. Можно назвать имена Уильяма Крукса, Альфреда Уоллеса, Фредерика Мейерса, Оливера Лоджа, Камилла Фламмариона, Шарля Рише, Чезаре Ломброзо, Александра Бутлерова, Гюстава Лебона, Пьера и Марии Кюри. Все они, каждый в свое время, решили подвергнуть тщательному контролю и анализу спиритические феномены, получавшиеся при содействии знаменитых медиумов (Д. Д. Хоума, Э. Палладино и др.), так как поначалу сочли их вздорными фокусами, скорейшее разоблачение каковых было в интересах науки. Вопреки своим ожиданиям убедившись в реальности этих явлений, ученые занялись их классификацией. «Как бы ни относиться к спиритизму, нельзя не признать несомненность этого факта»,— так высказался по этому поводу В. Ф. Войно-Ясенецкий.

Деятельность ученых дала рождение новой мето́де психологического исследования — метапсихике и привела к созданию в Великобритании «Общества Психических Исследований». Такое же общество создается в США. Знаменитые многотомные «Протоколы» этих обществ (так называемые «Proceedings») издавались в течение многих лет и приобрели всемирную известность.

И все же увлечение экспериментированием и анализом в отрыве от нравственно-философской концепции, определенной Кардеком и самими духами, дало в конце концов отрицательные плоды. Об опасности этого предупреждал уже А. Конан Дойл, когда писал, что эти опыты сами по себе не имеют большого значения, что они важны лишь постольку, поскольку поддерживают собой и придают объективную значимость огромному множеству знаний, призванных глубоко изменить наши старые религиозные взгляды и дать человеку уверенность в его будущем, знание о его индивидуальном, личном бессмертии. Но этого как раз и не произошло, форма, как это часто бывает в человеческой истории, заслонила собою суть. Нравственное учение, философия Бессмертия, торжество духа над материей и над смертью постепенно были забыты. Остались лишь механические эксперименты с механическими же, как полагали, н е ж и в ы м и силами, воздействующими на такую же мертвую материю. К началу XX века материализм восторжествовал как в мышлении людей, так и в их деятельности. В итоге всеобщего разрушения духовности разразилась первая мировая война, приведшая затем к роковому октябрьскому перевороту в России. Значение этих двух событий и в особенности последнего не получило еще должной оценки у историков. Не понято и не прочувствовано их пагубное давление на ход человеческой истории в XX веке. Само понятие духовности было



Р. Стивенсон

А. Дюма-сын

А. Конан Дойл

Ф. М. Достоевский

М. Склодовская-Кюри

утрачено, ее заменили власть силы и количеств. Восторжествовала идея равенства вопреки мнению древних, которые считали, что люди качественно не равны и что «один стоит многих тысяч, если он наилучший». Духовность стала всего лишь неуклюжей метафорой на устах тех, кто не признает существование самого Духа. Как следствие, политика с ее разнузданными страстями и аппетитами стала командовать нравственностью, определять, что хорошо и что плохо. И вот мы получили то, что имеем.

Попытаемся же в сжатом виде, но насколько возможно полно, восстановить кардеистское мировоззрение. Полагаем это очень важным: ведь «не о пустяках», как говорит Платон, «идет у нас речь», но о Бессмертии человеческом. Нужно подчеркнуть, что спиритизм не есть в е р а, но есть знание, ибо строится на фактах и экспериментах, на анализе их и строгой логике. Благодаря ему человек получает истинное знание о своей природе, он начинает понимать, что он не продукт материи, должный сгнить в земле, сгореть в огне или раствориться в желудке акулы или тигра, но бессмертное духовное существо, для которого тело лишь временная одежда, каковую он сбрасывает с себя после смерти. Сознание, как недвусмысленно указывают многочисленные опыты, сохраняется после смерти тела. Сам по себе факт этот означает сокрушение всех враждебных спиритизму теорий и прежде всего — марксизма. Как говорит Конан Дойл: «Само собой разумеется, что коль скоро дух может существовать и действовать без материи, то сам принцип материализма рассыпается в прах, повлекая за собой крушение вытекающих из него теорий».

Спиритизм, стало быть, дарует человеку бессмертие — вдумайтесь только в это слово! Камилл Фламмарион говорит: «Мы бессмертны и неразрушимы, а потому будем жить вечно. Ни одна душа не может состариться и умереть. Миллионы веков ничто в сравнении с вечностью. По истечении их бесконечность времени будет по-прежнему оставаться перед нами и, в силу предвечных законов, наша жизнь должна будет продолжаться бесконечно».

На ранних стадиях существования духовного существа бесконечность нашей жизни возможна благодаря перевоплощениям, то есть после смерти духовное существо берет себе для последующих своих проявлений в материальных мирах новое тело. На дальнейших же, более продвинутых стадиях, достигнув достаточно высокого уровня культуры и духовности, оно не имеет уже нужды в столь грубом орудии как физическое тело[2] и живет исключительно духовной жизнью, наслаждаясь истинным и беспредельным бытием.

Смерть — не конец, не итог, а лишь трансформация, переход в иное состояние бытия. У Камилла Фламмариона вновь читаем: «Ввиду предшествовавшей вечности своего существования душа, в пору своего воплощения на какой-нибудь планете, хотя бы, например, на Земле, не имеет никакого возраста. Она остается по отношению ко времени в неизменно том же положении и по окончании земного своего поприща. Точно так же и последующие воплощения на Земле или других планетах не делают ее старее, чем она была. Целая вечность не может заставить ее состариться. Века и тысячелетия оставляют на ней меньше следов, чем дождевые капли на белых плечах мраморной статуи».

Став на эту точку зрения, человек начинает проникать и в прошлое, и в грядущее, расстояния для него исчезают, масштабы мира бесконечно раздвигаются — и он из обитателя клочка земли становится Гражданином Вселенной. Беспредельность Пространства и Времени становится доступной ему; космические путешествия делаются одним из обычных его занятий. Из миров высших он получает информацию, призванную способствовать возрождению и совершенствованию земного человечества. Высшие духи, многие из которых некогда жили на Земле, были людьми и стали столпами и светочами нашей Культуры, самолично общаются с ним. В письменных посланиях своих они обсуждают важнейшие вопросы морали, философии, религии, науки, искусства, права и т. д. Их познавательная способность более не ограничена пятью земными чувствами, а ум их совершенно свободен от земных предрассудков, условностей и ограничений. Так, часто сказанное ими должно приниматься нами за совершенную истину. Через этих духов земной человек устанавливает свою связь и единство с Божественным Создателем, правящим Вселенною, видимой и невидимой, и делается активным исполнителем Его приказов. Но какова же цель не ограниченного Временем и Пространством существования человека? Цель эта вполне достойна и выражает всю благость и любовь к нему его Божественного Создателя. Она состоит в том, чтоб постоянно развиваться, вечно совершенствоваться, восходить все выше по ступеням духовной иерархии, приближаясь к Творцу, и сотрудничать с Ним в работе над сотворением миров, руководить их развитием, бдеть над прогрессом космических человечеств, над исполнением предвечных законов.

Истинно говорим вам: Господь благ. Не смотрите на жизнь нынешнюю или прошедшую: это лишь строительный материал. Помните о жизни вечной: в ней Господь осуществит самые смелые ваши надежды и исполнит самые лучшие ваши чаяния, но даже и это не будет миллионной частью того блага, какое Он уготовил вам всем.

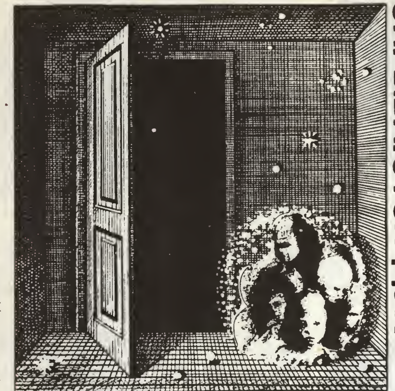
Вот в немногих словах суть того, что предлагает человеку спиритизм.

За всем видимым стоит не пустота, но Бог, и все иллюзии — это испытание, которое мы сами на себя налагаем. Когда мы становимся в з р о с л ы м и, мы просто отбрасываем свои иллюзии — и все встает на свои места. Не знать спиритизма — учения духов — значит всегда быть р е б е н к о м.

В конце концов, когда человек последует совету дельфийского оракула и действительно познает самого себя, то он, в частности, перестанет смотреть на себя как на тело, ибо поймет, что он — дух. Но постараемся и сегодня усвоить простую и ясную мысль, как выражена она у Прокла: «Человек есть душа, пользующаяся телом как орудием». Будем больше думать о Вечном. Ради этого надо меньше увлекаться даже и развенчанием 70-летнего мрака. Сейчас довольно этого. Кто мог понять, уже давно все понял, прочие же ни на шаг от того не продвинутся. У нас нет времени дожидаться их. Теперь надобно смотреть вперед. Вперед и вверх!

[2] *Именно поэтому Эпиктет (рим. фил.-стоик, 50—138 гг. нашей эры) имел обыкновение говорить, что земной человек — это слабая душа, обремененная трупом.*

ШАГ ЗА ДВЕРЬ, ГДЕ СКРЫВАЮТСЯ ДУХИ



Феликс ЭЛЬДЕМУРОВ

Полтора — два столетня тому назад явлеине, названиое спнрнтизмом (от латинского **spiritus** — дух), приобрело необыкновенную популяриость в Европе и Амернке. Можно предположнть, что некий человек, выписав в круг буквы алфавита, иачал воднть пальцем от одной буквы к другой. Виачале слова н фразы получались так же послушно, как складывают нх из кубиков детн. Но вдруг его рука сама, словно одержимая таииственной снлой, изверилась и пошла выписывать пальцем такое, отчего у бедиягн волосы иа голове поднялись дыбом...

Вероятно, так был осуществлеи первый спнритическнй сеанс. Поздее появнлись по примеру народиых гаданнй полумрак н свечи, былн нзобретеиы особые формулы для разговоров с «потустороииими снлами». Появнлось легко скользящее по гладкой бумаге блюдце со стрелочкой, с помощью которого в сеансе моглн прннять участне несколько человек. Было замечено, что миоголюдиые сеаисы, как правнло, протекают успешнее — и возникли громадиые круглые столы на десять-пятнадцать и более человек, где чуткое блюдце бегало по словам н буквам, повииуясь внбрацням, нсходившнм от наложенных на стол рук собравшихся. Со временем усложннлся и рисуиок: помнмо алфавнтного круга появнлся внутрениий, цнфровой, слова «да» н «иет», н т. п.; порой иа спнрнтнческих сеаисах прнменяются целые системы обозначеннй...

И в наши дии в гадаииях нспользуется «методика» древиих греков: грузик (кольцо) иа иити поочередио указывает на буквы, из которых складываются речи воображаемых духов. Китайцы нспользовалн аналогичный способ: только вместо грузнка была игла на иити — она прочерчивала в песке нероглнфы, которые затем прочнтывались и толковались.

Нн человек, нн жнвотное не пронзводят действия бессмысленно. Другое дело, что большииство наших действнй — непронзвольны. Без ннх мы не смоглн бы нн говорнть, нн чнтать, нн даже ходнть. Человек ие в силах, например, совершнть более 10—15 шагов, совершенно не отвлекаясь и созиательно контролнруя каждый шаг. Увереииость н точность в работе многих специалнстов: рабочнх, художинков, музыкаитов, спортсменов и т. д. — станет невозможной, если они, как это делают иовнчки, начнут задумываться над каждым своим двнжением.

Кто (нлн — что?) внутрн нас обучается этому автоматизму? Кого мы дрессируем всю нашу жнзнь, для того чтобы разгрузить тем самым сознаиие для прннятня оперативиых решеннй?

С первого иашего шага, с первого вдоха, мы только н делаем, что бесстрашио бросаемся навстречу хаосу, не сомневаясь, что невиднмый внутрениий помощник (нлн — помощннкн) выручнт нас в трудную минуту.

Стрелок, с ходу поражающий мишень. Мальчншка, пулей взлетающий иа высокнй забор, спасаясь от собаки. Любнтель кроссвордов, отчаявшнйся прнпомнить слово, которое вертнтся иа языке, н вспоминающнй его, перейдя к другому слову. Ученый, которого посетило озарение в тот момент, когда он расслабнлся и отвлекся. Каллнграф, под въедливым взглядом наблюдателя старательно нсполняющий несколько десятков посредствениых работ и — наспех иабрасывающнй едииствениый шедевр в ту мниуту, когда крнтик отлучился...

Если даже просто, без блюдца, указательиым пальцем водить по алфавнту, то поиачалу действне осуществляется сознательно. Но потом вы вдруг почувствуете, что тот, виутренний, понял задачу, заинтересовался, н ваша рука норовнт выписать что-то свое.

Подготовка к спиритнческому сеансу: ритуал с открываиием форточкн, выключеиием света — чтобы воображаемый дух смог войтн беспрепятствеино и безбоязненио, таинственные рассказы перед сеансом и запрет говорить в полный голос во время него, рнтуал разговора с духом н, накоиец, атрибутнка — все это создает общую эмоциоиальную атмосферу, формирует устаиовку иа создание образов, способиых на равиых беседовать с созиаиием; вызывает и подкрепляет состояние, близкое самогипиозу илн, скорее, меднтацин. В подобное состояние впадает человек, когда он до самозабвения увлечеи любимым делом, когда ои читает, когда любит, когда молится...

И в тот момент, когда пальцы касаются иагретого пламенем свечи блюдца, пронсходнт удивительное... Внутрн иас иачитает работать н е к т о, который н и ч е г о не упускает нз внду, н и ч е г о не забывает, п о с т о я н н о оценнвает, программирует и иезаметно для нас направляет нашн действня. Этот «некто» миоголик. «Он» способен, иатреннровавшись, вести разговор «от имени н по порученню» определенных персонажей.

Человек, севший за спиритнческнй стол, уже не тот, кем он был за полчаса до этого. Критическое воспрнятне происходящего несколько приглушено — как это бывает в сновидеииях. Созиаиие во миогом освобождается от стереотнпов мышлення, течение мыслн ие сковаио обычными рамками. Забываются вопросы, которые вы готовились задать духу, зато высказывання самого духа поражают глубииой н орнгииальностью. Впрочем, будучи записаны, высказываиия эти наутро далеко не всегда кажутся столь замечательнымн — то же происходнт и со многими снами, когда мы их вспоминаем иа свежую голову.

Действня участииков группового сеаиса складываются и усредняются. Происходят контакты разиых типов: от наиболее вероятных — эмоциональных, речевых и осязательных —

до возможных электростатических и телепатических. Это похоже на действия муравьев, волокущих добычу к муравейнику. Равнодействующая передвижения блюдца направлена, куда влечет его образ, созданный *подсознанием*.

Вот и сказано это слово...

Понятия подсознательного и бессознательного часто отождествляют, между тем понятие бессознательного гораздо шире и включает в себя вообще все психические и регулирующие процессы, нами не осознаваемые. Подсознание же — второе дно нашего «я», скрытый отдел нашего *мышления*, коллега и незаметный сотрудник сознания, тот, кто, невидимо нас наблюдая, оценивая, непрерывно обучаясь, поддерживая нас, вместе с нами идет по жизни.

Каждый из задуманных нами образов вычленяется в общей структуре подсознания как очага независимого мышления. Именно он, активизируясь, при возбуждении извергает, подобно вулкану, все, что успел накопить и переработать. Этим «спиритическая» медитация (которую можно назвать *активной* медитацией) отличается от разновидностей медитаций, предполагающих углубленное размышление в состоянии отрешенности от внешнего мира, расслабленности, восстановление сил за счет снижения эмоционального напряжения и реактивности. Спиритическую медитацию можно уподобить аутотренингу, в ходе которого человек упражняет внимание, интуицию и творческие способности.

В знаменитых опытах В. Л. Райкова испытуемым под гипнозом внушалось, что они — гениальные художники, музыканты, шахматисты, ученые. Разумеется, это не были слепки с подлинных характеров великих прототипов, но — творчески сыгранные роли на основе данных, хранившихся где-то в памяти.

Сеанс спиритической медитации позволяет нам самим, без посредничества гипнотизера (заменяя внушение самовнушением), сыграть роли, оставаясь одновременно зрителями, собеседниками, судьями и — если не забывать, что подсознательный образ есть часть нас самих — самими актерами.

Впрочем, кто сказал, что нам предписано разговаривать только с духами умерших людей? Почему бы мне не поговорить о том, о сем с духом моего живого (дай Бог ему здоровья), но далекого друга? Или с духом... самого себя? Или с духом литературного героя? С духом собаки? Наконец, с духом завтрашнего утра?

Гипноз применяли для диагностики еще в XIX веке. Больные под внушением начинали рассказывать о причинах болезни, о том, какие отделы организма ею затронуты, какие лекарственные средства помогают, а какие мешают лечению.

Возможности же в диагностике самогипноза почти не изучены, если не сказать — вовсе неизвестны. Квалифицированным медикам как-то не к лицу крутить блюдечко... Но вот в узком семейном кругу нам с женой, например, удается, не прибегая к услугам славной отечественной медицины, определять и излечивать не очень сложные недомогания. Доктора не смогли определить причину моих болей в правом подреберье. Блюдце «сказало»: скопление шлаков. И «прописало» такую несложную процедуру, как тюбаж, благодаря которому я избавлен от этой неприятности по сию пору. Точно так нам удалось выяснить причину головных болей, периодически возникавших у жены, и средство, которое их излечило: раствор мумиё (его она когда-то принимала при лечении желудка, память о его побочном воздействии, очевидно, послужила основой курса лечения). Уже позднее я прочел, что мумиё от головной боли применял еще Ибн-Сина... И таких примеров не один, не два.

Знание о подобном способе диагностики долгое время оставалось эзотерическим (тайным, запретным). Отчасти это понятно: всегда может найтись доверчивый дилетант, который за чистую монету примет любой совет духа и вместо лекарства примет яд, или, чего доброго, заставит другого принять отраву. Вряд ли всем подойдет столь необычная методика диагностирования. Можно спорить, вред или пользу она принесет... Но несомненно одно: нельзя больше обходить и замалчивать это необычное, но отнюдь не сверхъестественное, и главное — *не бесполезное* явление.

Возникает вопрос: а какая от него польза, что называется, в быту? Но ведь никто вам не мешает, придя после нелегкого рабочего дня, вызвать, к примеру, духа Успокоения Нервов (или, как там вы его сами назовете, не имеет значения) и поговорить с ним несколько минут, расслабиться. Супругам можно рекомендовать совместный вызов духа Семейного Благополучия или, если есть необходимость, Сексуальной Гармонии...

Индивидуальные занятия спиритической медитацией можно проводить при достаточной тренированности без блюдца и попутной атрибутики. Нужен только указательный палец. В подсознании постепенно формируется целая система образов. Выделяются «главные» духи здоровья и творчества, появляются паразитные духи, самосоздавшиеся из ваших случайных мыслей и помех, возникающих в ходе сеанса. И вот приходится изобретать духов, охраняющих порядок созданного вами сказочного королевства, вы начинаете играть в игры, которые изобретает ваш собственный мозг. Узнаете тайны черной магии, погружаетесь в глубь столетий, исследуя развитие человечества и развитие его мышления, беседуете с предками и с потомками, изучаете секретный язык духов, подавляете мятежи, которые отдельные нехорошие духи затевают в вашем собственном мозгу...

Но именно здесь следует задать ряд вопросов.

Безопасны ли занятия с духами? Нет ли тут угрозы, грубо говоря, свихнуться? Или навлечь на себя какую-либо болезнь? Что следует знать для того, чтобы контакты с образами подсознания были не только увлекательными, но и безопасными?

Заниматься любым видом самотренировки желательно с разрешения и под контролем врача. Есть люди, предрасположенные к психическим нарушениям. Поэтому тот, кто собирается заняться каким-либо видом медитации, должен взвесить все «за» и «против». Ни в коем случае нельзя форсировать занятия, необходимо прислушиваться к своему самочувствию и, наконец, обращать внимание на речи самих духов, которые могут сигнализировать, если что не так.

Необходимо соблюдать режим дня, правильно питаться, не забывать о физической культуре и т. д.

Вот несколько правил. Мне они продиктованы самими духами:

— не заниматься спиритической медитацией более часа в день или 5—6 часов в неделю, вызывать каждый раз не более двух-трех духов; в занятиях желательны систематика и размеренность;

— перед сеансом не следует много есть и пить, а вот после него желательно поесть;

— перед разговором с духами не употреблять спиртного;

— по утрам обязательна зарядка в течение 15—20 минут;

— побольше быть на воздухе, хорошо питаться и спать не менее 8 часов в сутки.

Церемониал вызова духа несложен. «Дух такой-то, вы здесь?» «Да». «Будете со мной говорить?» «Да»... и т. д. Будьте потактичнее, ибо духи сами льстецы и ценят это в вызвавшем их человеке. Оканчивая разговор, попрощайтесь, иначе дух не уйдет, а долго будет скитаться в подсознании, а это вряд ли полезно.

Из собравшихся за спиритическим столом, без сомнения, основу ответов духов закладывает тот, кто более опытен в общении со своим подсознанием. Он служит как бы переводчиком. Такого человека по традиции называют медиумом. Медиумов может быть два и более. Это, как правило, люди с богатым воображением, творческой жилкой, эрудиты, эмоциональные личности. (Реже это может быть человек, от природы наделенный даром внушения, но в этом случае сеанс вряд ли можно назвать чисто спиритическим). Ответы духов неожиданны для самого медиума, хотя у впервые участвующих

в сеансах часто создается впечатление, что блюдце вращает один лишь медиум, и потому возникают сомнения, не обман ли это. Нет, не обман. На ответы духов явственно оказывают влияние и те люди, у которых пока ничего не выходит, и те, кто просто держит руки на столе, не касаясь блюдца, и даже те, кто, совсем не контактируя со столом, находится поблизости — все это прослеживается в информативности и культуре ответов духа. В той или иной степени медиумом является каждый из присутствующих на сеансе.

В жизни мы так же контактируем не только и не столько нашим сознанием, сколько подсознанием. Трудно вызвать дух, прототип которого не известен или мало понятен главному медиуму — тот либо не отзовется, либо начнет говорить несуразности.

Человек серьезный, безоговорочно убежденный, что вы завлекли его на сеанс слушать байки и ловить зелененьких чертиков, из-за своей напряженности может вообще не почувствовать эффекта. Он будет все время пытаться подловить вас на чем-нибудь, он громко разговаривает, острит, намекает,— словом, всеми силами скрывает страх перед неведомым.

У человека же чересчур эмоционального блюдце будет просто носиться по кругу без остановки. Часто такие люди фиксируют незначительные, незаметные для остальных остановки блюдца, и понятное только для них становится неразборчивым для остальных.

Необходимо время, необходимы тренировки, чтобы научиться верно держать руку, давая ей свободу и в то же время не позволяя упасть, научиться чувствовать малейшее ее самостоятельное движение, доверять самому себе — внутреннему, не обращать внимание на первые, неизбежные трудности, переключать внимание от своих речей к речам духов.

Вызывающий духов в одиночку первое время терпит неудачи, поскольку пользуется блюдцем и не подозревает, что его правая и левая руки непременно начнут спорить друг с другом — «кому водить». Блюдце, вместо толковых ответов создает неразбериху, в которой порой прочитываются реплики типа: «Не понимаю, почему ты все время мне мешаешь!» или «Убери свои дурацкие пальцы!» Происходит это, очевидно, из-за асимметрии между полушариями головного мозга. Дух, вызванный отдельно каждой рукой, более послушен. Правой — логичен и последователен в ответах, левой — расплывчат, утомителен. Это, правда, не означает, что при вызове одной рукой другое полушарие выключается из игры. Просто его мнение отходит на второй план. У женщин опыты с блюдцем проходят успешнее, чем у мужчин (как недавно выяснили американские исследователи, у них разница между полушариями мозга менее выражена).

Медитируя, можно довести себя до такого состояния, что не будет нужен и алфавит. Ответы подсознания придут сами собой, как бы извне. Наверное, подобными явлениями вызваны сообщения о мысленном контакте с пришельцами из космоса. Сообщения эти порой бывают очень искренни, но увы... Ближайшие братья по разуму живут в соседней квартире, а разговоры с подсознанием остаются всего лишь (хорошенькое «всего лишь»!) разговорами с подсознанием... Трудно рассказать обо всем необычном и чудесном, с чем сталкиваешься, сделав всего один шаг за дверь, где скрываются духи. Да и стоит ли называть их духами? И Бог, с которым я иногда говорю вечерами,— такая же естественная часть меня самого, как рука или сердце.

Чудеса все-таки встречаются на свете. Разве не чудо, когда среди абсурдных вначале сочетаний букв начинают проглядывать слова, потом — фразы. И вот уже можно спросить: «Кто ты?» И получить ответ: «Я такой-то...»

ЛЮБОПЫТНОЕ ПРИЗНАНИЕ

21 октября 1888 года в газете «Нью-Йорк уорлд» появилось заявление весьма популярной Маргарет Фокс, прославившейся вместе со своей сестрой Кейт общением с духами:

«Мы с сестрой Кейт были еще совсем маленькие, когда начался этот ужасный обман... Мы были большие шалуньи, и нам просто хотелось попугать нашу матушку, добрую женщину, которая всего боялась.

Вечером, ложась спать, мы привязывали на веревочку яблоко, а потом дергали за нее, так что яблоко стучало по полу...

Сначала мы просто шалили, чтобы испугать матушку, но когда в дом стало собираться столько народу, чтобы посмотреть на нас, детей, мы сами испугались и из чувства самосохранения вынуждены были продолжать обман. Никто нас ни в чем не подозревал, потому что мы были совсем маленькими. Сестра поощряла нас обдуманно, матушка — непреднамеренно. Мы часто слышали, как она спрашивала: «Мои девочки одержимы бестелесным духом, да?»

Наша старшая сестра миссис Андерхилл увезла нас в Рочестер. Там мы придумали новый способ производить постукивания. Моя сестра Кейт первая заметила, что, взмахнув пальцами, она может трещать костяшками и суставами и что тот же самый эффект достигается с помощью пальцев ног. Обнаружив, что мы можем трещать ступнями — сначала одной ноги, а потом сразу обеих,— мы стали практиковаться, пока не смогли проделывать это с легкостью,— конечно, если в комнате было совершенно темно.

В Рочестере миссис Андерхилл устраивала публичные выступления. Толпы людей приходили взглянуть на нас...»

Далее следуют еще три страницы признаний, в которых Маргарет описывает свою спиритическую карьеру за последующие 40 лет.

За время своей долгой карьеры сестры Фокс создали культ спиритизма, который охватил все Соединенные Штаты и быстро распространился на Англию и Европу. Маргарет давала сеансы королеве Виктории, Кейт выступала перед русским царем.

Вера в сестер Фокс продолжала расти. Со временем сестры стали прибегать в своих выступлениях к новым трюкам. Они использовали также и те, которые были придуманы другими медиумами.

После своего признания сестры Фокс совершили еще одно совместное турне — на этот раз для того, чтобы обличать спиритизм и демонстрировать свои трюки. Они продолжали выступать до 1889 года, когда запой Кейт привел к отмене их выступлений. Кейт умерла на улице, неподалеку от своего дома, в 1892 году, а Маргарет, к этому времени также ставшая алкоголичкой, умерла на следующий год. Признание сестер Фокс и многочисленные разоблачения медиумов в то время мало повлияли на публику и не охладили пыла психоисследователей.

Примечательно, что сестры Фокс все еще обсуждаются в парапсихологической литературе без всякого упоминания о том, что они были заведомыми обманщицами.

В семье Фокс. Гравюра 1847 г.

Из книги: Хэнзел Ч. Парапсихология. М., 1970. С. 253—254.

Когда автор принес в редакцию свою статью о новых переводах священных текстов, в нашей почте уже было несколько писем читателей, которые просили прокомментировать эти переводы. Работа В. Крылова — один из возможных ответов читателям, в частности, и А. Рудакову из Москвы, чье письмо мы приводим.

Уважаемая редакция!

Недавно я прочитал новый перевод четырех Евангелий, опубликованный в журнале «Литературная учеба». Меня поразило, что многие места в этом переводе существенно отличаются не только по стилистической форме, но и по смыслу от аналогичных мест в двух других известных мне переводах на русский (один — св. Кирилла и св. Мефодия, другой — под редакцией митрополита Филарета (Дроздова). Например, в новом переводе совсем по-другому дается текст Молитвы Господней. Но почему раньше существовал иной вариант перевода? Какой из них соответствует оригиналу? Каковы философские, религиозные, лингвистические предпосылки для тех изменений, которые мы видим в новом переводе? Очень хотелось бы получить ответы на все эти вопросы.

С уважением
А. РУДАКОВ

г. Москва

В. КРЫЛОВ

РЕСТАВРАЦИЯ ИЛИ РАЗРУШЕНИЕ?

О новых переводах священных текстов

Сегодня почти ни у кого не вызывает сомнения, что современное человечество, если и не деградировало, то остановилось в своем духовном росте. А потому предпринимаемые и у нас, и за рубежом попытки пробудить интерес к религиозным учениям можно только приветствовать.

Но — всегда это «но»! — в большинстве случаев происходит не расшифровка древних священных, подчас эзотерических знаний, а их упрощение и адаптация применительно к духовному уровню нашего современника. Уровень же этот, на наш взгляд, совершенно ничтожен в сравнении с высочайшими требованиями объективной мудрости.

Современный человек, пусть и культурный, идет в духовной жизни по пути наименьшего сопротивления, он духовно немощен. К чему может привести желание приспособить учение Иисуса Христа для его уровня, его понимания и восприятия?

Мы покажем это на примере двух новых переводов Евангелий на русский язык. Один, названный «Благая весть от Бога», выпущен на Западе отдельной книгой (Вена, 1989). Он выполнен в Центре переводов Библии (США, Техас). Другой перевод предпринят о. Л. Лутковским, он опубликован в журнале «Литературная учеба» (№ 1—4, 1990).

Известные переводы Евангелий с греческого и арамейского на современные языки мира существуют не один день; они выполнены почти безукоризненно. Русский синодальный перевод Нового Завета — яркое произведение переводческого мастерства. Я назвал бы его истинным шедевром, если бы не одна погрешность против смысла: в некоторых местах слово «жизнь» заменено словом «душа». И вот два новых перевода, о которых пойдет речь, фактически перечеркивают этот фундаментальный труд. В них налицо стилистические, грамматические, и, что самое главное,— смысловые модификации. Если стилистическим новациям можно найти объяснения, то изменения смысла священного текста, на наш взгляд, оправданий не имеют.

Не сомневаюсь в благих намерениях, но ими, это всем известно, вымощена дорога отнюдь не в рай.

Сначала — о «Благой вести». В переводе главы 16 Евангелия от Луки появилась идея угождения Богу. Идея, чуждая Евангелиям, ибо их главная заповедь — это любовь к Богу, ничего общего с угодничеством не имеющая, поскольку она должна осуществляться всем сердцем, всей душой, всем разумением и всей крепостью человека. Вот как авторы перевода преподнесли 9-й стих: «И продолжал Иисус: Я говорю вам: пользуйтесь тем, что дано вам на этом свете, чтобы **угодить** Богу (выделено мной. — **В. К.**). И тогда в час, когда лишитесь вы всего земного, будете вы радушно приняты в доме, который извечен».

В синодальном переводе на русский, а также в немецком и английском переводах это место изложено так: «И я говорю вам: приобретайте себе друзей богатством неправедным, чтобы они, когда обнищаете, приняли вас в вечные обители».

А глубочайшее психологическое замечание Евангелия от Луки «никакой слуга не может служить двум господам» (Лк. 16:13) авторы преобразуют следующим манером: «ни один слуга не может служить двум хозяевам **одновременно**» (выделено мной. — **В. К.**). То есть в разное время, такое служение возможно?! В одно время — Богу, а в другое время — мамоне? Здесь явственно проглядывает психология современного прагматика и его угодливый ум. Ему невдомек, что бывает любовное служение, на котором только и основывается служение подлинное («ибо одного будет ненавидеть, а другого любить»...). И совсем не случайно, а саморазоблачительно слово «господин» заменено словом «хозяин». Служение хозяину основано на корысти и страхе, на угодничестве. Слово «господин», очевидно, имеет более широкое значение и созвучно слову «Господь» (потому, видимо, в старославянском Евангелии «господин» и «Господь» отождествляются). Замена «господин» на «хозяин» ведет к искажению смысла всей 16-й главы Евангелия от Луки. Ведь в ней, если

Автор просит всех, кто захочет познакомиться с его статьей, еще раз прочесть главу 16 Евангелия от Луки.

и говорится о хозяине, то это Хозяин Великого Дома Вселенной, ибо он — согласно описанию, данному евангелистом,— обладает основными характеристиками божественности: милосердием, объективностью сознания и чувства, а также автономией воли, то есть независимостью ее от эмоциональных колебаний[1].

Такое понимание позволяет нам уяснить ключевые идеи главы 16-й (и в частности, 9-го стиха, приведенного выше) и увидеть глубину искажения их в «Благой вести».

Милосердие и автономность воли господина проявляются в том, что он не отдал своего управляющего, ограбившего его, судье; объективность в том, что он не только не оскорбил его, но и похвалил за умение устраивать свои дела, предельно используя возможности земного ума, то есть проявляя сверхусилие. Это сверхусилие низшего ума дает его обладателю, согласно концепции евангелиста Луки, некий шанс на то, что он будет принят теми друзьями, которых он приобрел на земле «неправедным богатством», присвоенным у господина, в «обители вечные». Друзья же, которых он приобрел, используя богатство господина, «неправедное богатство», хотя и позволяют подкупить себя этим не слишком чистым способом, все-таки имеют некие заслуги, чтобы обрести «обители вечные», ибо «у Бога много обителей». Какие же это заслуги? Об этом в рассказе ничего прямо не говорится, в конце же рассказа приводится эпизод, действующими лицами которого являются нищий Лазарь и некий богач, который в земной жизни не обращал внимания на этого нищего, лежавшего у его ворот в струпьях и желавшего напитаться крошками, падавшими с его стола. После смерти они оказались разделенными пропастью: Лазарь — в раю вместе с Авраамом, а богач — в аду в геенне огненной. На просьбу богача, обращенную к Аврааму, послать к нему Лазаря, чтобы тот, омочив палец в воде, прохладил им язык богача, Авраам ответил, что Лазарь при жизни своей получал злое, а богач доброе, «ныне же он здесь утешается, а ты страдаешь» (Лк. 16:25).

Итак, как явствует из этого красноречивого резюме, преимуществом этих друзей, приобретенных незаконным богатством и являющихся соучастниками в расхищении имущества господина, является только то, что они при жизни много страдали, так как являлись бедняками. Это вынудило их написать ложные расписки по предложению корыстного управляющего и тем самым оказаться у него в долгу, а, значит, по его расчетам, они помогут ему, когда он будет отставлен от дел. Эти бедняки, конечно, далеки от истинной праведности, но чаша их земных страданий перевешивает чашу земных радостей и этого достаточно, чтобы они могли обрести «обители вечные» и право принимать в них даже воров, наподобие управляющего, оказавших им услуги при жизни.

Итак, в предлагаемом нашему читателю новом переводе — вместо «приобретайте себе друзей богатством неправедным» туманное «пользуйтесь тем, что дано вам на этом свете, чтобы угодить Богу». По-видимому, авторов перевода «шокировала» неприкрытая прямота и революционность Иисуса Христа, призывающего пользоваться «неправедным богатством» — то есть чужим — для некоторых своих целей, и они решили заставить Его говорить языком респектабельного джентльмена.

Но все же можно спросить: почему же великий основатель христианства призывает приобретать себе друзей «богатством неправедным», иначе говоря, расхищая чужое богатство? Дело здесь в божественной концепции богатства, эзотерически изложенной в Евангелии от Луки. Она состоит в следующем: никакое земное богатство, в трансформациях которого человек принимает участие, затрачивая труд, то есть страдая, невозможно без основных природных ресурсов, созданных Богом. Следовательно, оно в основном является собственностью Хозяина великого Дома Вселенной. Человек может быть управляющим в этом доме, и доля его в богатстве будет зависеть от степени его страданий, связанных с трудом. Если он расточает доверенные ему богатства, он будет отставлен от дел, то есть исключен из процесса жизни, который заключается во взаимоотдаче. Чтобы удержаться в жизни, у него есть один шанс: это заручиться заступничеством святых, а разумнее всего, заступничеством тех людей на земле, у которых сам Хозяин Дома, так сказать, в некотором долгу по причине их обездоленности, а это он может наилучшим образом устроить, если сделает этих обездоленных своими должниками. Таким образом и Хозяин попадает к нему в некоторый долг, а поэтому управляющий этот может быть принят в «обителях вечных», скажем, в целях своего духовного совершенствования. Вот почему Господин и похвалил «управителя неверного, что догадливо поступил, ибо сыны века сего (в английском и немецком переводе «мира сего». — **В. К.**), догадливее (у Лютера «умнее». — **В. К.**) сынов·света» (Лк. 16:8).

Значит, согласно Луке, Всевышний и Христос рекомендуют развивать земной ум еще, может быть, и потому, что это ведь тоже работа, связанная с интеллектуальными и эмоциональными затратами, и следовательно, она тоже дает шанс, так как должна быть оплачена[2].

Это одна сторона евангельской концепции земного богатства. Другая — состоит в том, что, во-первых, ни один богач на земле не может похвастаться, что богатство было приобретено им абсолютно честно в соответствии с Божественной этикой, в соответствии с любовью к Богу. Ведь если бы оно было приобретено в соответствии с этой первейшей заповедью, оно должно было бы распределяться по принципу Божественного милосердия: «всякому просящему у тебя дай и от стремящегося занять у тебя не отвращайся». Поскольку же оно распределяется по закону земного эгоизма, оно является «богатством неправедным», которое в принципе может быть, следовательно, использовано кем-то другим, но только в том крайнем случае, когда у согрешившего нет иного шанса быть принятым «в обителях вечных», так же как у отстраненного от дел управляющего, не способного к иному труду, нет шанса выжить иначе, как только с помощью друзей, которые, как он надеется, будут принимать его «в домах своих». Как мы видим, это не закоренелый грешник, поскольку он не разбогател с помощью своего хозяина, грех его был вынужден волей к жизни, и Учитель призывает проявить волю в обретении Царства Божия.

Сложнейшая эта проблематика недопустимо упрощена в «Благой вести», тонкости этого ярчайшего выражения эзотерической мысли сглажены, богатейшие оттенки затушеваны. И все, таким образом,— сознательно или бессознательно — фальсифицировано. Приспособлено к несовершенству чувств, ума и воли современных людей...

Смысловые модификации в переводах Л. Лутковского, по-видимому, имеют целью толкование Евангелий с позиций церковного догматизма. Многие помнят сентенцию из Евангелия от Матфея: «Будьте мудры, как змеи, и просты, как голуби» (Мф. 10:16), ставшую жемчужиной основных языков мира. В английском переводе это звучит так: «Будьте мудры, как змеи, и безобидны, как голуби». Переводчик переделывает ее: «Будьте осторожны, как змеи, и непорочны, как голуби». Налицо снижение стиля. Но во имя чего? Вряд ли для того, чтобы сделать это место более понятным. Что же непонятного в синодальном переводе? Думается,

---

[1] *В этом вопросе мы придерживаемся точки зрения Г. И. Гурджиева, нашедшей свое освещение в его капитальном труде «All and everything». L. 1950. (Прим. авт.)*

[2] *Те, кто знаком с учением Г. И. Гурджиева по П. Д. Успенскому, несомненно усмотрят в вышеописанной рекомендации Христа некую санкцию так называемого пути «хитрого человека», и это неудивительно, поскольку учение Г. И. Гурджиева в основных чертах основано на евангельских принципах.. (Прим. авт.).*

задача автора была иная: подправить это место так, чтобы оно более соответствовало каноническому представлению о змée как враге Бога и рода человеческого. Змей-искуситель может ли быть мудрым? Но так сказал о нем евангелист, и думаю, знал, что делал. Это не похвала змею, а объективная его оценка. По словам самого о. Л. Лутковского, он предназначил свои Евангелия для людей «неискушенных». Потому, видимо, считает необходимым переводить их на обывательский язык будней. При этом им выдвигается гипотеза об изначальной простоте евангельских текстов, что будто и обеспечило их широкую распространенность на заре христианской эры. Заметим, что вообще расчет на то, что бóльшая простота и будничность текста сделает его более читаемым, психологически неправилен. Особенно в отошении неискушенного читателя, которого более всего привлекает именно загадочность. Невозможно согласиться с тем, что язык Евангелий прост. Большинство евангельских притч написаны на языке символов, а символ несет в себе огромное количество информации. Чтобы символ мог быть раскрыт, она должна быть считана вся.

Простота евангельских текстов — кажущаяся, мнимая. Они, конечно, понятны каждому, но уровень их понимания зависит от того, каким методом определяются значения понятий. Если эти значения берутся из какой-то иной образно-понятийной системы, отличной от данной евангельской, скажем, из бытового языка или даже из другой притчи, построенной на ином соотношении понятий, то они могут не совпасть со значениями этой первой системы и приведут к ошибочному ее пониманию.

В Евангелиях от Матфея и Луки имеется образно-понятийная замкнутая система, которую принято называть молитвой Господней, так как, по Матфею и Луке, она была дана людям самим Христом. Это лаконичная и емкая космическо-философская система, содержащая объективные истины чрезвычайной важности. Речь идет о молитве «Отче наш». Это — просьбы детей Божьих, живущих на земле, к Отцу, сущему на небе.

В первых трех просьбах косвенным образом излагаются те трагические истины, что имя Отца не свято на земле («Да святится имя Твое»), что нет здесь Его Царства («Да приидет Царствие Твое»), что воля Его здесь не осуществляется («Да будет воля Твоя и на земле, как на небе»). Далее идут прошения о хлебе насущном, о том, чтобы Он «оставил нам долги наши», избавил нас от искушения и от лукавого. После этого утверждается: «Ибо Твое есть Царство и сила и слава и ныне и присно, и во веки веков».

Это уникальное произведение космической мудрости в известном смысле можно считать ключом к Евангелию от Матфея, на том основании, что молитва эта не могла быть подвергнута искажению ни учениками, ни дальнейшими последователями Учителя, именно потому, что все знали: она — от Него Самого.

Невероятно, но о. Л. Лутковский излагает молитву Господню на свой лад. Первое прошение он преобразовал так: «Да прославится имя Твое!», заменив «святится» на «прославится», желая, видимо, пробудить у осведомленного читателя ассоциацию с тем местом Евангелия от Иоанна, где Христос говорит о своем намерении прославить Отца.

Из третьего прошения в синодальном переводе можно сделать неверный вывод, что воля Бога на земле не проявляется вообще. Но из самого факта его наличия в молитве следует, что воля Божья может проявиться на земле лишь при условии усилия, в том числе и молитвенного, со стороны человека. В трактовке о. Л. Лутковского — «Да свершится воля Твоя как на земле, так и на небе» — это прошение приобретает совсем иной смысл. Видимо, переводчик делает намек на миссию Христа как Спасителя. Для этого нужны как семантические, так и грамматические основания: ясно, что «да будет» и «да свершится» ни семантически, ни грамматически не тождественны. Что касается смысла, то при таких модификациях «Отче наш» становится личной молитвой Иисуса. Но если это так, то Иисус, очевидно, не мог отождествить понятия «долги» и «прегрешения», как это делает в Евангелии от Матфея автор Нагорной проповеди. Скорее всего, молитва была составлена представителем какой-то иной школы, о чем говорит тот факт, что она отсутствует в Евангелиях от Марка и от Иоанна.

В переводе о. Л. Лутковского молитвы Господней есть еще две серьезные «новинки».

Первая: просьба «и не введи нас во искушение» у него звучит так: «и удержи нас от искушения». Вместо «не введи» — «удержи». Казалось бы, какая разница? А вот какая. Таким образом искушение здесь приравнивается к понятию «грех» (удержи — не дай сделать что-либо), то есть не дай совершить искушения. Но в общебиблейском контексте понятие «искушение» тождественно понятию «испытание». Так же автор приравнивает понятие «долг» к понятию «грех». В переводе Лутковского «долг», «искушение» и «грех» оказываются одним и тем же.

В этой связи обратимся к Евангелию от Матфея. Автор проповеди, в которую включена и молитва, слово «долг» толкует как «прегрешение», то есть эти понятия отождествляются. Однако все же употреблены оба слова. Почему не одно — «прегрешение», как, например, у Лутковского?

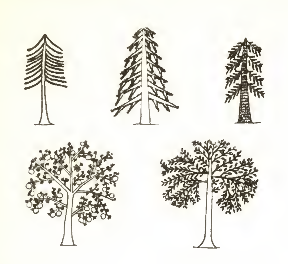
Возможно, потому, что молитва, которую предлагает проповедник, составлена не им, а взята из другого источника; или молитву составил он, а проповедь принадлежит другому лицу, например, Матфею, который счел возможным отождествить эти два понятия, что своеобразным образом сделал и евангелист Лука. Возможно и третье предположение: и молитва, и вся остальная часть проповеди составлены одним лицом, однако, по каким-то психологическим причинам, в данном случае эти понятия были им отождествлены.

Мы так подробно на этом останавливаемся, чтобы показать необходимость добросовестного и скрупулезного исследования, а главное — исследования объективного. Наличие таких проблем отнюдь не обязательно доказывает, что Учитель не имел единой непротиворечивой доктрины, или, что у Него не было никакой доктрины и она явилась плодом коллективного творчества масс. Все эти сложности можно объяснить также следующим: 1) единое Учение намеренно давалось в разных вариантах представителям разных психомировоззренческих типов, чтобы тем самым стимулировать духовную работу среди них (в XX веке это делал крупнейший исследователь Учения Г. И. Гурджиев); 2) расхождения в изложении Учения могли возникнуть бессознательно вследствие субъективных влияний со стороны его носителей, что имело и имеет место в историческом развитии христианства.

Так или иначе, в настоящее время существуют два блока идей, существенным образом расходящихся между собой: Евангелия Марка и Матфея, с одной стороны, и Евангелие Иоанна — с другой; третьим, до некоторой степени примиряющим первые два, является Евангелие от Луки. Ясно, что между ними нет так называемых антагонистических противоречий, эти противоречия — святые, они для того, чтобы стимулировать у учеников развитие сознания, найти основную примиряющую Идею Учителя.

Мы имеем достаточные основания утверждать, что такие примиряющие идеи содержатся в монументальном учении уже упоминавшегося нами Г. И. Гурджиева, а именно в его книге «Все и вся», апробированного перевода которой на русский язык пока нет. Надеюсь, еще представится возможность познакомить с нею российского читателя.

В заключение хочу еще раз подчеркнуть, что «благонамеренные» попытки обуржуазить или инфантилизировать первоначальные евангельские истины опасны. Они превращают идеи Космической Мудрости в земные и человеческие, а «что высоко у людей, то мерзость пред Богом» (Лк. 16:15).



Какое вы дерево?

Продолжаем публиковать гороскоп древних жрецов-друидов (начало в № 1—4), который рассказывает о таинственных, глубинных связях людей и деревьев — каждого со своим.

ЖАСМИН

1—14 мая
3—11 ноября

Подвижные, живые, общительные жасминные люди производят впечатление существ безмятежных. Однако легкость их только внешняя. Тонкие и чувствительные, они склонны к меланхолии и депрессиям.

Жасминные люди с трудом переносят обязательность и зависимость, отсюда их значительная склонность к разочарованиям и предубеждениям. Они всю жизнь остаются чуть-чуть детьми, и компенсацию своим разочарованиям часто находят в любви к детям.

Склонность к красоте и изяществу — органичное состояние, которое сильно влияет на настроение. Все некрасивое, несуразное и грубое может сделать жасминного человека больным.

Близким трудно сохранять ровные отношения с жасминным человеком, его утонченная требовательность часто далека от повседневности.

КАШТАН

15—24 мая
12—21 ноября

Свойства каштановых людей выявляются исподволь. В толпе, в коллективе они незаметны. Склонность к дипломатии делает их подвижными, неуловимыми, обыкновенными.

Присматриваясь к каштановым людям, постепенно начинаешь понимать, что они ищут справедливости. Но справедливость — только внешний план их души. Если присмотреться к дереву в момент его цветения, померещится невиданное: каштан — не только растение, каштан — немножко зверь. Чуть-чуть звериности в душе растительной, но она скрыта в них очень глубоко благодаря их выдержке, живому и деятельному уму. При всей своей одаренности каштановые люди не стараются покорить или очаровать окружающих. Силы их идут на закрытость, им важнее скрыть то, что в них таится.

Любят каштановые люди по-настоящему один раз. Чаще всего они стыдливы сверх меры, борются с собой и не побеждают. Браки их почти всегда бывают трудными, редко удачными.

ЯСЕНЬ

25 мая—3 июня
22 ноября—1 декабря

Люди ясеня чаще стройны, элегантны. Свободны в движениях. Они требуют к себе особого внимания и заботы. Независимость — почти их привилегия. Повышенное самолюбие и легкость по отношению к трудностям иногда создают впечатление вздорности и взбалмошности. Жизнь с ними — испытание.

И тем не менее судьба наградила людей ясеня прозорливостью, целостностью и осмотрительностью. Они умеют взвешивать «за» и «против». И почти всегда достигают максимального успеха в своих предприятиях.

В их браке сочетаются любовь и рассудок.

При всем том не надо бояться укрываться в тени ясеня.

ЛУЧШИЕ ПУБЛИКАЦИИ 1990 ГОДА

Редколлегия журнала «Наука и религия» признала лучшими из опубликованных в прошлом году следующие материалы:

С. БАРСУКОВ, В. ВСЕХСВЯТСКИЙ, Р. ДУБИЕЛЛ. **«Я — неформальный шаман» (№ 2);**
М. ГАСПАРОВ. **Занимательная Греция (№ 8 — 12);**
А. КАРТАШКИН. **Житие и загадочные деяния монаха Раймунда Луллия (№ 6—7);**
Е. ЛАЗАРЕВ. **Серия публикаций по истории мировой культуры (№ 2, 5, 9—12);**
Е. ЛАТЫШЕВА. **Серия публикаций из жизни современной церкви (№ 2, 3, 12);**
К. ЛЮБАРСКИЙ, С. ЖЕЛУДКОВ. **С Богом или без Бога! (№ 11);**
Т. МАЦЕЙНЕНЕ. **Мудрость, рожденная страданием (№ 11, 12);**
Л. НЕМИРА. **Средь греховной темноты (№ 8);**
А. НИКИТИН. **По следам апостола Андрея (№ 9—12);**
Г. ПРОШИН. **Образ вне времени (№ 7); Апофеоз документальности (№ 8).**

Премиями отмечены:

А. БЕЛОВ. **Сила богатырская (№ 1—9) — 200 руб.;**
Ю. КОНОНОВ. **Снова о Туринской плащанице и не только о ней (№ 11) — 150 руб.;**
В. ПЕЛЕВИН. **Гадание на Рунах, или Рунический оракул Пальфа Блума (№ 1) — 150 руб.;**
А. ВАСИЛЬЕВ. **В точке «Ш», или Пирамида без мистики (№ 8) — 100 руб;**
Л. ВОЛКОВА. **Вин-чун (№ 12) — 100 руб.;**
Е. МАВЛЕЕВ. **Лукумоны (№ 10—11) — 100 руб.;**
В. МАСЛЕННИКОВ. **Загадки «Книги перемен» (№ 4—5) — 100 руб.;**
В. ПОПОВ. **Христианские коммуны Проханова (№ 7) — 100 руб.**

ПУТЕШЕСТВИЕ В ИКСТЛАН

Карлос КАСТАНЕДА

Мы шли около получаса. Окрестности резко изменились, земля лежала пустая, голая, кустарник был выжжен. Впереди показался высокий, с круглой лысой макушкой холм. Мы подошли. Я думал, дон Хуан поднимется по пологому склону, но он остановился и напряженно застыл, вытянулся тугой стрелой. Потом вздрогнул, расслабил мускулы, но от этого почему-то не обмяк, а остался стоять по-прежнему прямо и неколебимо.

В эту минуту мне в грудь ударил сильный порыв ветра. Дон Хуан развернулся по ветру, на запад — но не сам, не с помощью мускулов, во всяком случае, не так, как это сделал бы я. Точно какая-то внешняя сила подхватила его и расположила по-новому.

В изумлении я не сводил с него глаз. Он же глянул на меня искоса; лицо его выражало решимость и устремленность, он весь подобрался, напрягся. В жизни со мной случалось всякое, но от меня такой необычайной сосредоточенности не требовалось еще никогда.

Вдруг он вздрогнул всем телом, словно его окатили холодной водой. Чуть погодя дернулся еще раз и зашагал дальше, как ни в чем не бывало. Я — следом. Мы огибали лысый холм с востока. Дойдя примерно до середины, дон Хуан остановился и повернулся лицом к западу. Отсюда было видно, что верхушка холма не так кругла и гладка, как казалось издалека. У самой вершины зиял вход в пещерку или, может быть, это была сквозная дыра. Дон Хуан не сводил с пещерки глаз, и я тоже стал вглядываться. Опять сильно дунул ветер, и по спине у меня пробежал холодок. Дон Хуан развернулся к югу и стал осматриваться.

— Вот он! — и показал рукой.

Я вгляделся. На земле, шагах в десяти от нас, лежал какой-то коричневый ком. Я смотрел во все глаза. Ком шевельнулся. Похоже, свернувшаяся клубком собака.

— Что это? — шепотом спросил я.

— Не знаю,— прошептал он в ответ. — А как ты думаешь?

— Может, собака?

— Таких больших собак не бывает,— спокойно ответил он.

Я хотел было подойти поближе, но дон Хуан остановил меня. Я снова напряг зрение. Это явно был зверь, он или спал или был уже мертв. Я различил голову — уши стоят торчком, как у волка. Но и для волка слишком велик.

— Теленок?

Дон Хуан сказал, что теленок в такой плотный клубок не свернется, а кроме того, у этого чудища уши торчком.

Зверь опять дернулся, и тут я догадался, что это он так дышит — судорожно, урывками... Ясно!

— Умирает... — шепнул я.

— Верно. Но кто это?

Точнее никак было не разглядеть. Дон Хуан, а следом и я шагнули к чудищу. Уже совсем стемнело, оно терялось во мраке.

— Берегись,— тихо сказал дон Хуан. — Если издыхает — может собрать последние силы и броситься...

Неизвестный зверь агонизировал: дышал неровно, то и дело весь сотрясался, но так и лежал, свернувшись клубком. Вдруг по туловищу его пробежала сильнейшая судорога, его как бы приподняли с земли. Жутко взревев, он вытянул лапы с отвратительными длинными когтями. Перевалился на бок, затем на спину.

И снова ужасающий рык...

— Спасайся! Беги! — крикнул дон Хуан.

Я в один миг взлетел на вершину холма. Обернувшись, я увидел, что Хуан стоит на прежнем месте, машет рукой: спускайся! Я сбежал вниз.

— Ну что? — запыхавшись, вымолвил я.

— Кажется, издох.

Мы осторожно двинулись вперед. Зверь, раскинувшись, лежал на спине. Я подошел совсем близко и чуть не вскрикнул от страха: он был еще жив, хоть и при последнем издыхании,— дрожал, сучил лапами.

Я шел первым. Новая судорога сотрясла зверя, я разглядел его морду — и в ужасе обернулся к дону Хуану. Тело у чудища было как у млекопитающего, но при этом — птичий клюв...

В полном смятении я снова уставился на зверя. Невероятно! Я хотел попросить объяснений у дона Хуана, но лишь невнятно замычал — даже сказать ничего не мог, так был поражен. Дон Хуан смотрел на меня в упор. Я взглянул на него, затем на чудище, и в голове у меня вдруг сложилась вся картина, я понял, какой это зверь... Подошел к нему и поднял с земли. Это была толстая обгорелая ветка; видимо, ветром на нее нанесло всякий горелый хлам, и возникла живая округлость формы. На фоне зеленых кустов опаленный клубок казался коричневым.

Я посмеялся над собственной глупостью и стал возбужденно объяснять дону Хуану, что порывы ветра оживили ветку в моих глазах. Я думал, он будет доволен, что я разгадал загадку, но он молча отвернулся и полез на холм. Я последовал за ним. Он нырнул в углубление у вершины; это была не сквозная дыра, а низкая пещерка. Подобрал несколько веток, вымел ими сор.

— Нужно избавиться от клещей,— объяснил он и сделал знак садиться и устраиваться поудобнее: здесь мы проведем всю ночь.

Я снова заговорил о звере-ветке, но он оборвал:

— Никакой доблести в твоей отгадке нет. Наоборот, ты

* *Продолжение. Начало в № 7, 8, 9 и 12, 1990; № 1—4, 1991.*

упустнл прекрасную, мощную снлу, вдохнувшую жнзнь в сухой прут.

Он сказал, что нужно было расслабнться н покорнться этой снле, тогда бы мнр, окружающнй нас, нсчез. Однако дон Хуан не серднлся на меня и не был разочарован. Он несколько раз повторнл, что это только начало, н обращаться с снлой сразу не научншься. Он похлопал меня по плечу н, улыбнувшнсь, напомннл, что еще утром я не сомневался, что всегда отлнчу реальное от нереального.

Я устыднлся и попроснл прощення за свою самоуверенность.

— Дело не в этом,— сказал он. — Та ветка н в самом деле ожнла, стала зверем, потому что ее коснулась сила. Секрет был в том, чтобы, как во время «сна», удержать созданный снлой образ. Поннмаешь?

Я хотел задать вопрос, но дон Хуан знаком удержал меня н велел всю нынешнюю ночь не пронзноснть нн звука, но н не спать; говорнть будет только он.

Он сказал, что дух знает его голос н, возможно, утнхомирится н уйдет. Открывающийся снле подвергается серьезной опасностн. Снла разрушнтельна, может легко убить, н обращаться с ней следует чрезвычайно осторожно. Открываться снле нужно часто, но с большой осмотрительностью.

Объявляют о своем присутствни так: нарочно громко переговариваются, шумят, а затем надолго погружаются в мертвое молчание. Управляемые всплеск н покой — приметы вонна. Сегодня мне нужно было удержать образ чуднща подольше н — полностью управляя собой, не давая воли эмоциям — попытаться «пресечь мнр». Когда, спасая свою драгоценную жизнь, я взбежал на холм, мое настроение было ндеальным: в нем смешалнсь страх, сила н смерть. Еще раз создать такое подходящее для «остановкн мнра» настроение будет очень трудно, закончил он.

— А что это такое — «остановка мира»? — шепнул я ему на ухо.

Он свирепо взглянул на меня и сказал, что это прием, прнменяемый охотннками за снлой; прием, посредством которого разрушается обыденный мир.

Магическое кольцо силы

В мае 1971 года я, еще будучн ученнком дона Хуана, посетнл его в последннй раз. Все десять лет, что мы знали друг друга, я езднл к дону Хуану в одном и том же расположенни духа н также ехал и теперь: я предвкушал удовольствие, которое всегда доставляло мне его общество.

У него оказался его друг дон Хенаро, маг из индийского племенн мазатеков. Дон Хенаро гостнл у него и в мой прошлый приезд, полгода назад. Я задумался: неужели он прожил тут все это время? Я уже собрался спросить, но дон Хенаро сам объяснил, что приехал недавно: во-первых, наша северная пустыня пришлась ему по душе, а во-вторых, нужно было повидаться со мной. Они оба засмеялнсь, будто скрывали какую-то тайну.

— Я прнехал нз-за тебя,— сказал дон Хенаро.

— Точно,— подтверднл дон Хуан.

Я напомннл, как в прошлый раз дон Хенаро помогал мне «остановить мир», и как мне стало от этого худо. Я ненароком дал понять, что боюсь его. Он заколотился в припадке неукротимого смеха, задергал, точно ребенок, ногамн в воздухе. Дон Хуан отводнл взгляд и тоже смеялся.

— Вы ведь не будете мне больше помогать, дон Хенаро? — спросил я.

Они снова бешено захохотали, дон Хенаро катался по полу... Затем он лег на живот и как бы поплыл. В эту минуту я понял, что пропал. Нутром почувствовал — это конец. Я не знал, чему именно конец, но, так как я уже имел случай встретиться с доном Хенаро и вообще склонен преувеличнвать опасность, то я решнл, что это, быть может, конец моей жизни.

В нашу предыдущую встречу дон Хенаро пытался подтолкнуть меня к «остановке мнра». Но действовал он так странно н так в лоб, что дон Хуан сам велел мне уехать. Дон Хенаро показывал мне «снлу» совершенно необыкновенным, перевернувшнм все мое представление о жнзнн способом; вернувшнсь домой я в смятенни перечнтал раннне запнси дон-хуановскнх бесед, н в меня таннственным образом вселнлось какое-то новое цельное чувство. Но только теперь, увндев, как дон Хенаро плавает по полу, я окончательно осознал эту перемену.

Плаванне стояло в одном ряду с прочнми вνденными мной страннымн, сбнвающнмн с толку поступкамн. Плавал он так: хохоча, дергаясь всем телом н дрыгая ногамн, ложнлся на жнвот, начннал загребать рукамн н постепенно прнноравлнвал друг к другу двнження рук н ног; теперь он, точно на доске с колеснкамн, ловко обходя меня н дона Хуана, скользнл туда-сюда по всему дворнку.

Дон Хенаро н раньше так забавлялся, н дон Хуан уверял, что я каждый раз вот-вот должен был «увидеть». Не удавалось мне это нз-за стремлення рацнонально объяснить действня дона Хенаро. На этот раз я был наготове н не пытался объясннть или понять плаванье. Я просто смотрел. Замешательства я все же не мог побороть, а он все скользил, терся о землю животом и грудью. Глаза у меня начали сами собой скашиваться, а на душе вдруг стало беспокойно: я чувствовал, что еслн не буду объяснять происходящее, то «увнжу». Я так встревожился, что в какой-то мере вернулся в прежнюю точку, вновь попался в ловушку рационального.

Дон Хуан, должно быть, следил за мной — внезапно хлопнул по плечу, и я перевел на него взгляд. Когда же я снова повернулся к дону Хенаро, тот стоял совсем рядом со мной, чуть склонив голову и почтн касаясь подбородком моего правого плеча. Секунду я смотрел на него, а потом с опозданнем испугался и отскочнл.

Он забавно нзобразил на лице уднвленне, н я нервно засмеялся. Но сразу почувствовал, что смеюсь не так, как всегда. Что-то сжималось и разжнмалось в желудке, н в такт сотрясалось все тело. Дон Хенаро приложил мне к животу руку, н нервная дрожь унялась.

— Карлушка такой несдержанный! — воскликнул он, точно сам был ндеально воспитан.

И, подражая дону Хуану, добавил:

— Разве ты не знаешь, что воин ннкогда так не смеется?

Он так точно уловнл манеру дона Хуана, что я засмеялся еще пуще.

Затем онн ушлн куда-то вместе.

Вернувшись часа через два, около полудня, онн молча уселись на землю в дон-хуановском дворике. Оба былн усталые, сонные, чуть лн не вялые. Онн долго сидели не двигаясь, но, казалось, нм хорошо и покойно. Рот у дона Хуана был приоткрыт, точно он н вправду заснул, но большие пальцы сцепленных на коленях рук выбнвалн неведомый ритм.

Я же ерзал, садился то так, то этак... Наконец устронлся удобно н тоже затнх. Вндно, я уснул. Разбуднл меня смешок дона Хуана. Я открыл глаза: они оба смотрели на меня.

— Ты, Карлос, еслн не разговарнваешь, так спншь,— посмеиваясь, сказал дон Хуан.

— Ваша правда,— согласнлся он.

Дон Хенаро откннулся на спину и задрыгал ногамн в воздухе. Я испугался, что он снова прнмется за свои штучки, но он скоро уселся по-прежнему, скрестнв ногн.

— Пора тебе кое о чем рассказать,— начал дон Хуан. — О кубическом сантиметре удачн. Перед всякнм человеком — неважно, вонн он нли нет — мелькает порой этот кубнческий сантиметр. Отличается же вонн от обыкновенного человека тем, что знает об этом н этого ждет, и старается быть всегда наготове. Вонн должен быть быстр н ловок — счастье нельзя упустить... Удача, счастье, личная сила, называй как хочешь,— это особое состояние вещей. Как если бы мы вдруг заметили торчащий из землн прутик, который проснт: «Сломай меня». Обычно нам

недосуг, мы заняты делами нли просто несообразнтельны и ленивы, и не понимаем, что это есть кубнческнй сантиметр счастья. А воин всегда начеку, он напряжен, кипуч, поворотлив — и успевает его ухватить.

— А ты живешь напряженно? — резко спроснл меня дон Хенаро.

— Да,— уверенно ответил я.

— И сможешь ухватить кубнческий сантиметр счастья? — с сомнением спросил дон Хуан.

— Кажется, пока не упускал...

— А мне кажется, что ты готов только к тому, что тебе нзвестно,— заметил дон Хуан.

— Может, я и неправ, но по-моему я никогда еще не был так бдителен,— сказал я нскренне.

Дои Хенаро одобрительно кивнул.

— Да,— пробормотал он себе под нос,— Карлушка всегда напряжен, всегда наготове...

Я поиял, что надо мной подшучивают. Наверное, не понравилась моя самоуверенность.

— Не подумайте, что я хвастаю,— сказал я.

Дон Хенаро поднял бровн, раздул ноздрн, взглянул в мою тетрадь и сделал вид, что пншет.

— По-моему, Карлос, и вправду напряжен,— обратнлся дон Хуан к дону Хенаро.

— Пожалуй, даже чересчур,— перебил тот.

— Пожалуй,— согласился дон Хуан.

Я не знал, что сказать, и молчал.

— А помиишь, как я испортил твою машииу? — как бы иевзначай спроснл дои Хуан.

Вопрос был неожиданный, совсем не идущий к делу. Как-то раз я действительио долго ие мог завести мотор — пока дои Хуан не сказал, что сейчас заведется.

Я ответил, что такое забыть трудно.

— А ведь это безделица,— небрежно заметнл дон Хуан. — Сущая безделица. Верно, Хеиаро?

— Верно,— равнодушно бросил дои Хеиаро.

— Ничего подобного,— возразил я. — То, что вы сделали, совершенио выходит за рамки моего понимаиия.

— Это еще ни о чем не говорит,— отпарировал дон Хенаро.

Оии расхохотались, потом дон Хуан похлопал меия по спиие.

— Хенаро может сделать кое-что поинтересиее,— сказал ои. — Верно, Хенаро?

— Верио,— ответил дон Хенаро, по-детски надувая губы.

— Что же? — пытаясь остаться спокойным, спросил я.

— Забрать твою машину! — крикиул дон Хуан и добавил прежним тоном: — Верно, Хенаро?

— Верно! — завопил тот.

Я иевольно подпрыгнул и несколько раз крупио вздрогнул. В жизни не слышал такого громкого голоса...

— Как это — забрать?

— Хенаро, как это? — спросил дои Хуан.

— А так: сяду за руль, заведу мотор и уеду,— ответил дон Хенаро, безуспешио стараясь казаться серьезиым.

— А ну-ка, Хенаро, попробуй,— шутлнво попросил дои Хуаи.

— Сделаио! — доложнл дои Хенаро, хмурясь и искоса поглядывая иа меия.

Когда он хмурнлся, брови у него изгибались, как две волиы, а взгляд становился лукавым, произительным.

— Отличио,— одобрил дои Хуан.— Пойдемте, посмотрим иа машину.

— Да, да! Посмотрим на машииу! — эхом повторил дон Хенаро.

Оии очеиь медленно подиялись с земли. Секунду я сидел в нерешительиости, дон Хуаи знаком велел мне встать.

Мы стали подниматься на пологий холм возле донхуаиовского дома. Оии шли по обе стороны от меня — дои Хуаи справа, а дон Хеиаро — слева — шага на два-трн впереди, так что я их все время видел.

— Посмотрим на машииу,— снова повторил дон Хеиаро.

Дои Хуаи взмахнвал рукой, будто прял невиднмую нить нли нахлестывал кнутом кого-то идущего впереди; дон Хенаро делал то же н все тверднл: «Посмотрнм на машииу». На ходу они чуть подпрыгивалн н шагалн шнре обычного. Дон Хуан ннкогда раньше так не крнвлялся, было неловко иа него смотреть.

Мы достиглн вершины, и я взглянул вннз — там, у подножья холма, я оставил машнну, сейчас до иее должно было быть всего ярдов пятьдесят. В животе у меня что-то оторвалось. Машнны не было! Я сбежал с холма, огляделся — нету! Я растерялся, не знал что н думать.

Машнну я оставил здесь с утра, как прнехал, а с полчаса назад ходил сюда за новой тетрадью для записи. Тогда я хотел было опустнть стекла, потому что стояла страшная жара, но в воздухе внлнсь тучи москнтов, н я передумал.

Я снова огляделся. Не верилось, что машины нет. Я прошелся до края пустой плоской площадки. Дон Хуаи и дон Хенаро подошли ко мне н тоже сталн вглядываться вдаль — не видно лн где машины. На мгновение я приободрился, но сразу же почувствовал тягостное раздражение. Они, вндимо, заметнли это н прннялись ходить вокруг меня, взмахивая руками, точно меснлн тесто.

— Хенаро, как ты думаешь, что случилось с машиной? — кротко спроснл дон Хуан.

— Я ее угнал,— ответнл дон Хенаро и совершенно удивительным образом показал, как водят машину. Согнул ноги в коленях, как бы сел, н застыл, удержнваясь в таком положении только ножными мускулами; потом переиес тяжесть иа правую ногу, а левую вытянул к воображаемой педали сцеплеиия и зарычал, подражая звуку мотора. В довершение всего он притворялся, что иа дороге попалась яма и что его сильио подбросило — вышел точный портрет иеумелого водителя, судорожио сжимающего руль н прыгающего в кресле.

Представил ои все это отлнчио, и дои Хуан так хохотал, что потом долго не мог отдышаться. Я с удовольствием повеселился бы вместе с иими, ио мие никак ие удавалось успокоиться. Было страшно, тоскливо. Меия жгла необычайиая тревога, и я стал пинать валявшиеся иа земле камешки — сиачала потихоньку, потом все резче, озлобляясь, теряя над собой власть — во мие вдруг вспыхнула настоящая ярость. Точиее, словно подступила извне... Рассеялась она столь же таинственио. Я глубоко вздохнул, и мне стало легче.

Я ие решался взгляиуть на доиа Хуана. Было стыдио, и в то же время хотелось смеяться. Дон Хуаи подошел и похлопал меня по спиие, а дои Хенаро обнял за плечи.

— Ничего, ничего,— сказал дон Хеиаро. — Не сдерживайся. Разбей себе нос в кровь. Потом выбей камнем зуб. Сразу полегчает. А ие поможет — вон на том большом валуие тем же камнем раздави себе яйца.

Дон Хуаи усмехнулся. Я сказал, что мне стыдно за свое глупое поведение: сам ие поиимаю, что со мной делается. Нет, возразил дои Хуан, это притворство, а из-за притворства и злость.

Дон Хеиаро был необычио ласков: то и дело похлопывал меия по спине.

— Ничего, со всяким бывает,— закоичил дои Хуаи.

— Как это, дон Хуаи? — подделываясь под мой голос и мою манеру задавать вопросы, спроснл дон Хеиаро.

Дон Хуан прииялся говорить всякий вздор: «Когда мир переворачивается с ног иа голову, мы переворачнваемся с головы иа ноги, а когда мир переворачивается с головы на ноги, мы переворачиваемся с ног иа голову. Когда же мир, и мы переворачиваемся с головы иа ноги, нам кажется, что мы переворачиваемся с ног на голову...» Он иес всякую чушь, а дон Хенаро нзображал, как я за иим записываю: раздувая иоздри и не спуская с доиа Хуана широко раскрытых глаз, строчил в невидимой тетради. Он точио подметил мою привычку пнсать вслепую, ие нарушая естествеиного хода беседы. Вышло, и в самом деле, смешио.

Их хохот действовал успокаивающе. Я развеселился, воспрянул духом и тоже прыснул. Но тут же осекся и виовь ощутил тревогу и раздражеиие.

Происходнло небывалое. Исходя из логики, при помощи которой я всегда оценивал мир, этого понять было нельзя.

Но ведь восприятие мое таково, что машины нет... Мелькнула мысль — как всегда, когда дон Хуан ставил меня перед необъяснимым явлением — что меня попросту надувают. Под давлением таинственных обстоятельств мой рассудок невольно свернул на проторенную дорожку. Я принялся соображать, сколько помощников понадобилось бы дону Хуану и дону Хенаро, чтобы поднять и унести машину. Я был совершенно уверен, что хорошо запер двери и поставил машину на ручной и колесный тормоза. Сдвинуть ее с места можно было только подняв физически. Но собрать здесь нужное количество крепких мужчин невозможно. Другое дело, если они договорились с кем-то, и тот, разбив стекло, забрался в машину, завел ее с помощью проволоки и отогнал. Однако придумать такое было им не по силам, в технике они понимали мало. Оставалось единственное объяснение — меня гипнотизируют. И в самом деле, движения их так необычны и подозрительны... Я стал размышлять. Если меня гипнотизируют, значит сознание мое изменено. Я уже знал по опыту, что в подобном состоянии нельзя рассудочно уследить за течением времени — во всех испытанных мной состояниях необычной реальности в отсчете времени случались провалы, и я пришел к выводу, что если оставаться начеку, можно заметить такой провал. Например, вот я смотрю на горы, а в следующий момент — уже на долину, в противоположном направлении, но как повернулся, не помню. Я решил, что если и сейчас случится нечто подобное, исчезновение машины можно будет объяснить гипнозом. Нужно лишь не давать себе спуску и придирчиво вглядываться в каждую мелочь.

— Где же моя машина? — спросил я.

— Хенаро, где машина? — спросил дон Хуан.

Дон Хенаро стал лихорадочно переворачивать камешки и заглядывать под них. Так он пересмотрел все камни на площадке; иногда притворялся, что сердится, и ногой отбрасывал камень в кусты.

Дону Хуану, видимо, все это ужасно нравилось. Он то и дело прыскал, похохатывал; обо мне точно забыли.

Дон Хенаро в притворном отчаянии отшвырнул очередной камешек, и тут на глаза ему попался объемистый валун, единственный большой камень на площадке. Дон Хенаро попытался перевернуть его, но валун был слишком тяжел и прочно сидел в земле. Дон Хенаро тужился, кряхтел и, наконец, обливаясь потом, уселся на валун н позвал на помощь дона Хуана.

Тот повернулся ко мне и, лучезарно улыбаясь, сказал:

— Пойдем, поможем Хенаро.

— А что он делает?

— Ищет машину,— небрежно ответил дон Хуан.

— Господи! Да не под камнем же!

— Господи! Да отчего же не под камнем? — крикнул дон Хенаро, и они оба покатились со смеху.

Мы и втроем не смогли сдвинуть валун. Дон Хуан предложил сходить домой и принести какое-нибудь бревно — будет рычаг.

По дороге я сказал, что они занимаются чепухой; что именно они со мной делают, я не знаю, но делать это совсем необязательно.

Дон Хенаро неотрывно смотрел на меня.

— Хенаро — упрямец вроде тебя, от своего не отступится,— невозмутимо сказал дон Хуан. — Ты сам говорил: еслн тебе что понадобится, из-под земли достанешь. Вот и он такой — из-под камня достанет.

Дон Хенаро хлопнул меня по спине и сказал, что дон Хуан попал в точку: он, Хенаро, и вправду хочет походить на меня. Он раздул ноздри, в глазах его мелькнул безумный огонек.

Дон Хуан захлопал в ладоши и бросил шляпу оземь.

Мы долго бродили вокруг дома в поисках подходящего рычага. Наконец, дон Хенаро отыскал длинное и толстое бревно — кусок балки. Он взвалил его на плечо, н мы зашагали к стоянке.

Мы поднялись по пологому склону; последний поворот — и покажется моя площадка. И тут меня осенило. Сейчас я найду машину! Я рванулся вперед и один глянул вниз с откоса. Машины не было...

Дон Хуан и дон Хенаро, должно быть, угадали мою мысль. Громко хохоча, они бросились следом.

Мы спустились с холма, и онн тотчас принялись за работу. Несколько минут я в недоумении наблюдал за ними. Они и вправду пытались перевернуть валун и посмотреть, нет ли там машины... Обливаясь потом, крякали, пыхтели, дон Хенаро даже подвывал, как койот. Я не выдержал и тоже стал к рычагу. Они были необыкновенно крепкие, мускулистые, особенно дон Хуан. Я рядом с ними казался хилым мальчишкой.

Скоро и с меня пот лил градом. В конце концов мы перевернули валун. Дон Хенаро придирчиво и невыносимо долго изучал опустевшее земляное ложе.

— Машины здесь нет,— объявил он.

И оба буквально свалились на землю от хохота.

Я тоже нервно засмеялся. Закрыв руками лицо, дон Хуан корчился в приступах смеха.

Мы долго отдыхали, а потом дон Хенаро спросил:

— В какую сторону пойдем?

Дон Хуан указал подбородком.

— А куда идем? — спросил я.

— Искать машину! — без тени улыбки ответил дон Хуан.

Мы тронулись в путь; они снова шли по обе стороны от меня. Но уже через несколько шагов дон Хенаро сделал знак остановиться. На цыпочках подошел к росшему неподалеку круглому кусту, заглянул вглубь и сказал, что машины здесь нет.

Мы двинулись вперед, и скоро дон Хенаро снова жестом остановил нас. Встал на цыпочки, выгнул спину и, подняв руки над головой, нацелил пальцы, как когти. Он напоминал вопросительный знак. Постояв так секунду, он бросился на землю, как в воду, головой вниз, и вцепился в длинный прут с высохшими листьями. Осторожно поднял его, рассмотрел и снова сказал, что машины нет.

Заросли шли все гуще, н он заглядывал под кусты и, забираясь на низкие деревья, раздвигал листву и каждый раз возвещал: машины и здесь нет.

А я тем временем тщательно следил за своим восприятием. Оно оставалось по-прежнему непрерывным и последовательным. Я трогал камни, кусты, деревья. По очереди зажмуривая правый и левый глаз, смотрел сначала прямо перед собой, потом вдаль. Судя по всему, эта прогулка ничем не отличалась от прочих, вписанных в мою обычную жизнь.

Вдруг дон Хенаро улегся на живот и велел нам тоже лечь. Он сцепил руки и уперся в них подбородком. Дон Хуан сделал так же, и оба, глядя себе под нос, стали исследовать комковатую поверхность земли, словно бы усеянную крошечными холмами. Вдруг дон Хенаро, быстро взмахнув рукой, ухватил что-то. Они с доном Хуаном поспешно поднялись. Дон Хенаро вытянул сжатый кулак и сделал знак подойти ближе. Он стал медленно разжимать пальцы, и из кулака внезапно вырвалось что-то большое, черное. От неожиданности я отпрянул назад и чуть не упал. Дон Хуан поддержал меня.

— Нет, опять не машина! — пожаловался дон Хенаро. — Муха, черт ее побери... Извините...

Он неотрывно смотрел на меня — но не прямо, а искоса.

— Это была муха, верно? — спросил дон Хенаро после долгого молчания.

— Думаю, да,— ответил я.

— Не надо думать,— властно сказал дон Хуан. — Что ты видел?

— Я видел, как из кулака вылетело что-то большое, размером с ворону.

Этот ответ в точности описывал мое впечатление, я и не думал шутить, но они приняли его, кажется, как забавнейшую из шуток — так и залились хохотом.

— По-моему, с Карлоса на сегодня достаточно,— задыхаясь от смеха, хрипло выговорил дон Хуан.

Дон Хенаро сказал, что вот-вот найдет машину, он чувствует — она совсем близко. Дон Хуан заметил, что холмов многовато, здесь машину лучше бы не находить.

Дон Хенаро снял шляпу, вытащил из сумки обрывок веревки и, стягивая тулью, несколько раз обмотал его поверх ленты; затем привязал к болтающейся на шляпе желтой кисточке свой суконный пояс.

— Делаю воздушного змея,— пояснил он.

Я глянул на него: шутит, конечно. В воздушных змеях я разбирался. В детстве каких только не клеил, и сейчас видел, что поля у шляпы слишком тонкие и не выдержат ветра, а тулья слишком высока, ветер будет проникать туда, и шляпа не взлетит.

— По-твоему, не взлетит? — спросил дон Хуан.

— Ни за что.

Но дон Хенаро невозмутимо прикручивал к шляпе длинную веревку.

Дул крепкий ветер: дон Хенаро отдал своего шляпного змея дону Хуану, а сам побежал вниз по склону, дернул веревку — и чертова шляпа взяла да взлетела...

— Смотри, какой змей! — крикнул дон Хенаро.

Шляпа кренилась, но держалась в воздухе.

— Не отрывай взгляда от змея,— приказал дон Хуан.

На секунду у меня закружилась голова. Я вспомнил далекое детство: словно бы это я сам в ветреный день пускаю змея в родном городке... Я углубился в воспоминание и забыл о времени...

Я услышал крик дона Хенаро и увидел, как шляпа круто нырнула раз, другой и упала на землю, туда, где стояла моя машина. В одно мгновение все было кончено, и я не успел как следует разглядеть, что же произошло. Перед глазами все поплыло, я никак не мог собраться с мыслями. В голове засела мучительная картина: шляпа то ли превратилась в машину, то ли упала на нее. Хотелось верить в последнее — что дон Хуан лишь указал на машину при помощи шляпы. Так ли было на самом деле, не имело значения — и то, и другое выходило достаточно жутко. Однако, стараясь сохранить умственное равновесие, рассудком я упорно цеплялся за эту чисто условную подробность.

— Не противься,— услышал я голос дона Хуана.

Во мне словно бы что-то рождалось. Мысли и образы накатывали сами по себе, вольными волнами, как бывает, когда вот-вот провалишься в сон. Я в смятении смотрел на машину. Она стояла футах в ста на каменистой площадке — точно ее только что туда поместили. Я подбежал и стал ее разглядывать.

— Черт возьми! — воскликнул дон Хуан. — Да что ты на нее уставился? «Останови мир»!.. Вспомни о шляпе Хенаро! — как во сне слышал я его голос.

Я взглянул на них. Они смотрели неотрывно, пронзительно, с каким-то чудным выражением. Внезапно заболели живот и голова, и меня стошнило.

Посидев немного, я машинально отпер дверцу, и дон Хенаро забрался на заднее сиденье. Дон Хуан тоже сел сзади, рядом с ним. Странно, обычно он садится впереди...

Я вел машину почти бессознательно, как в тумане, плохо соображая, где я и что делаю. Резало в животе, дурнота отупляла.

А дон Хуан и дон Хенаро на заднем сиденье смеялись, как дети.

— Долго еще ехать? — спросил дон Хуан.

Я встряхнулся и поглядел кругом. Дом был совсем близко.

— Уже подъезжаем,— выдавил я.

Они разразились хохотом. Били в ладоши, хлопали себя по коленям.

Подъехав к дому, я выскочил из машины и открыл им дверцу. Дон Хенаро вышел первым и стал благодарить меня: никогда ему еще не доводилось прокатиться так приятно и покойно. То же повторил и дон Хуан. Я пропустил все мимо ушей.

Запер машину и едва доплелся до дома. И уснул под громогласный хохот дона Хуана и дона Хенаро.

Перевод **Т. ТУЛЬЧИНСКОЙ**

Окончание следует

...Что на Болвановке

«Пересматривая указатель Москвы,— писал в одном из своих фельетонов в 1902 году непревзойденный знаток московского быта В. А. Гиляровский,— я поражаюсь!

Банных переулков семь! Безымянных — девятнадцать! Благовещенских — четыре, Болвановских — три!

Только три.

Мало по нашим грехам! Ей-богу, мало!»

Да, необозримо-неисчислимо «грехов» было накоплено на Руси к 1902-му году, а сколько их добавилось в последующие десятилетия, вплоть до наших дней,— об этом и говорить не приходится! Но Болвановские переулки — по смыслу и происхождению своего названия — никакого отношения к подобным грехам — к ошибкам, заблуждениям, недомыслию и просто глупости — не имеют. В названиях сокрыта многовековая русская старина...

Болвановские переулки, расположенные в Замоскворечье и в его сословном «филиале» — Заяузье (треугольнике, ограниченном Москвой, впадающей в нее Яузой и линией бывшего Земляного вала, ныне — Садового кольца), давным-давно исчезли с московского плана (благополучно переименованы), и память о них хранят в своих теперь мало кому известных названиях две старинные православные церкви: Спаса на Болвановке (в Замоскворечье) и Николы на Болвановке (в Заяузье).

Ровно столетие разделяет великие исторические вехи, с памятью о которых связаны эти обычные приходские церкви. Эти вехи — Куликовская битва, положившая начало избавлению Руси от золотоордынского владычества —1380-й, и окончательное освобождение от векового иноземного ига — 1480-й год. Столетие во времени и ... всего лишь каких-то 1600 метров (по прямой) в пространстве, на священной московской земле.

Приглашаю вас в воображаемую экскурсию — от церкви во имя Николая-чудотворца, что на Болвановке в Заяузье (на Таганской площади) к церкви во имя Спаса Преображения, что на замоскворецкой Болвановке (в примыкающем к Новокузнецкой улице 2-м Новокузнецком переулке[1]). Но прежде уясним этимологию этого колоритного топонима. Он — от слова «болван», которое сегодня звучит не иначе, как оскорбление. Однако обратимся к древнему, исконному смыслу сего «бранного» слова.

У Владимира Даля: «истукан, статуя, идол, языческий изваянный бог». Абсолютно ничего оскорбительного, «ругательного». Согласно одной из этимологических версий, оно пришло в русский язык из тюркского («balval» — столб с надписями), а в тюркский, в свою очередь, пожаловало из китайского... Есть, правда, еще одна этимологическая версия, выводящая «болвана» из персидского «пэглеван» — «атлет», «борец», «богатырь». Был в давние времена обычай ставить на могилах воинов-героев грубо отесанные столбы — изображения побежденных ими врагов. В «Слове о полку Игореве» упоминается Тмутараканский болван (Тъмутороканьскый блъванъ). Как полагают исследователи-комментаторы, речь идет об одной из двух огромных статуй — изваяний божеств Санерга и Астарты, в течение двух тысячелетий, с III века до нашей эры по XVIII век нашей эры, простоявших на Таманском полуострове (ныне — западная оконечность Краснодарского края, а во времена Киевской

[1] *До 1954 г. — Малый Спасоболвановский пер. (Прим. автора).*

Иван III разрывает ханскую грамоту с требованием дани. Художник Н. Шустов. Литография XIX в.

Руси — Тмутараканское княжество, отторгнутое половцами во второй половине XI века).

Таким образом, словом «болван» (попытаемся на минуту избавиться от стойких эмоциональных ассоциаций, с ним связанных, хотя это — по собственному опыту чувствую — почти безнадежная попытка) можно обозначить любую скульптуру, будь то даже Аполлон Бельведерский или Венера Милосская.

Какая же связь всего этого в Заяузьем и Замоскворечьем? А самая прямая. Историки Москвы, основываясь на древних преданиях, считают, что оба эти урочища названы были некогда Болвановками, или Болвановьями, потому что здесь размещались постоялые дворы золотоордынских послов — баскаков с их, как говорили в старину, капищами, кумирнями, в которых стояли изваяния божеств. Францисканский монах Джованни дель Плано Карпини, эмиссар папы римского, в середине XIII века, вскоре после завоевания Руси Батыем, совершивший путешествие в Монголию, свидетельствовал в книге «История Монгалов»: «... у них есть какие-то идолы из войлока, сделанные по образу человеческому... Других же идолов они делают из шелковых тканей и очень чтут их. Некоторые ставят их на прекрасной закрытой повозке пред входом в ставку...»

Спустя сто лет после завоевания Руси, в Золотой Орде государственной религией стал ислам, введенный во время правления хана Узбека (1313—1343), а до того здесь поклонялись идолам, сиречь — болванам.

Из Заяузья и из Замоскворечья шли на юго-восток, через Дикое Поле, главные дороги в Золотую Орду, к обеим ее нижневолжским столицам — Сараям; Старому (Сарай-Бату) и Новому (Сарай-Берке). Одна — через Коломну, другая — через Серпухов. Шли и возвращались обратно... Здесь, на этих Болвановках, московские князья, рассказывает один из крупнейших дореволюционных историков Москвы И. М. Снегирев, должны были, кланяясь, выходить навстречу ханским послам, с поклоном подносить им золотой кубок с кумысом, стелить им под ноги собольи меха. Столь же пышными для баскаков и унизительными для князей были проводы послов...

Почему же слово «болван», которое не имело в исконном смысле своем ничего осудительного и тем более бранного, и означало объемное, скульптурное изображение — «во всю плоть», как говорили в старину, то есть статую, обрело в Древней Руси такую негативную и такую стойкую эмоциональную окраску? Именно потому, что оно означало статую, скульптурное изображение человека (включая и божества в человеческом облике). А в эпоху становления христианства, его противоборства с язычеством, эти «богомерзкие истуканы» подлежали низвержению и полному уничтожению. Вспомним судьбу киевского Перуна, так драматично и красочно отображенную в «Повести временных лет».

Вернемся к древним московским Болвановьям или Болвановкам.

Болвановка Заяузская упомянута первой — в «Сказании о Мамаевом побоище»... На исходе августа 1380 года, в тот день, когда объединенное русское войско под водительством великого князя Дмитрия Ивановича выступило из белокаменного Кремля навстречу мамаевым ордам,— одна из трех колонн пересекла заяузское Болвановье (район современной Таганской площади). «Князь же великий отпустил брата своего, князя Владимира, дорогою на Брашево, а белозерских князей — Болвановскою дорогою, сам же великий князь пошел дорогою на Котел...»

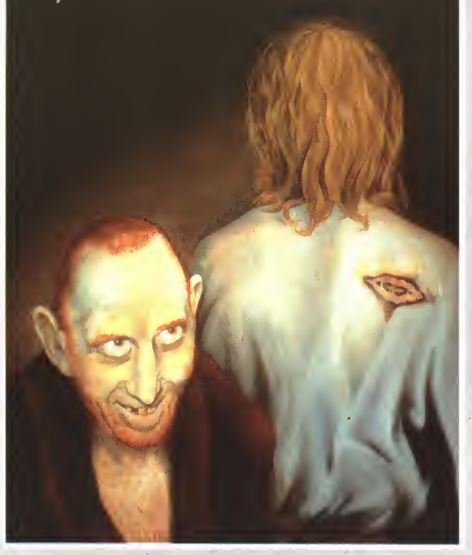
Болвановская дорога — дорога, начинающаяся от заяузского Болвановья...

И вот вся эта история, вся эта эпопея «зацепилась», в сущности, за православный храм, стоящий в двух шагах от наземного вестибюля станции метро «Таганская — кольцевая». В его названии — Никола на Болвановке — только и осталась «болвановская» топонимика.

Храм этот возведен был в 1702—1712 годах выдающимся зодчим и каменных дел мастером второй половины XVII — начала XVIII века Осипом Дмитриевичем Старцевым, вошедшим в историю российского (и европейского) зодчества благодаря главному творению его жизни — сказочному надвратному терему неподалеку от Таганки, в Крутицком подворье. Церковь Николы на Болвановке стала его «лебединой песней». Два года спустя после завершения ее император Петр I наложил запрет на любое каменное строительство в империи, не делая исключения и для храмов божиих, дабы все средства, все силы сосредоточить в Невском устье, где за одиннадцать лет до этого была заложена новая российская столица. И старый зодчий, которого суровая державная воля лишила возможности заниматься делом всей его жизни, с горя постригся в монахи в одном из московских монастырей.

Никола на Болвановке, при всей скромности и непритязательности архитектурного облика,— типично русский храм. Взгляните на него не с западной стороны, откуда был сделан снимок, воспроизведенный на обложке журнала, а «сбоку»,— и вы воочию убедитесь в точности образного обозначения подобной архитектурной композиции — «корабельный храм». Заостренный, почти как обелиск, шатер так и смотрится носовой мачтой. «Горка кокошников» этой церкви, расположенных «впере-

Окончание на 4-й стр. обложки



Поцелуй
Иуды.
1988

Ноша.
1989

...что на Болвановке

Начало на с. 63

бежку», то есть таким образом, что кокошник второго ряда возвышается между двумя в первом ряду,— такая же неповторимо-своеобразная особенность русского церковного зодчества, как и величественные, изящные, легкие шатры.

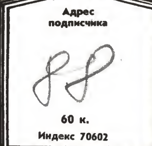
От Болвановки Заяузской — к Болвановке Замоскворецкой... Баскаки, прибывающие в Москву из золотоордынских столиц, привозили с собой весьма важную вещь — ханскую басму[2]. Она-то и «выводит» нас на другой «болвановский» храм — церковь во имя Спаса Преображения, что на Болвановке, в Замоскворечье. Этот храм на несколько десятилетий моложе своего «тезки» и исторического «побратима» в Заяузье, и построен он был уже в ином стиле — стиле барокко, характерном для середины XVIII века. Историческим предшественником этой церкви следует считать золотоордынское подворье — просторную «резиденцию» ханских посольств, когда они пребывали в Белокаменной. Долгое время подворье это находилось в самом Кремле, но в 70-х годах XV века оно переселилось в Замоскворечье. Добиться этого удалось супруге Ивана III Софье Палеолог, племяннице последнего византийского императора.

Гордая Софья, рассказывает об этих событиях историк и библиофил Михаил Дмитриевич Хмыров (оставивший нам в наследство уникальное собрание вырезок из русских газет, журналов и альманахов — свыше 12 тысяч!) в статье, опубликованной на страницах альманаха «Северное сияние» (том II. Спб. 1863. С. 613), «не довольствуясь тем, что муж ее, в дни въезда ханских послов в Москву, уже несколько лет кряду сказывался больным, не могла оставаться равнодушною к близкому соседству подворья ханских баскаков с дворцом и, наконец, изобрела способ благовидно избавиться от такого соседства. Способ Софьи состоял в том, что она послала золотоордынской ханше дары, сопровождаемые покорнейшею просьбою уступить ей место ордынского подворья в Кремле, так как на этом месте она, побуждаемая неким таинственным видением, желает воздвигнуть храм. Суеверная ханша поспешила содействовать исполнению желания великой княгини, и татарские баскаки были выведены из Кремля в Замоскворечье...» На Болвановку, конечно. Место золотоордынцам хорошо знакомое, исторически прочно с государством их связанное.

И вот на этом-то месте, если верить преданию — и разыгрались вскоре события, ярко и впечатляюще предвосхитившие окончательное освобождение Руси от золотоордынского владычества...

Завершалось первое столетие со дня Куликовской битвы, положившей начало освобождению Руси от золотоордынского владычества...

Более двух месяцев длилось знаменитое «стояние на Угре». Войско Ивана III стало несокрушимым заслоном на левом берегу реки, войско хана Ахмата вышло на правый берег.



Хан так и не сумел форсировать Угру и опрокинуть московские рати. «Под Михайлов день» хан решил уходить восвояси.

А пришел-то он на Угру, разумеется, не просто так. Разъяренный упорным отказом московского государя выплачивать ежегодную дань Орде, правитель ее отправил в русскую столицу посольство с требованием не только выплаты дани («ордынского выхода»), но и приезда великого князя в Орду на ханский суд. В руках старшего баскака была басма, своего рода верительная грамота, как бы мы теперь сказали — мандат, подтверждающий его чрезвычайные полномочия. Согласно преданиям, запечатленным в летописях, Иван III выехал навстречу ордынскому посольству и здесь, в подворье, «прием же басму. Лица его и поплевав на ню, низлома (разломал, разорвал.— **А. Ш.**) ея, и на землю поверже, и топта ногами своима, и гордых послов всех изымати (схватить, арестовать, а затем и казнить.— **А. Ш.**) повеле, а единого отпусти живе...»

Отпустил, превратив его фактически из посла ордынского, ханского — в посла московского, великокняжеского. Отпустил, дабы тот поведал повелителю своему обо всем, что произошло в Москве, в ханском (теперь уже — бывшем) подворье.

Александр ШАМАРО

Басма (от глагола «басмак» (тюркск.) — давить, бить, чеканить) — оттиск, отпечаток с ханским повелением, возможно, и неким условным изображением хана.